

УРАЛЬСКИЙ
следопыт
www.uralstalker.com

ISSN 0134 - 241X

03 (669) март, 2013

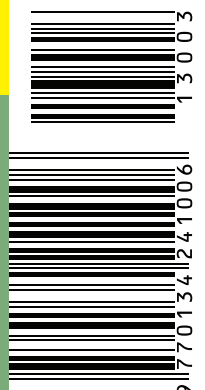

Горячий лед

КАК ЗЕМЛЮ МЕРЯЛИ

ОРЛОВ ПРОВАЛ

РАСКОЛЬНИЧЬЕ ГНЕЗДО

9 770134 241006 13003

Март 2013

Главный редактор – М. Ю. Фирсов.

Редакторы разделов – Ю.А. Горбунов, Б.А. Долинго, А.И. Гушин.

Литературный консультант – В. Абоян.

Худ. редактор, верстка – С.А. Секисов.

Набор – В.М. Кадочникова.

Корректор – Л.В. Юсупова.

Интернет – Е. Марков.

Фото на 1-й стр. обложки – С. Белоглазов.

Редакция, издатель – общественная организация «Трудовой коллектив редакции журнала «Уральский следопыт»

Редакционный совет –

Владислав Крапивин, Сергей Казанцев, Геннадий Пращевич, Олег Поскребышев, Юрий Казарин, Вадим Осипов, Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

Наблюдательный совет –

- Виктор Байдуков, Свердловское отделение РГО
- Сергей Захаров, Председатель Челябинского ро РГО
- Алексей Прокашев, Председатель Кировского ро РГО
- Иван Рысин, Председатель Удмуртского ро РГО
- Игорь Кузнецов, Председатель Ученого Совета ро РГО в ЯНАО
- Сергей Ларин, Председатель Тюменского ро РГО
- Николай Назаров, Председатель Пермского ро РГО

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ».

Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Почтовый адрес редакции, издателя:

620075, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Телефон: +7(343)295-61-27

E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.com

Учредитель – ООО «Уральский следопыт».

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по РФ

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37218, выдано 18.08.2009 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Рукописи принимаются отпечатанными не менее 12 пт, по 60 знаков в строке, 28–30 строк на странице. Каждая страница рукописи должна быть подписана автором. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакторскую правки. В первую очередь рассматриваются рукописи, дополненные электронной версией (E-mail, CD, DVD). Автор несет ответственность за предоставление материалов и иллюстраций, обремененных правами третьих лиц.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле ТЕМА. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна.

Материалы рубрики «Добрые попутчики «Уральского следопыта» публикуются на правах рекламы.

Уважаемые читатели, оформить подписку на журнал «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com» вы можете через:

- Почтовые отделения России, каталог Агентства «Роспечать», индекс 73413
- Агентство «УРАЛ-ПРЕСС» в Уральском регионе
- Агентство «МК-ПЕРИОДИКА» в России
- Агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-ПОЧТА» в России, странах ближнего и дальнего зарубежья

Встречный ветер

Наши проекты

А.ГУЩИН
Горячий
лед..... 3

Экспедиция

П.УШАКОВ
От знака
к знаку..... 8

Природные парки

Е. ТАМПЛОН
Пещера
Ледник..... 18

Экспедиция

В.МОИСЕЕВ
Вышки
над тайгой 20

Экспедиция

М.ГОЛОВАТИН
Косолапый
хулган 25

Добрые попутчики

Е.ФИРSOVA
Сказочный
лечебный край... 40

Река времени

В мире прекрасного

В.СТРУГАНОВ
«Греются люди, сойдясь
над кострами, пламенем
слов...» 10

Тропой поиска

**А.СЛЕПУХИНА,
Н.БЕРДУГИНА
Э.Сенкевич.**
Врачебное дело... 14

Тропой поиска

Н.ЗАПОРОЖЦЕВА
Петербургские
тайны
Миловского..... 28

Далекое-близкое

А.МУРЗИН
Рыбовод
Иван Кучин..... 33

Никто не забыт?

Б.ВАЙСБЕРГ
Детям-труженникам
тыла – камень
или памятник? ... 36

Далекое-близкое

Ю.ДЕМЧЕНКО
Сказки Коелги..... 42

**Верхотурские
были-небыли**

Ю.ГОРБУНОВ
Березовый
старик..... 46

Журнал в журнале

Аэлита

Горячий лёд

Необычный спортивный праздник прошёл 10 февраля в Екатеринбурге — «Ледовый штурм-2013»

Вот уже в шестой раз организует и проводит его редакция одного из старейших журналов — «Уральского следопыта». Разумеется, как всегда, не без добрых помощников — министерства физической культуры, спорта и молодёжной политики Свердловской области, управления по развитию физической культуры и спорта администрации Екатеринбурга и двух известных в областном центре спортивных магазинов — «Манарага» и «Альпиндустрия».

Анатолий Гущин

Екатеринбургский журналист. Печатался в московских и уральских журналах. Автор четырех книг публицистики, в том числе документальной повести «Убийство у горы Мертвецов» о загадочной гибели туристов УПИ на севере Свердловской области в 1959 году. Лауреат многочисленных всероссийских и региональных журналистских и литературных конкурсов. Постоянный автор «Уральского следопыта».

www.uralstalker.com

Фото: Е.Штамм, Е.Фирсовой и С.Белоглазова (фотостудия «Магнет»).

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

но занимать всего по две лунки. Расстояние между спортсменами не должно было превышать пяти метров. Ловить — одной удочкой с одним крючком. Насадка — малинка или мормыш. Подкормку, правда, можно было использовать любую.

Но рыбаки не роптали. Понимали: иначе нельзя. Если дать участникам волю, они разбегутся по всему пруду. И потом возникает соблазн для махинаций. Кто-то может ведь и нечестно поступить. На некоторых соревнованиях такие факты, к сожалению, встречались. Уходит, например, рыболов «по нужде» в кусты, а там ему дружки за пазуху заранее пойманного леща заковыбают. Вот тебе и победа!

Поэтому судьбы строги.

В этот день было жарко (да что там жарко, горячо!) сразу на нескольких ледовых площадках. Прямо в центре уральской столицы, в Ледовом городке, у самой новогодней ёлки, альпинисты брали штурмом ледяную отвесную 12-метровую стену, специально сооружённую для этой цели. Тут же, рядом, состязались силачи — мастера и любители якутского вида единоборства — мас-рестлинга, суть которого — в перетягивании друг друга деревянной палочкой.

Ну а самые «тихие», хотя и не менее азартные, соревнования прошли на льду городского пруда — здесь состязались в ужении рыбы на мормышку рыболовы.

Они стартовали первыми. На лёд стали прибывать ещё затемно — регистрация шла с 8 до 10 утра. А некоторые, кстати, приехали издалека — из Нижнего Тагила, Каменска-Уральского, Первоуральска, Сысерти. Один рыболов был даже из Кургана. Но в основном, конечно, из Екатеринбурга.

Здесь, на пруду, «Уральскому следопыту» активно помогала целая бригада судей из Свердловской областной федерации рыболовного спорта во главе с её председателем Андреем Волковым. Они заранее разметили флажками часть акватории водоёма, обозначив таким образом место ловли рыбы. Условия были жёсткими: каждому участнику разрешалось одновремен-

Уральский следопыт, март 2013

участнице, Vere Ларюхиной, всего девять лет.

И вот старт дан. Время ограничено: на ужение отводится ровно четыре часа. Победит тот, у кого будет самый увесистый улов.

Рыболовы дружно начинают сверлить ледобурами лёд. Он аж запел.

— От такого шума вся рыба за километр убежит, — шутит известный екатеринбургский рыбовод и предприниматель, кстати, организатор летнего фестиваля «Чусовая — река родная» в селе Чусовом, Борис Петров.

Он пришёл на «ледовый штурм» неспроста.

— Во-первых, — говорит, — мне интересен опыт проведения зимних соревнований. Возможно, он пригодится мне при проведении своего фестиваля на Чусовой. Во-вторых, я просто не мог не прийти и не поддержать Максима Фирсова, который всегда приезжает и принимает участие в моём рыбацком форуме.

Вскоре Борис тоже занимает своё место на льду и замирает с удочкой над лункой... Время пролетает незаметно. Вот и пришла пора подводить итоги.

Удача улынулась многим. На взвешивание уловов выстраивается целая очередь. У всех в основном — ёрш. Но у одного есть даже небольшой судак и плотвички.

— Только к концу соревнования и начало клевать, — сетует он. — Еще бы хоть часок порыбачить, глядишь, тогда бы и отличился!

Всего нынче на рыбацкие соревнования прибыло 66 человек. Что характерно, состав участников оказался более разнообразным, чем в прошлом году. Это с удовлетворением отметил и главный редактор «Уральского следопыта» Максим Фирсов.

— Очень приятно, — сказал он, — что с каждым годом расширяется география участников. Люди приезжают со всей области и даже из соседних регионов. Но ещё более приятно, что среди участников больше становится женщин. Нынче их три. Год назад было две. Еще одна особенность этого сезона — наравне со взрослыми вступают в борьбу и дети. Их семеро — три девочки и четыре мальчика. Самой юной

Многолюдно в этот день было и на другом конце пруда, ближе к Плотинке. Здесь собрались люди с ограниченными возможностями — инвалиды, в том числе колясочники. Для них региональная общественная организация «Команда «Восхождение» организовала катания на снегоходе. Для этого использовались специальные инвалидные коляски на лыжах. Их цепляли «змейкой» за снегоход по пять штук и катали всех желающих.

— За день мы смогли покатасть на снегоходах более ста человек, — говорит руководитель общественной организации Анатолий Вязовцев. — Были и дети. Кстати, некоторых из них удалось также покатасть и на собачьих

— Соревнования по мас-рестлингу на фестивале «Уральского следопыта» мы проводим уже не первый раз, — рассказывает один из организаторов спортивного шоу Михаил Пермяков. — Для нас это — лишний повод заявить о себе, привлечь внимание общественности. Этот спорт хорош тем, что, с одной стороны, напоминает игру, а это особенно нравится детям, молодёжи. А с другой — неплохо развивает физически. В этой борьбе большое значение имеют и сила рук, и сила ног, и, конечно, сила духа. Ещё один существенный плюс — он нетравмоопасен. И может быть полезен не только мужчинам, но и женщинам.

В турнире как раз приняли участие как те, так и другие. Всего — 36 спортсменов. В основном из Екатеринбурга и Сысерти. Почему Сысерти? Да потому, что этот город становится центром мас-рестлинга на Среднем Урале. Потому что здесь собралась команда подвижников этого вида спорта. И именно здесь находится штаб Уральской федерации.

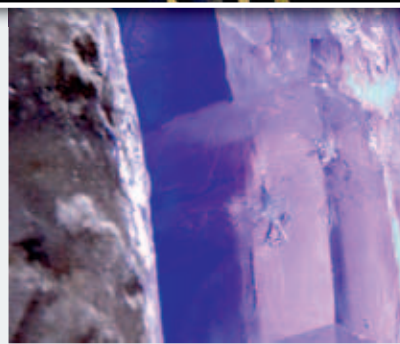
Однако, пожалуй, самыми притягательными в этот день стали соревнования альпинистов. Им пришлось покорять отвесную, гладкую, ледовую стену. С инженерной точки зрения,

упряжках. Сделал это известный уральский путешественник, владелец собачьего питомника «Эльбрус» Павел Смолин. Инвалиды были очень рады такому отдыху на льду. Для них это был настоящий праздник.

Не успели закончиться мероприятия на льду пруда, а на Площади 1905 года уже начались состязания по мас-рестлингу. Это якутский вид спорта. Его суть — в перетягивании соперника с помощью деревянной палочки. Соревнующиеся, согласно своим весовым категориям, садятся друг против друга, упираются ногами в разделяющую их доску, берутся хватом снизу или хватом сверху за палочку и по команде судьи перетягивают соперника на свою сторону либо вырывают палочку из рук соперника. И то и другое считается победой.

Борьба получается захватывающая. Не случайно возле сцены, точнее — помоста, где проходили эти состязания,

собралось довольно много народу. Тут и болельщики, тут и участники.

В последнее время этот вид спорта на Среднем Урале получает всё большее распространение. Появились энтузиасты, которые занимаются его продвижением в массы. Создана Уральская федерация мас-рестлинга. Вот и в рамках фестиваля «Ледовый штурм» руководство федерации провело Открытый турнир Екатеринбурга по этому экзотическому для нас виду единоборства.

это уникальное сооружение. На вид стена кажется достаточно хрупким сооружением, однако она имеет устойчивую конструкцию. Строили стену опытные специалисты по заказу журнала «Уральский следопыт». Тут болельщиков собралось ещё больше.

Несмотря на то, что почти все спортсмены опытные, за плечами некоторых из них самые высокие в мире горные вершины, однако ледяная стена оказалась по зубам

не каждому. Не спасало даже уникальное снаряжение — специальные ботинки-«кошки» с острыми шипами, крючья, с помощью которых скалолазы вгрызались в лед, чтобы удержаться на весу.

Конечно, как и в горах, здесь тоже не обходится без страховки.

Трасс было три. Первая называлась — «квалификация», вторая — «скорость» и третья — «сложность».

Для прохождения первой допускались все желающие, разумеется, при наличии необходимого обмундирования и амуниции. Вторая трасса была своеобразным отборочным этапом — после её прохождения определились наиболее сильные и опытные. Таких оказалось восемь человек. Они и были допущены к прохождению самой сложной, третьей трассы.

Цель одна — покорение ледяной стены на скорость. В данном случае по другим критериям прохождения было оценивать трудно. Поэтому за основу взяли этот — время.

Вот к старту готовится альпинист Олег Сушков. Звучит команда «старт», и он, словно человек-паук, начинает карабкаться вверх. Первые метры прошел легко. Но что такое — немного не дотя до середины дистанции, соскальзывает и повисает на страховочных веревках: срыв! Не зачет!

Не покоряется стена и следующему участнику. Тоже срыв!

Срывов было много...

Лед — дело скользкое. Болельщики тяжело вздыхают. Почти половине альпинистов взять ледовую стену не удалось.

Но нет таких вершин, которые бы не им покорялись!

Мастер спорта по альпинизму Максим Михайлов, например, взял стену с первой попытки. Кстати, он прибыл на фестиваль не один, а со своими юными воспитанниками, которых тренирует в специализированной детско-юношеской спортивной школе олимпийского резерва. И они тоже показали высокое мастерство. Некоторые из них выступили вполне успешно.

Сам Максим Михайлов занял в мужском зачете золото. Серебро до-

сталось Анатолию Сыщикову, бронза — Павлу Калабину.

В женском зачете первые три места завоевали Алена Кочебаева, Ольга Черных и Ольга Кальчурина.

Иначе и быть не могло. «Ледовый шторм» закончился победой. А главное — он удался в очередной раз, стал настоящим зимним праздником для многих уральцев... **УС**

От знака – к знаку

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Вещи собраны, баки наполнены бензином, и мы в полной боевой! Мы — это я и мой напарник штурман. И вот наша «Нивка» бодро вылетает на Серовский тракт. В голове вертится с детства знакомая песня: «А я еду, а я еду за туманом, за туманом и за запахом тайги». Начинаю негромко напевать, штурман подхватывает.

Машина не хочет ехать!

Но что такое? Отъехав от Екатеринбургa всего-то... метров 500, машина глохнет, встает и даже не подает признаков жизни! Ищем причину. Оказывается, нет искры! Звоню своему соседу — автомеханику, он приезжает и на веревке возвращает нас назад, в гараж. Колдуем над автомобилем битый час, находим, наконец, искру, но, как назло, перестает работать карбюратор! Промываем карбюратор — машина начинает «троить». Короче, она упорно не хочет ехать! Но человеческий разум оказался сильнее, и через шесть часов мы снова на «коне», снова мчимся в сторону Серова.

До Ивделя, а это более 500 километров, домчались быстро, часов за семь. Стали у местных спрашивать, как добраться до Сибиревского прииска и Поповского увала. И были очень удивлены, что никто и ничего про них не зна-

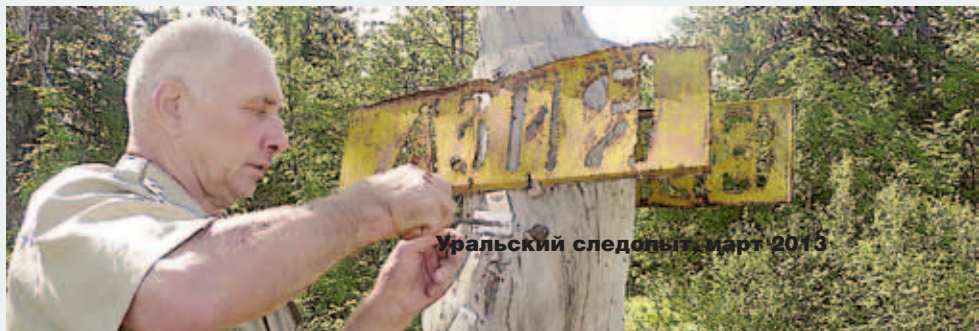
ет! Но у нас есть карта и навигатор. После Полуночного сворачиваем налево и через 45 км оказываемся на мосту через реку Ивдель, в районе второй плотины, где заключенные после заготовки леса взрывали ее, сплавливая лес по большой воде дальше.

От второй плотины навигатор показывает: до Поповского увала — 37 км, дорога хорошая, я расслабился и вскоре налетаю на острый камень. Колесо пробито! А ведь были уже не так далеко от цели — всего в 20 км! А вот что касается ближайшей шиномонтажки, то до нее все 60!

Петр Ушаков

Свое главное хобби он нашел здесь, в России. Цель — посетить, уточнить координаты, систематизировать все знаки «Европа-Азия», близка к завершению. Из 49 обелисков Петр уже побывал на 44.

Уральский следопыт. Март 2013

Извечный вопрос: что делать? В моем штурмане проявляется дух авантюризма, и он предлагает ехать дальше без заправки. Мы продолжаем свой путь. Проезжаем несколько мелких речушек. Наша цель — посетить два знака на границе Европы и Азии. Начиная с самого севера, это знаки 6 и 7. (Всего их на границе установлено 49.) Получится ли?

Мы катим по дороге, которая сперва переходит в тропинку, а затем и вообще заканчивается. Видимо, заросла. Пару километров «рубимся» по подлеску, но впереди стеной стоят корабельные сосны. Все, дальше ехать невозможно. Поворачиваем назад, находим другую дорогу, едем, но всё повторяется вновь! Опять упираемся в тупик. А навигатор упорно показывает дорогу!

Уставшие, возвращаемся к развилке, с которой начали путь, и готовимся к ночлегу...

Не надо верить навигатору!

Утром завтракаем, и снова на поиски дороги. Должна же она где-то быть? По карте есть еще одна не пройденная нами дорога, устремляемся к ней.

Сперва едем в правильном направлении, потом дорога идет южнее, и через 9 км вдруг подъезжаем к Денежжину камню: опять не то!

Разочарованные, вновь возвращаемся к плотине и находим еще одну развилку, которую проскочили, надеявшись на навигатор. Смотрим по карте: дорога идет всего 8 км и заканчивается. Все же решаем проверить. И не ошиблись! Дорога ведет к нашей цели на Поповский увал. Снова форсируем реку Ивдель, где я сел передком на камушки. Но на этот раз без ЧП.

Дорога поднимается все выше и выше. Но вот показался и сам знак. Здесь он представляет собой деревянный столб с вырезанными лицами: с одной стороны — европейский про-

филь, с другой — азиатский, и табличка — Европа-Азия.

Вырезали и установили знак рабочие Сибиревского прииска. Координаты знака N6058431 E5921839.

Обратный путь всегда короче, тем более с горки. На речке убираю большие валуны и спокойно проезжаю вброд. Долетаем до Полуночного, ремонтируем запаску и — к следующему знаку.

Через 30 км от Ивделя машина пошла юзом, колеса намертво заблокировались, и мы встали. На наше счастье, мимо проходил УАЗ. Оттаскиваем машину с дороги на обочину и приступаем к ремонту. Диагноз не утешителен: заклинило хвостовик заднего моста.

Выпиливаем пару чурочек, «вывешиваем» машину, снимаем редуктор. Бурундуки вылезли на обочину и внимательно наблюдают за нами.

Небольшой ремонт, редуктор крутится, но мы теперь только переднеприводные! Можно снова двигаться, но глаза слипаются и мы засыпаем прямо в машине...

Жигалан, всегда Жигалан!

Утром продолжаем путь. По дороге из Североуральска к живописным водопадам на реке Жигалан, у подножья Казанского камня, стоит очередной пограничный столб с указателями Европа и Азия. Также здесь проходит граница Свердловской области и Пермского края.

Знак Европы и Азии здесь ничем не примечателен. Но когда-то тут стояли две мраморные стелы с надписями Европа и Азия, но неизвестные вандалы разбили их на куски... Координаты знака N6003996 E5903405.

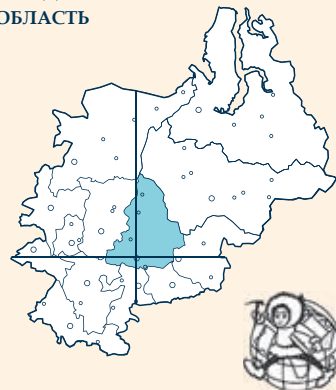
Фотографируем, уточняем координаты и поворачиваем в сторону дома. Очередное путешествие подходит к концу...

«Греются люди, сойдись над кострами, пламенем слов...»

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

В отечественном песенном пространстве уже более полувека существует такое уникальное явление, как бардовская песня. Имена родоначальников и отдельных наиболее популярных представителей у большинства людей на слуху. А многие произведения снискали, без преувеличения, всенародную любовь.

В разные годы и на Среднем Урале тоже заявило о себе немало талантливых авторов и исполнителей. На стыке 70–80-х годов прошлого века в Свердловской области стали появляться клубы самодеятельной песни (КСП), объединившие многочисленных любителей бардовской песни. По поводу термина, кстати, до сих пор спорят: в ходу и «самодеятельная», и «авторская», и «гитарная» песня... Среди этих любителей были настоящие знатоки жанра и коллекционеры магнитофонных записей. Вспомнить хотя бы Леонида Гришкакова, которого уральские барды в шутку и одновременно с уважением называли «магни-

тофонщиком». Практически о любом мало-мальски известном авторе он мог выдать исчерпывающую информацию. В камерке старой свердловской коммунальной квартиры, где проживал Леонид (возле Площади 1905 года), хранились буквально сотни километров магнитофонной пленки с записями разных лет — как известных, так и начинающих авторов и исполнителей. Из самых ярких уральских бардов — Александр Дольский, Лев Зонов, Александр Новиков, Евгений Бунтов, ансамбль театрализованной песни «Зеркало» под руководством Сергея Молебнова...

В их числе и трагически ушедший из жизни Сергей Минин

Владимир Струганов

После окончания Свердловского медицинского института более 30 лет работал врачом в городе Лесном. Литератор, автор-исполнитель песен, один из организаторов клуба самодеятельной песни «Меридиан». Лауреат нескольких областных фестивалей бардовской песни. Автор более 100 песен (преимущественно на стихи русских поэтов), нескольких краеведческих книг и поэтических сборников.

► «Июльские Зори-83». Выступает КСП «Рифей» из Челябинска-40 (Озерск).

▲ «Ильмены-82». Перед началом конкурсного концерта.

(1951–1984). Согласно опубликованным сведениям, Сергей родился и вырос в Свердловске. Отслужил в армии. А в 1974-м, обзаведясь семьей, переехал в Нижний Тагил, где работал наладчиком холодильных установок, электромехаником поездов.

С начала 1980-х по инициативе горкома ВЛКСМ и клуба самодеятельной песни «Зеленая лампа» тагильчане стали проводить в районе поселка Антоновский свой ежегодный фестиваль, который с тех пор всегда проходит в августе. С 1984 года он носит имя Сергея Минина.

С этим фестивалем у меня немало связано.

Последний раз участвовал в нем лет десять назад. Помню, вышел из маршрутного автобуса, не доезжая до Черноисточинска. Дальше предстояло пройти километра два по лесу. Во время неторопливо-

го пешего пути предавался воспоминаниям. В пору моего студенчества Сергей Минин играл в одном из ВИА нашего, медицинского, института, а точнее — в вокально-инструментальном ансамбле ле-

чебного факультета «VOX» (с латинского — «голос», «вокал»). Лидером ансамбля считался Саша Сергеев, ныне доктор наук, профессор, заведующий кафедрой микробиологии Уральской государственной медицинской академии. Наряду с песнями из репертуара «Битлз», ребята исполняли и собственные, среди которых

► «Июльские Зори-84» (Свердловск-45).

▲ Жюри Ильменского фестиваля (Челябинская область), начало 1980-х.

было несколько баллад. В ансамбле лечфака Минин играл около двух лет (1974–1975). В его биографических справках, размещенных в Ин-

тернете, об этом ничего не говорится. Студентом института он не был и в коллектив пришел, скорее всего, будучи просто знакомым Сергеева. Техника его игры на электрогитаре (щипковое извлечение звука, больше присущее бардам) отличалась от техники игры партнеров по группе. На сцене Сергей вел себя скромно. Мне нравилась игра Сергея на акустической гитаре, которая выгодно отличала его от большинства других бардов. Возможно, сказывались и навыки, полученные в ансамблях. Являлся он, на мой взгляд, и неплохим мелодистом. Но на первый план ставил стихи. (Не секрет, что у многих «полных» авторов, пишущих и слова, и музыку, либо тексты зачастую слабые, либо мелодии на два-три аккорда и очень похожи.) Во время выступления Сергей нередко сбивался, но, как ни странно, это тоже подкупало.

От Евгения Туренко — нашего общего приятеля, тогда начинающего поэта — знаю, что Минин получал приглашения на участие в областных семинарах молодых писателей. Хотя отношение к песенникам со стороны профес-

◀ Среди зрителей, 1984 г.

▲ «Июльские Зори-83». У своей палатки.

сиональных поэтов в целом всегда было скептическим.

Последний раз виделся с Сергеем на «Июльских Зорях-1983» под Верх-Нейвинском, на озере Таватуй (недалеко от станции Мурзинка). Был он неизменно в своей, защитного цвета, стройотрядовской куртке с нашивками эмблем фестивалей, в которых принимал участие. Ночью читал нам свои стихи, много пел и, к сожалению, пил...

Самая известная из песен Сергея Минина — «Посвящение КСП». Пожалуй, это вообще одно из лучших произведений на «каэспэшную» тему. Почти гимн.

*Греются люди, сойдясь
над кострами, пламенем слов.
Тьму разгоняет высокое пламя
наших костров.
В сердце стучится радость:
оглянься — мы не одни,
Вновь зажигаются рядом
большие огни!*

*Нас разведут городские
квартиры, дни и дела.
Старые угли от серого мира
скроет зола.
Но возвратится песня,
и к теплу тянешь ладонь,
Боги огня потихоньку
раздуют огонь.*

*Что-то еще на земле
не смогли мы сердцем понять.
Бросили посох, устав, пилигримы.
Время — поднять!
Время — большая совесть,
и других ты не вини,
Пусть от тебя зажигаются
жизнью они.*

*Время еще нас остудит,
пожалуй, в полночь души.
Снова найдется досужий
пожарник пламя тушить.
Но останется верность:
оглянься — мы не одни,
Вновь разгораются всюду
большие огни!*

*Греются люди, сойдясь
над кострами, пламенем слов.
Тьму разгоняет высокое пламя
наших костров.
И возвратится песня,
и к теплу тянешь ладонь,
Боги огня потихоньку
раздуют огонь.*

...С самого начала за мной в тот одиночный «поход» до фестивальной поляны от Черноисточинского тракта увязался подвыпивший парень. Где-то, через полчаса ходьбы, нагнав меня, он спросил:

— Не скажете, где здесь бичи с гитарами собираются?

Рукой указал ему направление и тропинку, по которой он и двинулся, обгоняя меня.

Народу на «лампе» в тот раз было особенно много. Палаточный городок раскинулся не только по всей обширной поляне вдоль пруда, он уходил далеко в глубь леса. Но чувствовалось, что некоторые приехали сюда никак не за новыми песнями, а попросту «гульнуть». Отовсюду уже доносилось нестройное многоголосие нетрезвых компаний...

За последние годы в бардовской песне, к сожалению, многое потерялось и изменилось, но песни Сергея Минина, несмотря ни на что, продолжают звучать и сегодня. Их слушают и поют, включают в разные антологии. Значит, главная проверка — проверка временем — состоялась. **У**

▼ «Июльские Зори», 1983 г.

Эмиль Марианович Сенкевич. Человек. Исследователь. Врач

Часть VIII.

Врачебное дело

Фото предоставлены авторами

Земский врач. Ныне это понятие перестало использоваться нами в обычных разговорах и обсуждениях. Врач земства – как давно это было...

Земский врач

От этого понятия веет чем-то старым, давным-давно забытым. Об этом мы вспоминаем, лишь изредка сталкиваясь с творчеством Антона Павловича Чехова или единожды столкнувшись с «Записками юного врача» Михаила Афанасьевича Булгакова. Но это редко с нами случается. Чаще всего нас поражает другой булгаковский персонаж, пусть и рангом повыше, чем обычный земский врач — ведь мы так охотно смакуем удивительно точные и яркие монологи профессора Преображенского, настолько актуальнейшие и в наше время, даже спустя почти девяносто лет после написания «Собачьего сердца» Михаилом Афанасьевичем.

Но это «звезды» от эскулапства, сумевших реализовать не только как доктора, но и как писатели, а сколько забытых или совсем незнакомых нам врачей, чьи заметки, записки, воспоминания остаются лишь библиографам. К примеру, «Записки» врача Викентия Викентьевича Вересаева (настоящая фамилия Сидович), а творчество Фомы Матвеевича Августиновича и даже Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого, впоследствии архиепископа Луки. Что же их объединяет этих совершенно разных людей?

Ответ прост — каждый из них во время своей практики столкнулся со множеством необычных, порою нелепых, но жизненно важных случаев, решения которых и были судьбоносными не только для страдающего пациента, но и для самого доктора. Все эти люди начинали свою врачебную деятельность с земских больниц. Судьба и путь у каждого свой. Но как похожи их воспоминания!

«Я ни в чем не виноват, — думал я упорно и мучительно, — у меня есть диплом, я имею пятнадцать пятерок. Я же

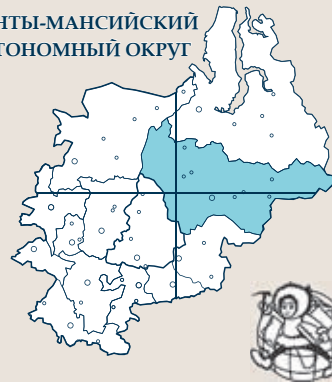
предупреждал еще в том большом городе, что хочу идти вторым врачом. Нет. Они улыбались и говорили: «Освойтесь». Вот тебе и освоитесь. А если грыжу привезут? Объясните, как я с нею освоюсь? И в особенности каково будет себя чувствовать больной с грыжей у меня под руками? Освоится он на том свете (тут у меня холод по позвоночнику...).

А гнойный аппендицит? Га! А дифтерийный круп у деревенских ребят? Когда трахеотомия показана? Да и без трахеотомии будет мне не очень хорошо... А... а... роды! Роды-то забыл! Неправильные положения. Что ж я буду делать? А? Какой я легкомысленный человек! Нужно было отказать от этого участка. Нужно было. Достали бы себе какого-нибудь Леопольда» — это метания и сомнения героя Булгакова, только приехавшего на свой участок.

«... и каждый день моей работы в забытой глуши нес для меня изумительные случаи, каверзные вещи, заставлявшие меня изнушать мой мозг, сотни раз теряться и вновь обретать присутствие духа и вновь окрыляться на борьбу» — рассуждает он через год.

«Я согласен, что всякий хирург, прежде чем взяться за самостоятельную работу, должен поработать на трупах и на животных, посмотреть побольше операций,

ХАНТЫ-МАНСКИЙ
АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ

Наталья Бердюгина

Путешественник, действительный член Русского Географического Общества, победитель конкурса «Многоликая Россия — 2010».

Алексей Слепухин

Путешественник, врач, действительный член Русского Географического Общества. Победитель конкурса «Многоликая Россия — 2010».

► Эмиль Марианович (в центре) с коллегами в больничной палате Красноуфимской больницы (Архив Сенкевич Т.Л.).

◀ Врач Эмиль Марианович Сенкевич (архив Сенкевич Т.Л.).

◀ Эмиль Сенкевич с коллегами-врачами в начале XX века (Архив Сенкевич Т.Л.).

исполняемых знатоками дела, затем подольше ассистировать опытному хирургу и лишь после такой подготовки братья за нож самому. Но такая подготовка доступна очень и очень немногим, а большинству земских врачей приходится работать в одиночку тотчас после государственных экзаменов, едва запасшись кое-какими самыми необходимыми руководствами...

Если моя книга заставит кого-либо из начинающих товарищей, не прошедших упомянутой выше подготовки, взяться лишней раз за нож, — вреда не будет: во многих, особенно в неотложных, случаях, при настоящем положении дела в России, — более вреда приносит воздержание от оперирования, чем операция даже в руках малоопытного, но осторожного врача», — пишет доктор Сенкевич во вступлении к своей книге.

Великий врач и мыслитель Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий (архиепископ Лука) во вступлении к первому изданию своего действительно потрясающего труда «Очерки гнойной

хирургии» пишет: «Чрезвычайно тяжелый путь земского хирурга-самоучки, который мне пришлось пройти, научил меня весьма многому, чем хотелось бы теперь, на склоне моей хирургической деятельности, поделиться с молодыми товарищами, чтобы облегчить их трудные задачи. Первое, что я болезненно почувствовал, начав работу на селе, — это крайняя недостаточность полученной мной в университете подготовки по диагностике и терапии гнойных заболеваний, которые, однако, оказались самой важной, самой повседневной частью хирургии для врача, работающего среди крестьян и рабочих. Надо было собственными силами пополнять этот тяжелый пробел, и я всю жизнь усердно занимался этим делом».

Мы не случайно приводим здесь воспоминания столь разных людей. Эмиль Марианович во время своей работы на Уральском Севере, да и позднее на Среднем Урале, будучи молодым, неопытным, не единожды оказывался в сложных ситуациях, непростых, запутанных, требующих серьезного, вдумчивого подхода, а порой и редкой смелости для проведения сложных операций в самых минимальных условиях. Доктор пишет: «От врачей, работавших самостоятельно в глуши и не имевших клинического стажа, я неоднократно слышал о желании иметь записки старших товарищей, чтобы знать, как и что приходится переживать в начале самостоятельной деятельности. Желание вполне понятное. Ведь каждый врач, когда берётся за какую-либо операцию, которой он ещё не делал, а часто случается, что и не видел, он должен испытывать особые пережива-

ния. Ему приходится обдумать целый ряд вопросов с особой точки зрения — с точки зрения человека, впервые приступающего к данной, иногда весьма ответственной работе. Оставим в стороне постановку диагноза, показания и противопоказания к операции; все эти вопросы, допустим, врач уже решил. И всё же перед ним остаётся обширная туманная область — техника операции, т.е. то, что приобретается, главным образом, опытом и повторным упражнением. Если он даже уверен в своих анатомических познаниях и ясно представляет себе ход операции, то всё-таки он чувствует отсутствие мелких, нигде не сообщаемых подробностей техники разреза, техники отпаровки тканей, обнажения операционного поля, целой массы мелких соображений, которые даются только путём собственного опыта, путём повторения по несколько раз одной и той же операции. Даже у имеющего опыт эти мелкие соображения находятся обыкновенно ниже порога сознания и доходят до него только во время работы, параллельно с ходом её...».

И далее: «Сам я не прошёл обычного клинического стажа, и после окончания медицинского факультета Варшавского университета моей хирургической подготовкой было посещение в течение полутора лет хирургических клиник Львова, Вены, Парижа, Берлина и хирургической больницы братьев Маю в Рочестере (после 3 лет самостоятельной работы в сельской больнице Западной Сибири).

Все упомянутые ниже операции мною были сделаны в числе первых моих 6000 операций (среди них 250 чревосечений и 300 операций срыжки), произведённых в обстановке сначала бедной сельской больницы, а затем уездной земской больницы в г. Красноуфимске Екатеринбургской губернии.

Я уже много лет собирался издать свои записки, но приступил к этому лишь после 13 лет работы из боязни, чтобы некоторые ошибочные и не соответствующие действительности (как это иногда и оказывалось) впечатления и особенно выводы не ввели кого-либо в заблуждение. Отказаться же вполне от выводов, когда они являются результатом целого ряда удач и неудач, очень трудно».

В своих размышлениях доктор Сенкевич солидарен эпизодам «Записок врача» Вересаева, который также «окончил курс на медицинском факультете» и сразу же отправился «в небольшой губернский город средней России, заниматься частной практикой». «Записки» Вересаева (первоначально названные автором «Дневником студента-медика») в значительной своей части содержат мысли о роли врача в жизни его пациентов, правда, всё больше подразумеваемая профессиональную и революционную деятельность врачей.

► Вогульские женщины, Есунтский павыл. Вторая слева Федосья Даниловна, 17 лет (архив Областного музея истории медицины). На фото настороженные, скромные жительницы немногочисленного вогульского посёлка Есунт. Вполне возможно, что это одна семья, точнее женская половина семьи Даниила Немельского, одного из наиболее уважаемых вогулов-охотников. Данила Немельский часто упоминается Эмилем Мариановичем в его охотничьих записках, поскольку, видимо, поразил доктора своими удачами и успехами на охоте на разного зверя. На представленном снимке взрослая женщина, видимо, мать. Федосья Даниловна очень похожа лицом на неё: такой же овал лица, округлые выдающиеся скулы, схожий разрез глаз и небольшой нос. Да и две девчущки, стоящие подле них, схожи между собой из-за мимики на лице, почти одинаковых волос (причёской это состояние сложно назвать), и носогубной треугольник почему-то кажется нам одинаковым у них. В любом случае это довольно бедное население — просматривая этих персонажей на фотографии, становятся видны многочисленные заплатки на их одежде.

◀ Мальчик Ваня, 5 лет, с «заячьей губой» (архив Областного музея истории медицины). «Заячья губа» (хейлосхизис) или расщепление нёба — челюстно-лицевой порок развития ребенка. Основным признаком заячьей губы является отсутствие полного сращения тканей верхней челюсти с носовой полостью, иными словами — губа расщеплена надвое. Чаще всего причиной рождения такого ребенка становится отягощённая наследственность, т.е. наличие генетических проблем. Хотя возможны и другие причины рождения детей с расщелиной лица, например, употребление алкоголя, химические и психологические воздействия, курение, травмы родителей, нередко это является следствием поздних первых родов у матери (после 35 лет). Чаще всего эти проблемы возникают на первых двух месяцах беременности во время формирования челюстно-лицевой части плода. Первыми докторами, попытавшимися решить вопрос хирургического лечения данного заболевания, были китайские медики. Именно благодаря им появились первые операции по сшиванию щели. В тех условиях было это непросто, к тому же в Азии этот порок встречается значительно чаще! Но уже в XVII веке европейские эскулапы начали экспериментировать и предлагали операции методом кожных лоскутов или специальных пластинок. Правда, надо отметить, что порой процесс лечения затягивался до нескольких этапов и продолжался иногда до взрослого возраста! Представим, каково же было врачам (например, Эмилию Мариановичу) оперировать в полевых условиях подобные пороки при отсутствии каких-либо на то маломальских клинических условий! Мальчишка явно из очень бедной семьи — внешний облик говорит сам за себя! Он одет в рваную одежду, завязанную узлами в местах разрыва. Ткань уже не может выдерживать такой «носки» и буквально разваливается по частям! Грязные руки и ноги — лишние признаки необустроенности ребёнка и бедности в семье. Каков же должен быть моральный дух у эскулапа, отправившегося пусть и на заработки, но в глушь, чтобы и руки не опустились, и дело своё знал и любил, да и понимал и уважал своих пациентов! Разных: чаще всего они «за гранью мыслимой бедности»...

Сенкевич же пишет о своих успехах и неудачах в первые годы так: «Из своего опыта, а также наблюдая других начинающих товарищей, я вынес убеждение, что начинающий хирург, если он не неврастенник и полон желанья работать, всегда склонен вначале преувеличивать свои силы, свою ловкость и технику и недооценивать трудности предстоящей операции. В результате — пирровы победы, которые надрывают молодые силы, портят нервы, приносят разочарования и иногда делают хирурга слишком осторожным и даже нерешительным.

► Семья Сенкевичей: Эмиль Марианович с супругой Александрой Захаровной (в девичестве Комлева), сыном Зигмундом и младшей дочерью Кингой. 1920 год (архив Сенкевич Т.Л.).

Я сам в начале деятельности неоднократно брался за непосильные операции, и хотя они почти всегда почему-то сходились особенно благополучно, но надолго приносили неохоту к оперативной работе. Очень часто первый раз я брался за операцию с интересом и спокойным и радостным настроением. Второй раз к ней приступал с мрачной сосредоточенностью или волнуясь; как-то невольно хочется эту операцию не делать или хотя бы отложить до следующего дня...

И только впоследствии, после изрядного опыта, начинаешь оперировать более спокойно и, наконец, относительно равнодушно и уверенно. Но бывает и совершенно иначе: операция, которая казалась трудной и даже непосильной, на деле выходила неожиданно лёгкой и не представляла тех затруднений, которые, по-видимому, должны были встретиться.

Судьба

И надо же так судьбе распорядиться, что супругу себе доктор Сенкевич выбирает из «коллег по цеху». Свой выбор останавливает на Александре Захаровне Комлевой. Девушка сразу же прельщает нашего героя своей привлекательностью, а также независимым и сильным характером в сочетании с «утонченностью и грацией». Александра Захаровна чуть постарше и, значит, чуть поопытнее в житейских делах Эмиля Мариановича — этот факт в сочетании с её независимым характером становятся решающими в его выборе. Даже несмотря на настойчивые пожелания отца выбрать себе в жену польку.

Надо сказать, что до конца своих дней Мариан Афанасьевич так и не пожелал признать толком свою невестку — слишком глубоко запала у него в душе обида против русских. Он даже в «запале» летом 1910 года посылает будущей невестке гневное письмо, где изливает всю свою нескрываемую ненависть ко всему русскому и требовательно просит её отказаться от затеи «встать на его (Эмиля) пути». (Мы умышленно не публикуем всего письма Мариана Сенкевича, т.к. оно действительно жесткое и лишний раз напоминает об обидах польского народа.) Но это не смущает Эмиля и Александру. Они женятся, правда, дабы хоть как-то смягчить гнев отца и свекра, по католиче-

► Эмиль Марианович Сенкевич и Александра Захаровна Комлева (Архив Сенкевич Т.А.).

скому обряду. При всём том их сближают, конечно же, интересы: врачебная деятельность, широкий кругозор как личностей, так и творческих людей — недаром Эмиль Марианович вращался во врачебных кругах во время своего европейского вояжа.

Александра Захаровна не только супруга, спутница жизни — она верный товарищ и, что очень немаловажно, коллега. Их интересы постоянно пересекаются, что ещё больше сближает их.

После северных скитаний, европейских вояжей, а также неразберихи 1917 года наступает время политических решений. Причём для каждого в нашей многострадальной стране. Эмиль Марианович выбирает сторону «красных». Семья Сенкевичей надолго остаётся в Красноуфимске. С этим городом так или иначе будет связана вся оставшаяся жизнь этой врачебной семьи.

Здесь в Красноуфимске в семье появятся дети — старший сын Зигмунд и младшая дочь Кинга.

Эмиль Марианович продолжит свою хирургическую практику. Напомним, что в своём труде «Хирургия земского врача» (1924 года) он подводит итог и суммирует результаты 6000 хирургических операций, причём очень разнообразных операций, не замыкаясь исключительно только на полостных! Ведь в условиях начала XX века врачам приходилось оперировать практически всё: и решать акушерские проблемы, и абдоминальные, офтальмологические и оперировать травмы,

огнестрельные ранения. Да мало ли чего ещё...

Александра Захаровна же долгое время в Красноуфимске была одним из первых врачей гинекологов-акушеров и педиатров в одном лице, да и вообще женщин-врачей. Некоторое время работала единственным врачом, а затем и возглавляла бюро экспертизы — в настоящее время бюро судебной медицинской экспертизы. И всё это было возможно благодаря их характерам, творческим изысканиям и любознательности натур обоих Сенкевичей. Но мы ещё не раз столкнёмся с этим... **УС**

► Александра Захаровна Сенкевич (Комлева) — заведующая женской консультацией, г. Красноуфимск. 1926 год. На фото она с коллективом коллег по работе (в центре в шляпке). (Архив Сенкевич Т.А.)

Фото автора

Пещера Ледник

На юго-западе Свердловской области, вблизи устья реки Бардым, на склоне Орловой горы находится пещера Ледник, или Орлов провал. Найти её довольно сложно: несмотря на близость города Нижние Серги, пещера находится среди глухой горной тайги и редко посещается людьми.

Вход в Ледник начинается на дне огромного карстового провала длиной более 70 метров и шириной около 20 метров. На глубине 21 метра начинается отвесный трехметровый колодезь, заполненный снегом и льдом, который не успевает растаять даже к концу лета (отсюда и название пещеры). От дна колодца начинается ледяной спуск в горизонтальные гроты. Всего в пещере несколько гротов, соединенных труднопроходимыми коридорами. Общая длина подземных ходов превышает сотню метров, но точная цифра до сих пор не известна. Некоторые специалисты считают, что длина пещеры не менее 300 метров. В настоящее время более или менее изучена только часть подземных полостей, расположенных вблизи выхода.

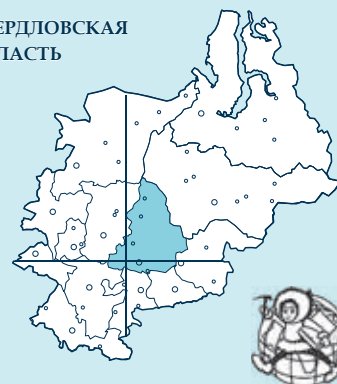
Впечатляют размеры гротов пещеры. Первый — имеет в длину около 25 метров при ширине 12 и высоте 10 метров. Длина следующего состав-

ляет 14 метров при ширине 6 и высоте до 10 метров. С поверхности в пещеру постоянно стекает вода, поэтому в гротах встречаются небольшие подземные озера и бегут ручьи.

Необычен температурный режим Ледника. Самым холодным местом всегда является его привходовая часть. Здесь, даже в летнее время, температура держится около 0°C, тогда как в глубине она постоянна в любое время года и достигает 2–3°C. Причина этого явления пока не изучена.

Впервые Ледник был описан в 1958 году студентами Свердловского педагогического института, но местным жителям под названием Провалище он известен давно. Пещера и её окрестности, где находится еще более десятка карстовых воронок, считаются местом гиблым. Здесь часто пропадал домашний скот, поскольку животные падали и погибали в глубоких ямах, известны случаи и гибели людей. **УС**

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Евгений Тамплон

Уральский издатель и путешественник. Член Российского географического общества. Постоянный автор «Уральского следопыта».

Вышки над тайгой

Несколько лет назад осенним туманным утром я ехал в поезде, шедшем из Тюмени на северо-восток, к великой сибирской реке, название которой, казалось, монотонно выстукивали колёса: «Обь-Обь, Обь-Обь». В душном купе дремали мои попутчики. Внезапно состав, заскрипев, стал тормозить и остановился.

Я пошёл к проводнику узнать, какая ближайшая станция. Проводник сказал, что мы стоим уже почти у самой станции, она называется Чумбулут, на ней многие выходят, места ягодные — клюква, брусника. Самый сезон.

Чумбулут... Сердце учащённо забилося, вспомнилось: в далёкой уже молодости мне довелось здесь побывать. Я закрыл на минуту глаза, и, словно отрывки из старой кинохроники, ожили страницы моих юных лет.

...Шёл 1968-й год. В ту пору железную дорогу сюда ещё не провели, и не верилось, что построить её возможно — кругом болота, топи, глухомань, безлюдье. Но уже начинались изыскательские работы, и мне предстояло в этих изысканиях участвовать.

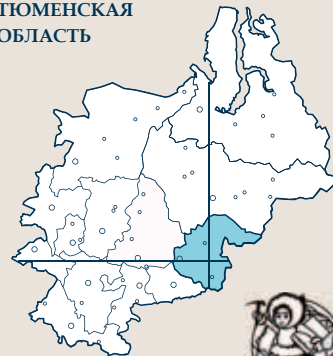
Старый, дрожащий от натуги вертолёт МИ-4 никак не мог взлететь. Он был загружен сверх всякой нормы, и восемь пассажиров (кое-кто из них традиционно отметил вылет тостами «на посошок»), едва втиснувшись в кабину, лежали на куче ящиков и мешков. В экспедиции водки не будет, там сухой закон — до возвращения.

Небольшой аэродром находился на берегу реки Иртыш, в ста-

ринном селе Уват; вертолёт, смешно подскакивая, катился по травяному полю. Наконец, ему удалось, задрвав хвост, подняться в воздух и набрать высоту. Курс лежал на Васюганье — в междуречье Иртыша и Оби. Мы запаздывали. Начиналась сибирская осень.

Летели минут сорок и, наконец, сделав круг, опустились вниз, посредине огромного мохового болота, окаймлённого гривами неприветливого, мрачного леса. Вертолёт, слегка коснувшись колёсами поросших клюквой кочек, завис, не выключая ревущий двигатель, и в открывшуюся дверь мы стали торопливо выбрасывать свой многочисленный багаж — инструменты, палатку, двухмесячный запас продуктов. Через пять минут винтокрылая машина взмыла в воздух,

ТЮМЕНСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Валентин Моисеев

Инженер, выпускник физического факультета УрГУ. Автор нескольких публикаций в «Уральском следопыте». Живет в Нижнем Тагиле.

► Бригада геодезистов. Васюганье.

▼ Васюганские болота. Домой...

▼ Триангуляционный теодолит.

Глядя на лесных гигантов, хочется забраться по их лестницам наверх, посмотреть оттуда на окрестности, увидеть открывшиеся дали. Заманчиво, но рискованно: с высотой шутки плохи, особенно если лестницы старые, а у площадок наверху нет прочных перил.

Большие геодезические вышки называются сигналами. Постройка их — трудный и довольно опасный процесс. И на уже готовые сигналы подниматься могут лишь люди, не боящиеся высоты и имеющие допуск. С помощью специальных инструментов — теодолитов — они измеряют углы между направлениями на соседние пункты, этот вид работ называется триангуляцией. Между пунктами обычно киломе-

▲▲▲ Бетонный сигнал высотой 16 метров в окрестностях Нижнего Тагила. Построен в 1962 году.

мы остались одни, в безлюдной труднопроходимой тайге. Кругом, на сотню километров, ни души. С непривычки сделалось жутковато.

На краю болота, среди елей и начавших уже желтеть лиственниц, я увидел огромную вышку, сделанную из толстых сосновых брёвен. Это был геодезический знак, пункт Чумбулут, обязанный названием одноимённой речке. От него начинались наши пешие маршруты. Так состоялось моё первое знакомство с тайгой и с лесными вышками-исполинами.

О вышках часто спрашивают, зачем их построили, кто и когда. Такие многометровые сооружения, поднимающиеся над вершинами деревьев, нужны, чтобы подготовить основу для аэрофотосъёмки местности и составления карты. Они могут достигать головокружительной высоты — до 40 метров.

тров двадцать-тридцать. Пункты образуют воображаемую сеть треугольников, такая сеть покрывает почти всю территорию нашей страны.

На отдельных пунктах выполняются и астрономические определения широты и долготы. В лесной местности вышки чаще всего делаются деревянные, в населённых районах — металлические или бетонные.

Мне подниматься на вышки было запрещено, врачи на медкомиссии написали «годен не на высоту». Но взбираться наверх всё же пришлось — чтобы установить антенну радиосвязи. Прижавшись к открытой лестнице и стараясь не смотреть вниз, я кое-как вскарабкался на площадку. Слабомощная рация еле-еле доносила мой голос до далёкой базовой станции, приходилось кричать в трубку. На связь требовалось обязательно выходить два раза в сутки. Мне было одиноко и страшновато — вся наша команда ушла прорубать узкую просеку-визиру.

Начавшийся затяжной дождь, перешедший в ливень, не прекращался пять суток. Сидим восьмером в прокуренной шестиметровой палатке, с её крыши каплет вода, сбоку маленькая железная печка. В нашей бригаде два техника-геодезиста, включая меня, и шестеро сезонных рабочих. Палатка стоит на настиле из тонких брёвнышек. На полу палатки толстая коша; у всех спальные мешки.

Мы были в тайге почти до зимы. Уже пролётывал снег, болота покрывались ледяной корочкой, из палатки не хотелось выходить. Сезон заканчивался, надо было спешить. Нам поручили нивелирование — измерение высоты между соседними геодезическими пунктами. Задача эта не из лёгких. На зыбкой болотистой почве, что-

бы установить нивелир, точный оптический инструмент, предварительно вытесанные длинные колья втыкались на двухметровую глубину, и лишь затем на них ставили трехногий штатив. Бойко стучали семь имевшихся у нас острых топоров, с лиц рабочих лил пот. За день удавалось пройти километров шесть-семь.

В маршруты (их называют заходы) уходили без палатки и спальных мешков, ночевали у костров, зачастую под холодным дождём, перебирались через бурелом и горелый лес. Каждый километр давался с трудом, по мху и кочкам, в мокрой траве по пояс. Донимал гнус, от свирепой мошкеры ничего не спасало, никакие накомарники и мази. Мошки лезли в рукава куртки и сапоги, уши у нас быстро распухли и, казалось, стали размером с чайные блюдца.

Мои спутники оказались выносливыми, опытными таёжниками. А у меня с непривычки сердце стучало, словно кто-то бил по груди молотком. Порой, что-

кументами. На груди подвешена... чернильница-непроливайка, какие раньше были у первоклассников: сейчас смешно, но тогда записи полевых измерений выполнялись в журналах простейшей ручкой-вставкой со стальным пером. Записи карандашом и шариковой ручкой не допускались.

Серьёзную трудность представлял переход через речки. Они здесь неширокие, но после дождей бурные, у них крутые труднопроходимые берега. Настоящую переправу нам сооружать было некогда, выручали подмытые течением высокоствольные деревья, упавшие поперёк реки и зависшие над водой на высоте нескольких метров. По ним мы и перебирались, без страховки, с грузом за плечами, вынужденно нарушая правила техники безопасности.

В ту далёкую, замечательную и нелёгкую пору, о которой мне неожиданно вспомнилось, казалось совершенно невероятным, что в таёжной глухомани, через болота и речки проложат железнодо-

▼ Марка центра под пирамидой.

▲ Марка центра пункта полигонометрии.

бы отдышаться, мне приходилось прилечь прямо посреди сырого болота, на поросшей пахучим багульником кочке. Но снова надо вставать и продолжать движение. За спиной рюкзак и деревянный ящик-футляр от нивелира, через плечо полевая сумка с до-

рожные пути, застучат по стыкам колёса. Мало кто теперь знает, каким трудом, какой ценой это было достигнуто, какие драмы, а порой и трагедии разыгрывались на сибирских просторах. Но это тема для отдельного очерка.

Постояв у светофора, поезд тронулся. Воспоминания мои прервались. Впереди нас ждали молодые сибирские города, построенные среди болот и вечной мерзлоты.

ты. Оттуда на запад и на юг страны по трубопроводам уже шёл природный газ, там добывалась нефть, разведывались новые месторождения. И, как памятники первопроходцам, над тайгой молчаливо поднимались геодезические вышки. На них нет табличек с именами тех, чьими колоссальными усилиями они создавались. Лишь внизу, присыпанные землёй и хвоей, скрыты мощные бетонные центры этих пунктов со скромными рельефными надписями на чугунных марках — краткое название организации, установившей знак, тип пункта и его номер.

Труд геодезистов и топографов, сложный, тяжёлый и нередко опасный, требует большой отдачи и моральных сил. Указом Президента Российской Федерации от 11 ноября 2000 года установлен праздник — День работников геодезии и картографии, его отмечают во второе воскресенье марта.

Начало широкой постановки астрономо-геодезических работ в России относится к первой четверти XIX-го века, когда после войны 1812 года военное ведомство стало остро ощущать потребность в точных топографических картах. Основной объём высокоточных геодезических измерений в дореволюционной России выполнял Корпус военных топографов. Измерения выполнялись преимущественно методом триангуляции. Работы имели большое значение для составления карт, но в их постановке допускались существенные недочёты, в частности, центры триангуляционных пунктов не имели надёжного закрепления на местности и были утеряны. Долговечные бетонные центры появились значительно позднее. Корпус военных топографов существовал до первых лет советской власти, затем его функции стала выполнять Военно-топографическая служба (ВТС). В марте 1919 года было создано Высшее геодезическое управление, оно производило основные геодезические работы в государственном масштабе. В 1967 году его преобразовали в Главное управление геодезии и картографии (ГУГК).

Кроме измерения углов в сети триангуляции, на части геодезических пунктов выполняются астрономические определения широты, долготы, азимутов. Широко используется и другой вид измерений — полигонометрия, также позволяющая определять координаты пунктов.

Эти измерения производятся на поверхности земли. Ход полигонометрии выглядит как ломаная линия, в которой измеряются длины её отрезков и углы поворота. И триангуляция, и полигонометрия бывает разной точности и делится на классы.

А также существует государственная нивелирная сеть, являющаяся высотной основой для топографических съёмок и для решения инженерно-технических задач.

▲ Центр пункта полигонометрии.

Необходимо отметить, что в 1999–2000 годах было начато планомерное развитие государственной геодезической сети качественного нового уровня на основе спутниковых навигационных систем ГЛОНАСС и GPS, в связи с этим изменились и виды геодезических задач.

строений. Переход к новым принципам создания геодезических сетей требует значительного времени. Для выполнения массовых геодезических работ старые пункты пока продолжают активно использоваться.

Надо сказать несколько слов о центрах геодезических пунктов. Они более долговечны, чем наружные знаки, и нередко служат многие десятилетия. В зависимости от типа сети и характера местности, центры могут быть скрыты под землёй или выступать над её поверхностью. Центры пунктов триангуляции имеют обычно две чугунные марки, расположенные одна над другой, заделанные в бе-

▼ Пункт триангуляции, разрушенный молнией.

▲ Стенной центр полигонометрии.

ный комиссариат коммунального хозяйства РСФСР (1931–1946 гг.), «МКХ» — министерство коммунального хозяйства, Гипрогор (1929–1959 гг.). А также: «ОМЗ» — опорный межевой знак, «трианг» — триангуляция, «ОРП» или «Ориент» — ориентирный пункт (триангуляция).

Большие геодезические вышки — так называемые сигналы — бывают трёхгранные или четырёхгранные. Постройка их выполняется специальными строительными партиями. Высокие сигналы частично собираются на земле, затем поднимаются лебёдкой. Жёсткая конструкция сигналов позволяет работать на них при ветре до пяти метров в секунду. «Ноги» деревянных сигналов вкапываются в землю, металлические закрепляются на бетонных фундаментах. Наверху вышки устраивается площадка и столик, над ними прикрепляется болванка — так называемый визирный цилиндр, на который наблюдатели наводят теодолит с соседних знаков. Вокруг сигналов и пирамид при возможности делается прямоугольная окопка (канавка).

Интересно, что под влиянием неравномерного нагрева солнцем верхние части деревянных сигналов медленно поворачиваются вокруг своей оси, это кажется незаметным, но вносит неприятные искажения в измерения углов между соседними знаками. Такое явление называется кручением, при высо-

коточных измерениях его учитывают. Суточная амплитуда кручения сигналов может достигать четверти градуса дуги.

В городах пункты триангуляции нередко размещают на крышах зданий и высоких сооружений (элеваторы, водонапорные башни, и т. п.).

Знаки сети нивелирования называются реперы. В незастроенной местности центры реперов закапывают в землю. Вышек над ними не ставят. Рядом с репером устанавливают опознавательный столбик-сторожок. В городах и посёлках чаще всего реперы представляют собой чугунные болванки, на марках которых имеется номер знака и которые встраиваются в стены капитальных зданий. Специальными инструментами — нивелирами — определяется их высота над уровнем моря. В нашей стране за нулевую отметку высоты принят уровень Балтийского моря в Кронштадте.

Все измерения в сетях обрабатывают по математическим законам, при этом решаются уравнения со многими неизвестными; этот процесс называется уравниванием сети. По результатам обработки составляются каталоги координат и высот пунктов, они нужны картографам, учёным, строителям, проектировщикам, землемерам, используются для решения задач обороны страны и для многих других целей. Путешественники могут использовать геодезические пункты для ориентирования на местности. 📍

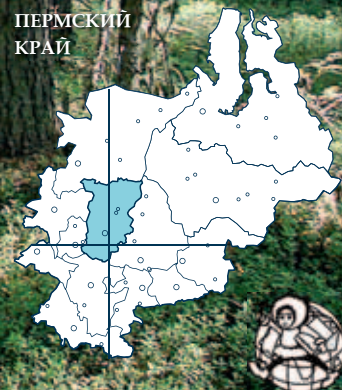
тонные монолиты: верхняя на поверхности, другая — контрольная — под ней, на глубине до двух метров и более. В населённых пунктах металлические центры часто устанавливают в стенах капитальных строений. На скалистых вершинах гор в труднодоступных районах сооружаются каменные столбики — туры. У них может быть до трёх марок.

На марках делаются рельефные надписи — тип сети, сокращённое наименование организации, установившей знак, номер знака по каталогу. Приведу расшифровку некоторых сокращений, в том числе старых, но которые встречаются и сейчас: «ГУГК» — Главное управление геодезии и картографии СССР (1967–1992 годы), «ВТС» — военно-топографическая служба, «СМТ» — Союзмаркштрест (с 1940 года), «НККХ» — Народ-

Из полевой жизни, или что не попало в полевые дневники

Косолапый хулиган

ПЕРМСКИЙ
КРАЙ

Второй час крутится наша лодка по бесконечным излучинам маленькой таежной речки в верховьях Таза. «Медвежий угол» — говорят про такую глухомань. Правда, местные слово «медведь» стараются лишний раз не говорить, чаще «лохматый», «косолапый», а то и вообще уважительно — «хозяин». Примета такая — скажешь, а он тут как тут, и чем встреча закончится, кто знает. Зверь уж больно серьезный, а что в башке у него, поди — угадай. Когда медведей полным-полно, всегда найдется этакий разбойник, «без царя в голове», который начнет грабить, зорить избушки и лабазы, приставать к «прохожим»: будь то грибник, турист или ученый. Обычно это молодые медведи, трех-четырёх лет — от мамки отошел, силу почувствовал, а ума не нашёл. Территорией только-только обзавелся, вот и самоутверждается — гоняет всякого, кто появится в его владениях...

— Поедем в дальнюю избушку, — сказал мне егерь, — ты там поработаешь, птиц своих помотришь, да и мне покажешь дров на зиму заготовить.

— Ну что ж, предложение заманчивое.

Егерь этот — Михалыч — недавно на должности, приставили его ко мне как проводника. Положено так — по тайге одному ходить опасно, мало ли что: заблудишься, зверь привяжется, да и вообще, вдвоем всегда сподручнее.

— Поедем налегке. У меня там и спальники есть, и еда — крупа, мука, макароны. По дороге таймешка подловим. Собаки пускай по берегу бегут.

— Как скажешь. Только мою лучше в лодке везти, хлопот меньше. Легавая как-никак. Встанет где в стойку, отстанет, потеряется.

— Ладно, пусть едет. Думал, ей же вольготнее будет. Вон мои лайки радыхоньки, им на берегу забавно.

— Не отстанут? Мало ли, белку причуют или глухаря.

— Да ну. Пока мы по излучинам крутиться будем, они десять раз свои дела переделают.

Так и порешили... Итак, уже два часа, как мы вертимся по реке. Коса слева, коса справа, песчаный яр с беломошником наверху, и снова — очередная коса. Моя легавая — драгхаар Чижма — наслаждается, ворочая носом за сну-

Михаил Головатин

Орнитолог, доктор биологических наук, заведующий лабораторией Института экологии растений и животных УрО РАН. С 1980 года изучает сообщества птиц на Урале и в Западной Сибири. Автор более 160 научных работ, в том числе 8 монографий.

ющими перед лодкой куличками — мордунками и перевозчиками. Мошка и слепни не докучают ей. Благодарят! Рядом лежат два пятикилограммовых тайменя. Они уже посерели, хотя и пойманы всего полчаса назад, во время двадцатиминутной остановки. Несколько забросов спиннинга, и вот — одна, а следом другая крупная темная рыбина на берегу. Пять минут, и они прямо на глазах побледнели, словно засвеченная фотопленка. Лишь хвосты еще долго оставались ярко-альбыми, выдавая благородство этих лососей...

Наконец лодка ткнулась в ничем не приметательный берег. Мы на месте. Сто метров по узенькой тропинке, и посреди красивой поляны аккуратная избушка. Но что такое? Дверь нараспашку, полиэтилен на окнах порван, печка валяется в стороне. Внутри все стены, пол и потолок укутаны белым пухом и перьями, как будто мы не в разоренной избушке, а в уютном гнезде ополовника — длиннохвостой синицы.

— Ё моё! Ты глянь, — заволновался Михалыч. — Во, гад! Я же специально подушки привез... А спальники где? Посуда?

Было видно, что медведь от души порезвился в избушке. Подушки порваны, пух и перья развезены по стенам. Ни крупы, ни консервов, ни спальников. Печка, видимо, особенно не понравилась косолапому разбойнику. Он выкинул ее за дверь, потом снова схватил и откинул еще дальше.

— А... — раздался надрывный крик. — Мои капканы! Куда он дел мои капканы?

— Михалыч, зачем медведю твои капканы? Успокойся. Здесь они где-нибудь, валяются. Поищи.

— Да где их найдешь!? — не унимался егерь. — Новые капканы, целый мешок... Где я их возьму теперь!? — рыдал он.

— погоди, не голоси. Медведи капканы не едят. Давай поищем... Вот, смотри, тропка.

Прямо напротив двери, среди багульника, едва заметно вилась звериная тропка. Несколько шагов по ней, и валяется капкан, дальше — еще один, а вот и весь мешок. Косолапый особенно не утруждал себя — оттащил мешок с ненавистным железом в сторону да и бросил. То-то радости было у Михалыча! Про остальное он уже и не переживал.

— Пойдем дальше, интересно же, может, и остальное найдем.

Метров через пятьдесят медвежья тропинка вывела нас на маленькую полянку. Посреди рос кедр. Прямо под ним, у комля, лежали спальники, ря-

дом валялась посуда, справа и слева — разорванные мешки. Очевидно, лохматый разбойник «оттягивался здесь по полной». Развалился на спальниках, как в кресле, спиной к кедру. Перед собой расставил кастрюльки, сковородки, миски, как дети в песочнице. Какие-то из них оказались перевернуты. Ну это, как пришлось, — медвежьи лапищи не детские ручонки. Сидел и смотрел на разграбленную избушку. Слева — мешок с макаронами, справа — с мукой. Одной лапой закинул в пасть макароны, другой — загребал муку. И жрал с довольной мордой...

А нам, хочешь — не хочешь, пришлось вернуться: продукты уничтожены, спальники разодраны.

* * *

Продолжение этой истории вполне обычное для всякого злодейства. Всегда, рано или поздно, разбойник оказывается наказан.

Через два дня рано утром мы вернулись. Везли с собой новый запас продуктов, спальники, остатки копченого тайменя. Как он вкусен, с маленькой горчинкой ольхового дымка! Я ушел работать — считать птиц, смотреть, сколько их в разных биотопах. На траве обильно дрожали капельки холодной росы, предвещающая дневной зной. Чижма с радостью ныряла в нее, время от времени отряхивалась с вихрем радужных брызг и тут же снова окуналась в росу. Птицы, перебивая друг друга, голосили что есть мочи. Дышалось легко и привольно. Даже комарье старалось особо не приставать.

Часов через шесть неутомимое северное солнце поднялось над горизонтом, смахнуло остатки росы и жужжание первых слепней возвестило — пора домой, в лагерь. Кто когда-нибудь бродил по тайге, знает, что значат эти шесть часов. То идешь по мху, утопая, словно в перине, и задирая ноги, то перева-

Уральский следопыт, март 2013

ливаешься через валежины, за спиной рюкзачок с НЗ, на плече болтается ружье, на груди — бинокль. Но одно дело, когда ты просто ломишься через лес, с целью пройти расстояние, и совсем другое — когда работаешь, выслеживаешь и считаешь птиц. Где надо, ты — тень, ветка не дрогнет, где надо — стоишь, как пень, где надо — колготишься, чтобы выпугнуть затаившихся птиц. При этом хорошая, послушная подружейная собака — большая помощница. Она словно понимает, чем ты занят. К скрипным птицам, вроде глухаря, тетерева или куропатки, подведет и стойкой покажет, рябчика выставит. Пернатая же мелочь либо начнет окрикивать ее, либо просто пискнет, либо оставит свои дела и запоет — заголосит. Твое дело — не зевать, внимание — на каждый звук. Но, хотя в лесу и интересно, «голод — не сетка», пора в лагерь.

Какое блаженство в прохладной избушке снять сапоги, стряхнуть портянки, выпянуть ноги. Михалыч развел перед входом «пионерский» костер — сжигает драные спальники и прочий мусор.

— У тебя пули есть? — донеслось откуда-то сверху.

— Есть. Две.

— Давай сюда.

— Шас, погоду, переобуюсь.

— Давай шибче. Лохматый.

Какой лохматый, когда костер почти в рост человека, собаки, люди кругом. Выглядываю. Михалыч на крыше, примостился на коньке, зовет к себе.

— Ружье давай. Медведь идет.

Забираюсь по приставной лесенке, пристраиваюсь рядом. Никого. Только у реки надрываются лайки да грохот стоит — шарится кто-то в лодке.

— Лишь бы мотор не тронул, — рассуждает егерь.

Лай стал поближе — идет.

Прямо по нашей тропинке спокойно косолапит мишка, не обращая никакого внимания на лаек. Те крутятся вокруг, заливаются, но особо близко не подходят. Метрах в тридцати встал столбиком, посмотрел на нас и дальше топает. Вот он уже под избой. Совсем обнаглел. Черная шерсть лоснится, глазки то и дело зыркают на нас. Подошел к лесенке, приподнялся. Смотрит. Мы невольно подобрали ноги. Передумал, не полез. Снова обошел избушку. А еще говорят, что зверь огня боится. Этому — нипочем.

— Давай ружье, — командует егерь.

Переламываю ружье, вставляю патроны. Михалыч зачем-то снова пере-

ламывает стволы. Срабатывает эжектор. Ладно, удалось машинально поймать вылетевшие патроны.

— Ты чё делаешь? — шепчу. — А если бы улетели вниз. Так бы и куковали здесь. Стреляй уже.

— Куда стрелять? — нерешительно спрашивает Михалыч.

— В голову, конечно. С такого расстояния невозможно промахнуться.

Медведю вдруг чем-то не понравилась Чижма. Он дернулся к ней, но после выстрела ткнулся в землю. Мы осторожно спустились, нашли какую-то палку, сейчас и не вспомню, может, лопату. Подошли, как положено, сзади. Михалыч наизготовке. Ткнули палкой. Ох, как тут лайки оживились, храбрые стали — кидаются, хватают шерсть.

— Это мой первый, — выдохнул мой проводник.

«Лиха беда — начало». Сколько-то их еще будет у тебя, если останешься в этом медвежьем углу...

Лодка снова повторяет все излучины нашей маленькой таежной речки. Михалыч гордо озирает берега. Лайки то и дело выскакивают на косы и скрываются в чаще. Чижма крутит носом за снующими перед лодкой куличками. **✎**

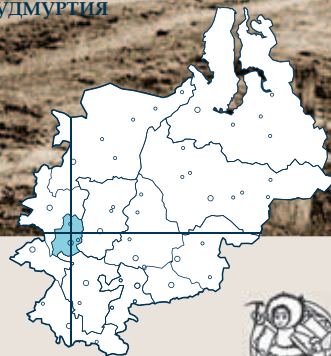
Сарапуль.
Духовное училище.

Иллюстрации предоставлены автором

Петербургские тайны Миловского

УДМУРТИЯ

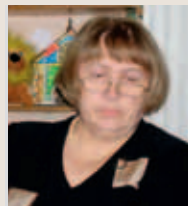
В 2011 г. (№8) читатели «Уральского следопыта» познакомились с биографическим очерком о С. Н. Миловском-Елеонском (1861–1911). Неожиданно очерк получил продолжение: нашелся внук писателя, поведавший о другой, тайной его жизни. Об этой неизвестной, но, может, самой важной линии биографии беметриста и вдохновляющей любви рассказывает краевед из Сарапула Н. С. Запорожцева.

Река времени

Пензенский выпускник Казанской духовной академии, смотритель духовного училища, трагически окончивший жизнь в Сарапуле в августе 1911 года, не дожил и до пятидесяти лет. Он оставил нам три сборника рассказов, вышедших в издательстве «Знание», более 30 произведений, разбросанных по дореволюционной периодике, богатую переписку. И оглушенных несчастьем, растерявших жену, Анну Алексеевну, и детей Софью и Виктора, которые навсегда покинули Сарапул около девятьсот одиннадцатого...

Много лет я шла по его следам, разыскивая его рассказы, воспоминания

о нем, письма, пыталась разгадать тайну смерти писателя. Архивы Москвы, Санкт-Петербурга, Пензы, Нижнего Новгорода, Арзамаса, Починков поведали о Миловском-педагоге, литераторе, театральном, о родословной Миловских-Масловских, Введенских-Бажановых. Результатом многолетней следопытской работы совместно с арзамасскими и починковскими краеведами стал выпуск в Сарапуле в 2011–2012 гг. двух сборников лучших рассказов С. Н. Миловского — «Хрустальное яблоко» и «Неизреченный свет» с краеведческими заметками. В то же время продолжался поиск его потомков, запро-

Наталья Запорожцева

Медик, краевед, педагог-психолог, журналистка. Попав по распределению в Сарапул, сотрудничала в одноименной независимой газете. Активно занимается поисковой работой, ведет большую историко-краеведческую переписку. Является организатором и руководителем школьного музея «Сарапульская старина».

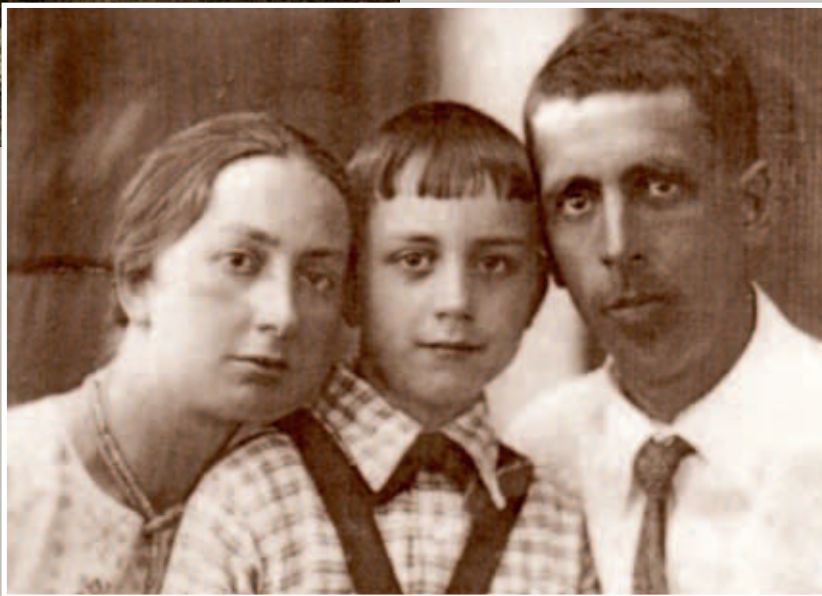

це Большой Зелениной, 22А. Сведений о дочери Софье, учившейся на Высших женских курсах Раева, пока не найдено. Долгое время сарапульские музеи не располагали даже фотографиями жены и детей Миловского. Затем получили из Арзамаса семейное фото Миловских и Бажановых из архива семьи А.П. Котковой. На этой дореволюционной фотографии рядом с Сергеем Николаевичем Миловским — дочь-подросток Софья и на коленях отца — сын Витя в нежном возрасте — милый, хрупкий мальчик, похожий на отца. Предвидел ли он, какие исторические бури ждут его впереди, сумел ли противостоять им?! Он поступил в сарапульское реальное училище — первое и лучшее в России. Случайно удмуртским журналистом С.А. Жилиным был найден послереволюционный след Виктора в Хабаровском архиве.

Вот короткая анкета Хабаровского комитета помощи русским беженцам, составленная 19 марта 1929 года тридцатипятилетним Виктором Миловским. Неровный, нервный по-

◀ Строение 16, угол улиц
Троицкой и Сарапульской.
Духовное училище.

▼ Суратовы. Николай с родителями.
40-е гг.

сы в архивы, визиты на генеалогические сайты.

Вдова Миловского предпочла получать пенсию мужа в Санкт-Петербургском духовном училище. Жила она, как сообщил справочник «Весь Петербург», с 1913 года на ули-

чек Виктора Сергеевича... и знакомая подпись — почти копия подписи отца. Хрупкий росток уничтоженного тоталитарной властью духовного соловья... Из анкеты узнаем, что, окончив техническое училище, он стал электромонтером, добровольно по-

шел в Советскую армию в 1918 году. Семьи не имел. С 1922 был в Китае, вернувшись на родину в 1929 году, жил по адресу: ул. Трамвайная, 3А. Такая улица есть во Владивостоке, но дом, увы, не сохранился. Что было дальше — не разгаданная пока тайна. Погиб ли Виктор Сергеевич при репрессиях 30-х годов или ему удалось выжить?! Вопросы без ответа...

И вот в середине «года истории» получаю неожиданное письмо-отклик на мою статью в интернете... внука С.Н. Миловского. Как может такое быть? Если Миловский родился в 1861 г., его дети в 90-е годы, то внуку должно быть не менее 80 лет? Так и оказалось. И прошедшим летом состоялась незабываемая встреча под Петербургом с 79-летним Николаем Сергеевичем Суратовым. При виде этого высокого с «миловской» пышной шевелюрой и величественной осанкой человека, поразительно похожего на своего деда, отпали последние сомнения относительно его родства с писателем. Интересно было, чей же он сын — Виктора или Софьи? Но жизнь — непредсказуемый и замысловатый сценарист — приготовила другую версию событий.

Последнее десятилетие Серебряного века... Вокруг редакций толстых литературных журналов собирались многочисленные группы прозаиков, поэтов, журналистов. В такой кружок при журнала «Русское Богатство» вместе с редакторами — признанными литераторами — В.Г. Короленко, В.Я. Брюсовым, А.М. Горьким были вхожи писатели И.Н. Потапенко, С.И. Гусев-Оренбургский, С.Н. Миловский-Елеонский, поэтесса Глафира Галина (псевдоним Глафиры Адольфовны Мамошиной-Эйнерлинг).

▼ Глафира Галина. 1907 г.

◀ Н.С.Суратов на даче в Весельце. 2011 г.

Она была не похожа на других женщин, которых встречал Миловский. Образованная петербурженка, дочь учителя, Глафира Галина писала стихи, окрашенные влиянием С.Я. Надсона. Стихи ее были очень искренние, безыскусные и легко жилились на музыку.

Русскими композиторами, среди которых были такие мэтры, как С.В. Рахманинов, Р.М. Глиэр, А.Т. Гречанинов, Б.В. Асафьев, создано 56 романсов на стихи Г. Галиной. В защиту революционных студентов от полицейского террора она пишет запрещенное цензурой стихотворение «Лес рубят — молодой, нежно-зеленый лес...». Оно распространялось в списках и впервые было напечатано за границей. За публичное чтение его Г. Галина была выслана на год из столицы. Посвященные англо-бурской войне строки «Трансвааль, Трансвааль, страна моя...» стали народной песней.

Однако жизнь ее не была столь поэтической. В своей автобиографии С.А. Венгерова Глафира Адольфовна напишет, что после смерти отца семья едва сводила концы с концами на крохотную пенсию матери за 25-летнюю службу при театре. Фамилию и отчество дал девочке отчим, отец Мамошин и его предки были русскими, бабка по матери — малороска, дед — полуполяк-полунемец.

Г. Галина пишет, что начала читать очень рано, любила сказки Андерсена

и стихи. В 9 лет написала свое первое стихотворение. Училась в Марининской гимназии, а окончила курс в Петровской. В гимназии читала стихи на литературных вечерах. После гимназии мечтала о Высших женских курсах, а должна была искать занятия для заработка. Прослужила на телеграфе около 5 лет. Вышла замуж за почтово-телеграфного чиновника Александра Станиславовича Эйнерлинга, от которого через год получила официальный развод. Только в 1895 году она попробовала опубликовать свои сочинения. И — о, радость! — стихи напечатали в «Живописном обозрении», потом в «Русском

богатстве» под редакцией В.Г. Короленко, «Жизни» и других литературных журналах. Впоследствии в журналах выходят и сказки Г. Галиной, и повесть «Из телеграфной жизни». В 1904 г. в издании Пирожкова выпущен сборник Г. Галиной «Сказки для детей». Ее талантливый сыннишка Ваня Покровский украсил книгу замечательными рисунками. Некоторые стихи Г. Эйнерлинг переведены на немецкий язык.

Влюбленный в литературу выпускник Казанской духовной академии Сергей Миловский был очарован юной петербургской поэтессой. Он был старше ее на десяток лет. Глафира, как многие эмансипированные женщины того времени, побывав уже замужем, была независима и не торопилась связывать себя новыми узами брака. Их сын Сергей родился в 1905 году. А Миловского ждала карьера — многолетняя служба в духовных училищах до выслуги лет. К тому же он был уже женат на дочери починковского священника, Анне Алексеевне Введенской, и в семье росли двое детей.

Глафира Адольфовна тяжело переживала трагическую смерть Миловского, долго была больна, не могла писать. После революции она жила в нужде: стихи не печатали, они казались несовременными, держалась немногочисленными переводами. В ее письме к В.Д. Бонч-Бруевичу в 1920 г. есть такие строки: «Деньги все

▶ Обложка сказки Г.Галиной «Прянишная принцесса» с рисунком Вани Покровского.

ушли на дороговизну жизни — и все-таки дети исхудали до невозможности, а о себе я уже молчу. Зимой у нас в квартире было 2 градуса мороза — вода замерзала утром». Она приняла

▲ С.Н.Миловский-Елеонский.

предложение писателя Сергея Ивановича Гусева-Оренбургского, близкого по духу и творчеству С.Н. Миловскому, и стала его женой, но вскоре разошлась с ним. Жила под Петербургом, занималась переводами, получала небольшую пенсию. Скончалась в войну в 1942 г. в местечке Лисий Нос под Ленинградом. Сергей Иванович Гусев пережил ее на 20 лет и умер в Америке. Он всю жизнь помогал трем ее детям.

Семья Миловских жила почти безвыездно в Сарапуле. Тайная любовь, сын связали Сергея Николаевича и Глафиру Адольфовну на всю жизнь, были для них светом, родником творчества. В одном из стихотворений Галиной есть такие слова:

*И если мы разлукой и тоской
За эту ночь так щедро заплатили -
Нас звёзды навсегда с тобой
Над голубой рекой соединили...*

Они встречались в редкие дни приезда писателя в столицу. Думаю, что их сына Сергея и держит

▲ Семьи Бажановых-Миловских. В центре сидит С.Н.Миловский с сыном Витей и дочерью Соней. Фото из архива А.П.Котковой.

на коленях 46-летний Миловский на известной фотографии в слове «Русские писатели. 1800–1917». После чтения писем Миловского и Галиной многое стало понятным в его биографии: большая, трагическая любовь к петербургской поэтессе и невозможность воспитывать их сына, необходимость скрываться под псевдонимом от духовного начальства, угроза потери службы, одиночество в обывательской сарапульской среде, непонимание со стороны жены, материальные проблемы, расстроенные нервы... Все это было мучительно и непереносимо для тонкой, чувствительной писательской души. И не символично ли, что дитя, рожденное в любви, продолжает поколение творческой интеллигенции, а род-

▲ Домик, в котором жила Г.Галина. Акварель Н.С.Суратова.

ной сын Миловского, эмигрировавший после революции в Китай, канул бесследно в сталинские годы?

Сын Г. Галиной и Миловского, Сергей Эйнерлинг, воспитывался своей матерью в С.-Петербурге, близ Старой деревни. Он учился в знаменитой петербургской гимназии и сидел за одной партой с Дмитрием Сергеевичем Лихачёвым. Будучи друзьями, они активно участвовали в кружке «Братство Серафима Саровского» и были сосланы по этому небезызвестному политическому делу в Вологду, где Сергей встретился с Людмилой Андреевной Суратовой. Они поженились, и у них родился сын Николай. Сергей Эйнерлинг-Суратов, взявший фамилию жены, погиб на Волховском фронте в 1942 году.

Николая воспитала в Петербурге бабушка, Софья Ивановна, так как родителям был отведен на жительство только сто первый километр. Мальчик впитал высокий петербургский дух и культурные традиции дворянской семьи Гржибовских, в которую были вхожи известные люди Санкт-Петербурга.

Николай Сергеевич окончил в Ленинграде вечерние классы живописи, работал в архитектурных институтах Ленинграда в отделах технической эстетики. Выставки мозаик Николая Суратова в Ленинграде прошли с большим успехом. Сейчас художник живет на родине — в тихом городке Бокситогорске Ленинградской области, занимается любимым делом. Он создатель прекрасных мозаичных панно-триптихов, акварелей, автор сонетов, член Союза писателей, известный человек в городе. Творчество его ориентировано на ценности Серебряного века и по-

тому, как считает Николай Сергеевич, не популярно сейчас. В ноябре Николай Сергеевич стал действительным членом Академии русской словесности и изящных искусств.

В гостеприимной квартире супругов, где органично соседствуют работы Суратова, собаки и коты, часто собираются молодые начинающие поэты, чтобы получить от талантливоего хозяина уроки творчества. Н.С. Суратов преподнес Сарпулу роскошный подарок: 18 авторских мозаичных панно, сборники сонетов.

Великим чудом была встреча Миловского и Галиной. Этой любовью освящено все творчество Н.С. Суратова. Его мозаики, акварели, сонеты принесли нам через столетие дух и таланты деда, сарпульского «Чехова» — Сергея Николаевича Миловского и бабушки — поэтессы Серебряного века Глафиры Адольфовны Эйнерлинг. 📖

РЫБОВОД Иван Кучин

Иллюстрации предоставлены автором

Сто лет назад проблема продовольственной безопасности России была не менее остра, нежели в наши дни. Население страны росло, и правительство не стеснялось подводить итоги переписей – они были важнейшим государственным делом, частью общей экономической политики. Империя, как и нынешняя Россия, содержала армию и флот. Недёшево обходилось и тогда содержание двух крупнейших европейских столиц.

Основную надежду тогдашние государственные мужи возлагали не на импорт, а, в первую очередь, на своих, российских крестьян. К примеру, календари Шадринского земства, хранящиеся в краеведческом музее имени В.П. Бирюкова, содержат подробные аналитические справки по многим аспектам уездного хозяйства: пчеловодству, лесным промыслам, молочному скотоводству и другим сельскохозяйственным отраслям.

Государственное внимание к этому сектору экономики демонстрирует и рост числа сельскохозяйственных ВУЗов, открытие кафедр в уже существующих университетах и институтах, рост числа выпускников – дипломированных специалистов высочайшего класса. И что

особенно важно – специалистов, востребованных в хозяйстве страны, необходимых ей, потенциально подготовленных для обеспечения стабильности и устойчивого экономического роста.

Одним из ярчайших представителей своего поколения стал Иван Васильевич Кучин (1874–1942), пожизненный почётный член Уральского общества любителей естествознания, член Вольного экономического общества и Императорского Российского общества рыбоводства и рыболовства.

Прибыл он по приглашению Шадринского земства в 1911 году, а уже в отчёте 1912 года указан почётным пожизненным членом недавно созданного Шадринского общества рыбоводства и рыболовства.

За что же приезжому, можно сказать, стороннему, пусть и дипломированному, специалисту столько чести? Выпускник Петербургского лесного института, Иван Васильевич, помимо лесотехнических специальностей, серьёзно занимался гидробиологией под руководством профессора Оскара Андреевича Гримма – секретаря учреждённого в 1881 году Императорского Российского общества рыбоводства и рыболовства, издателя журнала общества «Вестник рыбопромышленности». Коллеги и студенты называли его «ходячей рыбной энциклопедией».

Во время учёбы Кучин стажировался в ведущих лесничествах и зоологических лабораториях. Участвовал в начатых Обществом исследованиях рыболовных промыслов на озёрах Новгородской губернии. Его научные работы по гидробиологии и рыбоводству получили известность у специалистов. Результаты исследований молодого учёного упоминаются в знаменитой книге Л.П. Сабанеева «Рыбы России».

КУРГАНСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Алексей Мурзин

Окончил естественно-географический факультет Курганского пединститута. Работал учителем географии, директором Шадринского краеведческого музея. Сейчас – в Центре русской народной культуры «Лад». Член Зауральского отдела Русского Географического Общества. Автор книг очерков и рассказов. В 2006 и 2009 гг. печатался в «Уральском следопыте». Дипломант конкурса «Золотое перо Руси» (2005, 2010). Член Союза писателей России. Живет в Кургане.

◀ И.В.Кучин с помощником И.Ф.Бурачевским в цехе рыбного завода.

0-88

ОТЧЕТЪ

Шадринскаго Общества Рыболовства и Рыбоводства

За 1911 годъ.

г. Шадринскъ, Пермской губернии.

Тиражъ 50 экз. Иванчикова.

В 1905 году Иван Васильевич переехал в Пермскую губернию, где начал свою деятельность с преподавания в известной тогда Талицкой лесной школе Камышловского уезда.

В 1907-м Кучина приглашают старшим специалистом по рыбоводству при Департаменте земледелия. Он остаётся командированным на Урал для организации научно-практического исследования озёр уральских губерний. Одна из задач, поставленных Департаментом, — организация рыбоводных заводов и интродукция ценных сортов рыбы в искусственные и природные водоёмы края, с целью повышения их продуктивности.

Уже в 1909-м Уральское общество любителей естествознания в «Материалах по рыбоводству и рыболовству на Урале» публикует результаты исследования водоёмов и анкетирования населения Урала, проведённых И.В. Кучиным. Там же впервые появляются рекомендации по рыбоводству и ры-

болов-
ству на реках Урала, в том числе Исети, в пределах Шадринского уезда, разработанные на основе не утверждённых ещё Государственной Думой правил, предложенных О.А. Гриммом (издание хранится в фонде библиотеки Шадринского краеведческого музея имени В.П. Бирюкова).

При участии Кучина в 1908 году устроены два рыбоводческих завода в Уфимской губернии. Для надлежащего надзора и всяческого содействия рыбозаведению по его инициативе создаётся Аксаковское общество рыбоводства. Там, в Уфе, под руководством Ивана Васильевича впер-

вые осуществлено искусственное оплодотворение икры белорыбицы, что послужило началом широчайшего её распространения в рыбоводческих хозяйствах.

В 1910–1911 годах Кучин руководит мелиоративными работами в пойме реки Уфы, направленными на создание дополнительных садков для разведения рыбы, организует первую на Урале рыбоводно-биологическую станцию в Кыштымe. В 1912 году её переводят на озеро Аракуль. В эти же годы он проходит стажировку по рыбоводству в Швейцарии и северной Баварии.

Осенью 1910 года Общество рыбоводства и рыболовства создаётся и в Шадринске. Председателем избран инициатор его создания Пётр Лукич Грибов. Учредителем вновь созданного общества стал К.Д. Носилов. Проекты устава и правил общества, разработанные с учётом рекомендаций И.В. Кучина и правил О.А. Гримма, были приняты как инструкция. В 1912 году проекты направляются в Губернское земство для рассмотрения и регистрации, в феврале они были утверждены на заседании Общества.

Создание Шадринского Общества рыбоводства и рыболовства отвлекли Кучина от тех проектов, которые уже осуществлялись им на Урале. Но, тем не менее, Иван Васи-

льевич на протяжении 1911–1912 годов неоднократно приезжает в Шадринск, организует доставку из Уфы молоди ценных рыб, возможно, сам и транспортирует её. Он предоставляет Обществу так называемые аппараты Гримма для выведения молоди из икры. Даёт рекомендации по устройству питомника, садков и в последующем рыбноводного завода, вопрос о строительстве которого неоднократно рассматривается на собраниях Шадринского Общества.

В мае 1913 года Иван Васильевич организует в Шадринске кратковременные курсы по рыбоводству и мелиорации для членов Общества.

Одной из задач вновь созданной шадринской общественной организации было разведение рыбы. Для этой цели рассматриваются предложения по устройству запоров — шлюзов в пойменных озёрах, запрашиваются ассигнования от земства и из получаемых обществом взносов. Шлюзы в протоках возводились и ранее, но сильнейший паводок 1913 года частично разрушил их или же переполнил пойменные озёра, сведя к нулю все мелиоративные мероприятия. К лету 1913 года были выделены деньги на устройство питомника для рыбьей молоди. Но Иван Васильевич, занятый организацией и оборудованием Аракульской рыбноводной станции вблизи Каслей по разведению сиговых рыб (белорыбицы, нельмы-сырка, чудского сига), смог приехать в Шадринск только в ноябре, и отпущенные деньги ре-

шили перенести на 1914 год. Этот период деятельности Шадринского Общества рыбноводства и рыболовства подробно описан писателем-краеведом А. А. Пашковым в его книге «Охота и рыболовство в Шадринском крае».

События 1914, а затем и 1917 годов разрушили создаваемую И. В. Кучиным систему рыбноводческих хозяйств на Урале, не позволив шадринским рыбводам развернуть свою деятельность в полную силу. Закупленная совместно с Аракульской станцией в Харькове молодь карпа уже не могла быть доставлена. Но попытки акклиматизации в Исети и пойменных озёрах ценных рыб ещё какое-то время продолжались, хотя и не имели регулярного характера. Так, по просьбе шадринцев из той же Аракульской станции доставляют мальков форели и невского лосося, но ввиду отсутствия оборудованных садков и невозможности их обустройства дальнейшие перспективы эти попытки уже не имели.

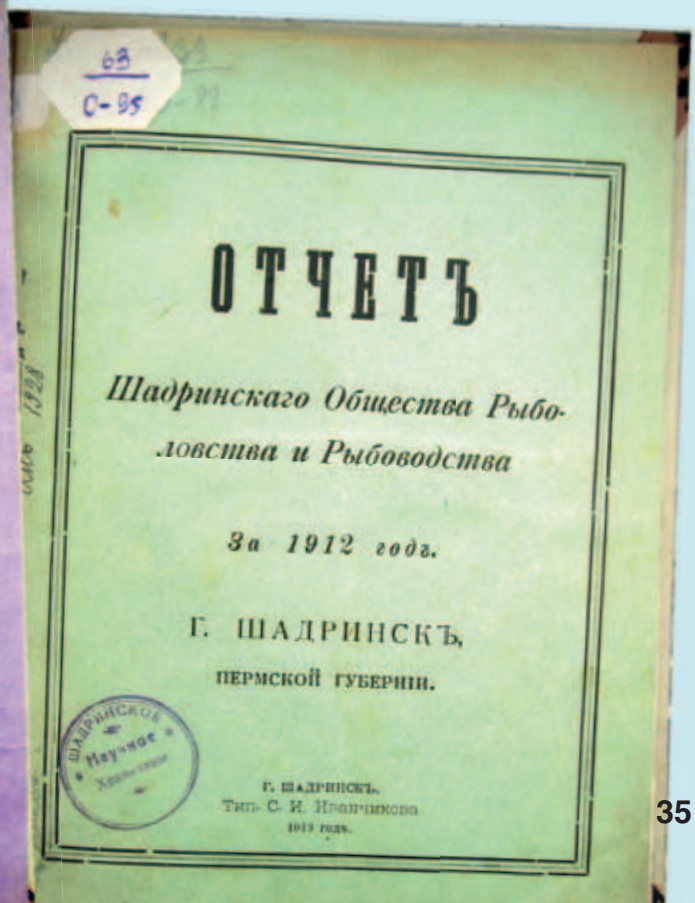
Конечно, пострадало не только рыбноводство. Множество других перспективных начинаний прекратили своё существование или же продолжились после длительного перерыва в совсем другой ситуации. В 1917 году приказало долго жить Императорское Российское общество рыбноводства и рыболовства. Был практически уничтожен один из крупнейших в Европе, созданный трудами и заботами Оскара Андреевича Гримма, знаменитый Никольский рыбноводный завод.

В 1921 году оборвался и жизненный путь О. А. Гримма, стоявшего во главе многих начинаний в области рыбноводства. Смерть застала его, лишённого средств к существованию, в деревне Тищенко в бывшей Псковской губернии.

Научная и практическая деятельность И. В. Кучина продолжилась до 1942 года. В 1920-х годах он много работает на озёрах Северного Урала и Тобольского Севера, упорно продолжая начатые ещё до революции исследования. Преподаёт в сельскохозяйственных учебных заведениях, руководит в сложнейшее время Вольшевским практическим сельскохозяйственным институтом. Создает кафедру рыбноводства в Псковском сельскохозяйственном институте. С 1929 года работает специалистом-консультантом Центрального агрономического управления...

До нашего времени остаются актуальными многие работы Ивана Васильевича по ихтиологии и практическому рыбноводству, до сих пор работает Аракульский рыбноводческий завод в Каслинском районе Челябинской области, продолжая начатое им сто лет назад разведение сиговых рыб.

Ну, а мы, шадринцы, можем быть благодарны Ивану Васильевичу Кучину и Оскару Андреевичу Гримму хотя бы за то, что имеем возможность приобрести свежего или замороженного сырка, леща и карпа в таком количестве, что уже и не считаем их присутствие на шадринских прилавках сколько-нибудь необычным явлением. **УС**

Детям-труженикам тыла —

Недавно ехал на свою родную «Турбинку» — Уральский Турбомоторный завод. На остановке «Третий километр шоссе Космонавтов» пересадка. И что-то остановило меня, не сел на эльмашевский трамвай. Защемило в груди. Огляделся кругом: ах да! Здесь, в скверике, у входа в Педуниверситет, лет семь назад мы установили памятный камень! Мы — это Лев Цодикович Брук, его жена Ольга Николаевна, Евгений Ройзман, я и несколько ветеранов-рабочих с ближайших заводов.

Подошёл я к камню. Он в рост человека. На нём надпись, которую мы придумали: «На этом месте будет установлен памятник детям, которые заменили взрослых и работали для фронта в годы Великой Отечественной войны 1941–45 гг.». У подножия камня — свежие цветы. За ним ухаживают.

Я постоял у камня. Вспоминал, как бросил несколько лопат гравия в его фундамент. Хотелось приобщиться грубо-зримо, не только писанием статей. А статей я тогда в газетах напечатал несколько.

Мимо торопились в Университет и выходили из него молодые и не очень молодые люди. Я спросил у двух парней, знают ли они, что это за камень. «Знаем, знаем, этим, как их — труженикам тыла...» — сказал один из них. И они заторопились на трамвай. Спросил то же самое у группы девушек, идущих в Университет. Они замаялись, стали читать надпись на камне. «Теперь будем знать!», — сказала самая смелая.

Не совсем точно ответили те двое. Не всем труженикам тыла поставили мы камень, а лишь малолеткам, работавшим во время войны. «Мальшпкам», как их называли после выхода в свет книги свердловского писателя Иосифа Ликстанова «Мальшпок».

К слову, где-то я читал, что эта послевоенная книга попала в руки дочери Сталина Светланы. Она с увлечением её читала. И тут вошёл в её комнату отец.

— Что ты читаешь? — спросил он.

— Как ребята работали на станках во время войны.

— Тебе нравится?

— Очень, папа.

Полистав книгу, Сталин вышел. Позволил в Свердловский Союз писа-

телей, попросил пригласить к телефону Председателя Союза.

— У вас там вышла книга Ликстанова «Мальшпок», так?

— Так точно, — товарищ Сталин.

— Очень хорошая книга, полезная. Детям нравится.

— Мы тоже так считаем! — товарищ Сталин.

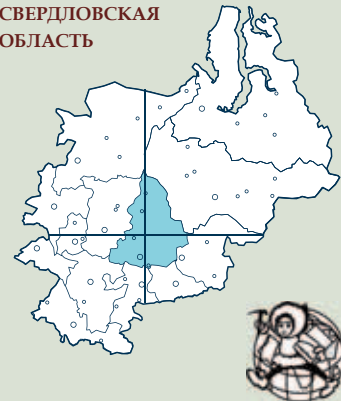
— Надо дать этой книге Сталинскую премию. Вы не возражаете? Вот и хорошо. Готовьте документы.

Так Иосиф Ликстанов стал лауреатом Сталинской премии. Вторым и последним после Павла Бажова...

Через много лет после выхода этой книги в Средне-Уральском книжном

Иллюстрации предоставлены автором

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Борис Вайсберг

Член Союза российских писателей, автор многих книг, журнальных и газетных статей и очерков.

камень или памятник?

издательстве вышла другая на ту же тему. Автором её был старый инженер Лев Цодикович Брук, работавший подростком на Дизельном заводе и изготавливавший детали для танковых моторов. «Дети-танкостроители» — так называлась книга. Лев Брук писал о себе, но получилось — о всех детях, работавших во время войны для Победы.

Перед этим, накануне 55-летия Победы, он выступил по Свердловскому областному радио с воспоминаниями о годах работы «мальшхом». Попросил откликнуться. Отозвались многие! И не только уральцы. На материале этих откликов Лев Брук написал документальную книгу. Мне довелось её редактировать, издавать, писать к ней предисловие.

Таких документальных книг почти нет в России и вообще в бывшем Советском Союзе, писал я. Выходило несколько подобных Ликстановскому «Мальшху». Помню, мальчишкой читал я с огромным интересом и «Мальшок», и книжку Ирины Ирошниковой «Где-то в Сибири». Но обе книги — художественные, с вымыслом, а «Дети-танкостроители» — книга автобиографическая, полностью документальная.

Помнится, я спрашивал Льва, почему он не написал, как тяжело было детям работать полный рабочий день, почти без отдыха. Болели, голодали, холодали, как и взрослые. Мне рассказывали, что бывали случаи: работает паренёк, стоя на ящике — без него не достать до рукояток управления. Смотрят — нет его. Наверно, думают, пошёл в туалет. А его нет и нет. Подходят к станку, а он лежит бездыханный...

«Да, я знаю, — отвечал Брук. — И у нас в цехе был такой же случай: девочка умерла, правда, не сразу — в больнице. Но у меня рука не поднялась обо всём этом писать».

Около 200000 «мальшхов» Свердловской области трудились в тылу для фронта, для Победы. На фабриках, на заводах, на полях. В сельской местности вообще привычным был детский труд. Между прочим, Иосиф Ликстанов рассказывал, что ему не советовали писать эту книгу. Лига наций запретила детский труд во всём мире. Но он, автор книги, понимал, что с началом войны пошла борьба не на жизнь, а на смерть. А запрещение детского труда касалось мирного времени. В военное время все мирные законы отменяются. В конце концов, немецкие фа-

▲ Макет памятника детям-труженикам тыла. Автор М.А.Мамедов.

шисты нарушили более важное: договор о мире и сотрудничестве с Советским Союзом...

После выхода книги Льва Брука «Дети-танкостроители» у него созрела идея: нужен памятник детям войны-труженикам тыла. Идею поддержали многие, но необходимы были средства. Лев Брук, будучи очень больным, вместе с женой Ольгой Николаевной ходил по инстанциям. Глава Орджоникидзевского района, мэр города, губернатор — везде они встречали понимание: «Да, да, конечно, святое дело — памят-

ник детям войны, конечно, конечно». Но денег никто не давал.

Они обратились к Евгению Ройзману, тогдашнему депутату Государственной думы. «На памятник денег дать не смогу, — сказал Евгений, — но на памятный камень найду». И нашёл! Камень был установлен — к 60-летию Победы в Великой Отечественной войне.

...Прошли годы. Не стало главного инициатора установки памятника — Льва Цодиковича Брука. Вдове Льва Брука — Ольге Николаевне — одной трудно. Заболел очень

▲ Макет памятника работы Льва Брука.

инициативный человек, взявший было дело в свои руки — Леонид Семёнович Дрейзин, бывший главный металлург Компрессорного завода. Он тоже был малолетним тружеником тыла. Даже получил медаль «За трудовую доблесть».

Поменялись несколько раз руководители Орджоникидзевского района, на территории которого стоит памятный камень и где предполагалось поставить памятник. Сменилось руководство Екатеринбурга и области. Перестал быть депутатом Госдумы Евгений Ройзман. Умер главный архитектор города Геннадий Иванович Белянкин, создавший проект памятника.

Установить его архитектор предлагал не на том месте, где стоит Камень, а рядом с Мемориалом, на уралмашевской площади Первой пятилетки. В своё время Г.И. Белянкин разработал проект этого Мемориала, и имел право его дополнять. Но — ушёл из жизни.

Словом, идея памятника детям войны-труженикам тыла повисла в воздухе.

...Выступая на своей «Турбинке» с рассказом об истории завода, узнал от ветеранов, что во время войны привезли в Свердловск для работы на заводах целый эшелон узбекских юношей и девушек. Несколько тысяч человек! Непривычные к нашей жизни, к заводскому труду, к нашей пище и нашим холодам, они умирали сотнями. Выжив-

шие убежали обратно к себе на родину. Наши уральские ребята более привычные, более выносливые — многие выжили. Но, как говорил мне бывший «мальшчок» Леонид Юхименко, позднее удостоенный звания Героя Социалистического труда, многие так и остались «мальшками», невысокого роста — тяжёлый труд, нехватка пищи... Он и сам был малого роста. К слову сказать, Леонид Петрович написал предисловие к очередному изданию книги Иосифа Ликстанова «Мальшчок»...

Вернёмся к памятнику. Обычно подобные монументы устанавливаются к большим датам. Как было бы замечательно поставить памятник детям войны-труженикам тыла ко дню Победы — 9 мая 2013 года. Но, судя по темпам движения вопроса, боюсь — это нереально. Мы с Ольгой Николаевной приуныли. Что делать?

Тем временем бывшие «мальшочки» уходят из жизни, подобно тому, как не стало Льва Брука, Леонида Юхименко, многих, кого лично я знал. Из 200000 тысяч в живых сейчас, дай Бог, половина бывших «мальшчков». Среди них немало моих добрых знако-

▲ Николай Пьянков, бригадир группы подростков по производству глиняной посуды. Верхняя Пышма. 1942 год.

мых и товарищей, чуть старше меня. Уралмашевец Михаил Петров, работавший в колхозе, журналист Юрий Коньшин — рабочий на заводе, Иван Куракин, слесарь с моей «Турбинки», тот же Леонид Дрейзин...

Недавно создано Всероссийское общество «Дети войны». В него вошёл уже и автор этих строк, которому в начале войны было 8 лет. И вдова Брука Ольга Николаевна, и тысячи других, кто родился с 1930 по 1945 годы. К станкам мы не успели, на фронт — тем более. Но что-то мы, которым сейчас по 70–80 лет, ещё можем сделать. Потом просто некому будет «пробовать» идею памятника...

«Дед, ты воевал?» — спрашивал меня внук. — «Нет, мал был. По призыву властей Днепропетровска мы, хлопчики, собирали бутылки для «коктейля Молотова». А ими бойцы поджигали немецкие танки. И если хоть один вражеский танк был подо-

жжён «моей» бутылкой, я могу считать, что тоже внёс крохотную долю в Победу».

...А вопрос с памятником всё ещё висел в воздухе. Но вот, наконец, под-

▼ Дети войны. Слева направо: Б.Вайсберг, О.Рыбаков, Л.Брук.

ключились депутаты городской думы Николай Игоревич Антонов и Яков Авдеевич Лефтон. Последний был главой Орджоникидзевогo района. У него в своё время побывали супруги Бруки. Безрезультатно.

Яков Авдеевич считает, что памятник должен стоять там, где и предполагалось: на месте памятного камня, у входа в Педуниверситет, на третьем километре Шоссе космонавтов. Для этого надо расчистить сквер, чтобы был обзор. Да и опасно в наше тревожное время ходить там вечером в темноте между деревьями.

Кроме проекта Белянкина, есть и другие проекты. Словом, появился, кажется, свет в конце тоннеля! Дай-то Бог...

Недавно власти города пригласили всех екатеринбуржцев вносить предложения навстречу юбилею города. В ноябре 2013 года Екатеринбург — 290 лет. И мы с Ольгой Николаевной, как, естественно, все дети войны, да и многие взрослые, вносим предложение: установить памятник «малышкам». Это был бы во всех отношениях подарок городу. И не только городу — всей области. И, по сути, всем детям-труженикам тыла России, да и бывшего Советского Союза. Награда за их трудовую доблесть.

Нужно подойти, наконец, поделовому, не надеясь на энтузиазм одиночек. Нас остаётся всё меньше. Создать рабочую группу, назначить ответственного, составить план-график, определить сроки, изыскать средства, открыть счёт в банке. И тогда многолетняя эпопея с памятником непременно закончится победой.

...Главный инициатор Лев Брук, отчаявшись ходить по инстанциям, говорил мне: «Эх, если бы каждый «малышок» внёс сколько может: хоть десять рублей, это был бы уже миллион! А если по сотне — десять миллионов. Этого вполне хватило бы на памятник».

Но у него не хватило жизни. Хватит ли у нас?.. ☒

БАШКОРТОСТАН

Сказочный лечебный край

Все ярче светит солнце, и длиннее становится день, а это значит, что весна уверенно вступает в свои права. Просыпается природа, и вместе с ней просыпается желание любить, дарить радость и радоваться самим. Вот оно — то самое долгожданное время, когда хочется

что-то изменить в своей жизни, записаться в бассейн, а может быть, сесть на диету, чтобы избавиться от накопленных за зиму килограммов. Самое время приехать в санаторий «Карагай», где вам помогут поправить здоровье и приятно отдохнуть.

ГУП санаторий «Карагай» работает в тесном контакте с научно-исследовательскими центрами курортологии и реабилитации. На базе санатория разработаны и широко применяются ряд методик и программ комплексного лечения, которые рассчитаны на 7-10 дней.

«Антистресс»

Напряженность социального положения в обществе, энергоинформационный обмен (получение негативной информации, просмотр фильмов ужасов и боевиков, посещение дискотек), напряженная умственная работа приводят к стрессам, а впоследствии к развитию того или иного заболевания. В связи с этим перспективным представляется использование методик, способствующих нормализации эмоционального фона. Благодаря природным факторам санатория «Карагай» (климат, сапропелевые грязи, минеральная вода), бальнеопроцедур (ванны, души, бассейн), физиопроцедур и, конечно же, психологической разгрузке можно восстановить гармонию души и тела, вернуть силы и молодость, предотвратить разрушительные последствия стресса.

«Свободное дыхание»

Частые заболевания верхних дыхательных путей, бронхиты, пневмонии являются показателем того, что ваша

иммунная система находится в ослабленном состоянии и нуждается в реабилитационных (восстановительных) мероприятиях. Проблема лечения данных больных, учитывая нестойкость результатов лечения и высокий процент инвалидизации, сохраняет высокую актуальность в наше время. Чистый воздух соснового леса (отдаленность от промышленной зоны, магистральных трасс), лечебная физкультура по специальной методике в зале, в лесу и в бассейне; терренкур, спелеотерапия, козий кумыс, а также массаж, физиолечение и др. процедуры помогут вам выйти из болезненного состояния, повысить иммунитет и ощутить свободу дыхания.

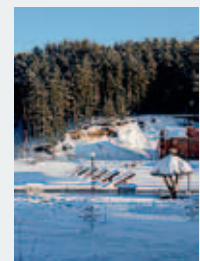
«Позвоночник — ключ к здоровью»

В современном мире с изменившимися условиями жизни (низкая двигательная активность и физическая нагрузка, высокое нервно-психическое напряжение, работа в вынужденном положении: у программистов, бухгалтеров, шоферов и т.д.) остеохондроз занимает не последнее место среди других заболеваний и дает значительное количество дней и случаев нетрудоспособности. Специалисты утверждают, что любой человек, даже ведущий здоровый образ жизни, нуждается в коррекции позвоночника. Благодаря комплексному лечению (сапропеле-

вые грязи, лечебная гимнастика в зале и в воде, души, различные виды массажа и т.д.) снимается мышечный спазм, восстанавливается нормальная подвижность, формируется мышечный корсет. А если при таком лечении получить еще и горизонтальное вытяжение на аппарате «Anatomotor» (является одним из самых эффективных методов!), то можно на несколько лет забыть об остеохондрозе.

«Эндоэкологическая реабилитация»

Не каждый из нас задумывается о собственном здоровье, а тем более о здоровье клеток нашего организма. Как человек живет в своем экологическом окружении, так и каждая клетка в своем, эндоэкологическом. Как вокруг нас накапливаются вредные вещества, так они накапливаются и вокруг клетки. Для здоровья клеток и очищения организма от токсинов в санатории «Карагай» открыт кабинет по эндоэкологической реабилитации. Программа «Эндоэкологическая реабилитация» включает в себя обследование, лечение (по индивидуальной схеме), позволяющее в динамике оздоровления и реабили-

литации данных пациентов контролировать функциональные возможности организма.

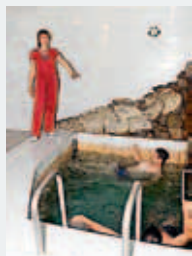
«Здоровье женщины — наше будущее»

В существующих социально-экономических условиях состояние репродуктивного здоровья женщин остается одной из наиболее острых проблем, являясь фактором национального здоровья. На состоянии репродуктивного здоровья существенное влияние оказывают хронические воспалительные заболевания женских половых органов. Новизна разработанного нами метода заключается в комбинации природных лечебных грязеобальнеоресурсов (сапропелевой грязи: аппликации, гинекологические тампоны; бальнеолечение: ванны, гинекологические орошения минеральной водой), гинекологического массажа, а также физиопроцедур, фитотерапии, которые повышают и потенцируют действие друг друга, что позволяет нам получить высокую эффективность лечения воспалительных процессов, бесплодия.

«Здоровье мужчины»

Среди урологических заболеваний простатит — наиболее часто встречающаяся патология и самое распространенное заболевание мужчин трудоспособного и репродуктивного возраста. Частые рецидивы простатита нередко приводят к бесплодию, импотенции. Причины для возникновения воспалительных заболеваний мочеполовой системы много, поэтому и лечение должно воздействовать на все звенья заболевания. Наиболее эффективным является сочетание процедур общих (воздействие на весь организм для повышения иммунитета, нормализации гормональной функции, снятия стресса) и локальных (воздействие на простату).

ту). Природные лечебные факторы санатория «Карагай» — грязевые процедуры (грязевые ванны, гальваногрязь, грязевые тампоны); микроклизмы, физиолечение (на аппарате Андро-Гин), души, фитотерапия, являются комплексным воздействием, направленным на усиление кровообращения, уменьшение отека и застойной гиперемии предстательной железы.

Программа по похуданию и коррекции фигуры

Основное, ради чего клиенты приходят в салон красоты, — желание выглядеть моложе и стройнее. Но человек — это очень сложная организация, а значит, и лечение должно быть комплексным и под наблюдением врача. Это можно сделать в условиях санатория «Карагай». В лечение входят грязевые аппликации, различные виды души, лечебная физкультура в зале и в воде, мониторинг очистки кишечника, сбалансированная диета. Здесь вам индивидуально подберут диету и комплекс лечебных мероприятий, при котором Вы сможете приобрести красивую фигуру и помолодеть.

«Шаг без боли»

Деформирующий остеоартроз крайне трудно поддается лечению. Применяемые медикаментозные средства носят симптоматический характер, а достигаемый терапевтический эффект кратковременный. Наилучшего результата можно добиться при комплексном лечении, применяемом в санатории «Карагай». При данном лечении улучшается общее самочувствие, уменьшаются или исчезают боли в суставах, повышается опорно-двигательная функция и трудоспособность. В санатории применяются местные сапропелевые грязи (с учетом противопоказаний) в сочетании с лечебной гимнастикой в бассейне с минеральной водой, подобранным комплексом лечебной физкультуры в зале с тренажерами, массажем и при необходимости физиопроцедурами. Своевременное применение повторных курсов санаторного

лечения может затормозить дистрофический процесс и предотвратить прогрессирование заболевания.

«Здоровые сосуды — долгая жизнь»

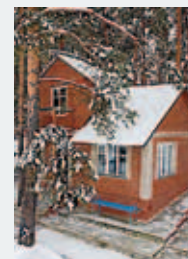
Несмотря на достижения современной медицины, частота возникновения новых случаев артериальной гипертензии, ишемической болезни не уменьшается, кроме того, все чаще жертвами болезни становятся молодые люди. Коварство болезни в том, что она может протекать незаметно для самого больного и показать себя уже в запущенных стадиях (инфаркты, инсульты). В санатории не только лечат, но и проводят профилактику данных заболеваний. В программу входят: обследование, лечение природными факторами (климат, минеральная вода), психотерапия, бальнеолечение (ванны, души, бассейн), фитотерапия, гирудотерапия, ИРТ.

«Золотая осень» (лечение климактерических неврозов)

Программа окажет неоценимую услугу женщинам среднего возраста с климактерическими расстройствами. Как часто патологический климат мешает нашей работе. Как часто вы избегаете в этот период ходить в гости, выступать на собраниях, находиться в большом обществе. Не всегда медикаментозное лечение может надолго убрать все симптомы. В санатории вам помогут бороться с этими симптомами при помощи природных лечебных факторов, релаксирующих методов, активному отдыху, лечебной гимнастики в зале и в бассейне с минеральной водой, подобранной фитотерапией.

«Антитабак»

Не часто мужчины могут признаться в своей слабости, при этом стараются «закурить» все свои проблемы. Но не каждый задумывается о губительном действии табака, о его разрушительных действиях на организм. Минеральная вода, грязелечение, расслабляющий массаж, кабинет психологической разгрузки и, конечно же, уникальная методика (при помощи лазеротерапии) помогут навсегда забыть о сигаретах, взглянуть на мир другими глазами, нормализовать эмоциональный фон. **УС**

Всегда рады Вам!
 Республика Башкортостан,
 Мечетлинский район, с. Большеустькинское
 Тел. (34770) 2-08-52, 2-08-49, 2-79-12
 E-mail: market@karagay.ru, сайт: www.karagay.ru

Иллюстрации предоставлены автором

Сказки Коелги

В Коелге сказочные места. Эпитет избитый, конечно, но все равно другое не приходит в голову, когда смотришь на слияние двух рек — Коелги и Увельки, на леса вокруг, на дореволюционные еще дома с подклетьми и каменными оградами. Да и современная слава Коелги сродни сказке. Мрамор, который отправляли на отделку храма Христа Спасителя в самую Москву, и сейчас добывают недалеко от села; белые глыбы, каждая в пол-избы размером, обрабатывают прямо тут или везут на грузовиках по области, в вагонах — по всей стране. На холме церковь во имя Архангела Михаила — построена по всем правилам, так, чтобы парила над землей. Хочешь не хочешь а отвлечешься от прозы жизни.

История у бывшей казачьей станции славная. Основана как крепость по указу Исецкой провинциальной канцелярии от 29 января (10 февраля) 1747 года. Приглянулся участок переселенцам из Челябинска во главе с Андреем Домниным. Обжились быстро. Уже через три года здесь поставили храм и деташамент для роты солдат, несших караульную службу. Имя поселок взял у реки. Коелги, по разным источникам, переводится как «родниковая река», «овечья» или «каменное русло» — вода на самом деле бежит по чистому мрамору.

Но, как ни переводы, а вода в речке в прежние времена была не хуже, чем в подземном ключе. Рыба ловилась всякая. Подспорьем и развлечением для коелгинцев во все годы считалась рыбалка. Особо гордились рыбаки местными щуками. Если верить

стариковским байкам, то лет сто назад водились в Коелге рыбины в рост человека. А может, и выросли... В конце концов, мамашей всех здешних щурят числится легендарное чудище из Чебаркульского озера, та щука, что чуть не слопала экспедицию Тевкелева.

Откуда заплыли мальки в Коелгу и Увельку, в реальности, конечно, неизвестно, а сведения о Пугачеве подтверждены документально. В 1774 году крепость не только сдалась без боя, но и поддержала бунтовщиков. Пугачевцы шли от Троицка на Кундравы и остановились в поселке. Коелга — еще одно раскольниковье гнездо на Южном Урале. Здесь стояла староверческая часовня во имя Петра и Павла, Петров день, 12 июля, почитался престольным праздником наравне с датой чествования Архангела Михаила, и в XVIII веке

ЧЕЛЯБИНСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Юлия Демченко

Директор павленковской библиотеки Еманжелинского сельского поселения Челябинской области. Кандидат педагогических наук. Руководимая ею сельская библиотека — одна из лучших в области. На ее базе учились сельские библиотекари. Курирует и пополняет школьный музей, проводит экскурсии по историческим местам села и района. Автор нескольких очерков в нашем журнале.

было много недовольных центральной властью.

Видимо, восставшие задержались в этих местах на несколько дней. У них хватило времени, чтобы провести совет атаманов. И хотя прошло с тех пор более двух веков, подробности встречи до сих пор расписывают красочно.

На вершине одной из гор в окрестностях поселка есть плоский камень. По преданию, на нем по сторонам света были выбиты имена пугачевских атаманов, чтобы каждый сразу занял свое место. Едва ли мужицкий царь в походе рассаживал гостей по именным табличкам, как на великосветских приемах, да еще был столь озабочен этой идеей, что приказал выдолбить надписи на крепком валуне — на будущее, мол. Зато легенда объясняет происхождение названия гор — Тигечные, в честь некоего Тита.

Но далее народная логика срывает безотказно: если был Пугачев, значит, был клад. И с тех пор вот уже двести с лишним лет нет-нет, да и находят желающие пожить награбленным добром. Поиски клада — вообще занятие увлекательное, особенно в том случае, когда неизвестно точно, где он спрятан. Большинство коелгинцев сходится во мнении, что есть недалеко от села Пугачевская пещера, вход

в которую скрыт водой. Лишь в засуху, когда реки мелеют, туда можно заплывать на лодке.

По другой версии добро зарыто под Тигечной горой. Примета, говорят, верная есть. То ли на закате, то ли на восходе гора золотой становится. Змеи со всей округи приползают сюда сбрасывать кожу, их шкурки и золотятся под солнцем. Ну, известное дело: где змеи — там и клад. Зачем бы они иначе на гору сползались?

Искать сокровища пробовали даже в Таяндах, на полпути между Еманжелинкой и Коелгой. Есть там маленькое озерцо Тадык, по сравнению с Тургойком или даже Еткульским озером, просто блюдце, но дно выстлано гладкой известковой плитой. Ее-то кладоискатели и посчитали рукотворной: брошена, значит, чтобы к схрону чужой не подобрался. Краеведы, правда, утверждают обратное: плита — сама по себе клад. Ни трещины, ни повреждения, а такое возможно только в том случае, если известняк со времени образования всегда был под водой. Вот и выходит, что крошечный Тадык живет то ли триста, то ли четыреста миллионов лет и остался здесь от древнего моря.

Известняк и вода стали невольными «авторами» многих коелгинских историй. Наш совсем не горный край

богат пещерами. В основном они затянуты песком и глиной. Надо иметь особый глаз, чтобы на ровном месте угадать вход в подземелье. И за долгие годы местные станичники не раз открывали тайные ходы и снова забывали про них.

По легенде, каменный путь тянется от Коелги до Таяндов, выходит даже недалеко от Еманжелинки. Наверное, были основания это утверждать. Но более изучено другое ответвление подземных коридоров. Оно отходит от Коелги на юг и юго-восток и ведет к Увельскому району.

Его издавна освоили раскольники, искавшие молитвенного уединения и защиты от мира. О пещерах в своей книге «Топография Оренбургский губернии» упоминает в 1762 году географ П.И. Рычков: «... одна от села Коельского по дороге, которая лежит к Челябинску и к Оренбургу, в четырех верстах, на ровном месте в ямине. Она во время сыску раскольников осматривана капитаном Крыловым. В длину можно свободно в нее идти сажен до тридцати, а ширина и выпина ее на сажень. В конце ее, сказывают, яма небольшой окружности, но глубина ее неведома. Башкирцы объявляют, якобы они в прошлом в той пещере наблюдали змею чрезвычайной величины».

Другая пещера от упомянутого села в двенадцати верстах, не в дальнем расстоянии от речки Кабанка и от деревни секретаря Черемисинова, на ровном же месте, длиною такова же, как и первая, только шириной просторнее, и по сторонам имеются в ней расселины, наподобие камер. В 1750 году найдено в ней челябинским протопопом несколько укравшихся тут раскольников».

С пещерами связаны самые известные коелгинские предания. Многие из них уже разошлись по Интернету, в том числе и рассказ об экспедиции сотрудника Челябинского краеведческого музея И.Г. Горохова летом 1926 года. Исследователи обнаружили несколько подземных гротов, например, Казачий стан, Большой и Малый Жемеряк, Притгон. В Большом Жемеряке их ждала встреча с отшельником-старовером. Пещера издавна почиталась местными жителями. Когда-то там обитали три старца. После смерти они были здесь и похоронены. Позже, примерно в 1910 году, внук одного из старцев, Я.Л. Хохряков, построил у подземного скита часовню, которая стала местом паломничества. Сюда собирались жители окрестных станиц: Коелги, Погорелки, Ямок, Таяндов, Звягино, Еманжелинки. Святую воду брали из источника в подземелье. А в первую субботу после Пасхи раскольники-беспоповцы

устроивали у входа торжественную службу.

Этот рассказ, как и воспоминание о женщине, скрывавшейся в гроте вместе со своим ребенком и потерявшей младенца во время наводнения, знают многие люди. Но мало кто упоминает пещерный женский скит, а ведь его насельницы были уважаемы во всей округе. Простые монахини славились как златошвейки. Им заказывали приданое к богатым свадьбам. К матушке-настоятельнице ехали за советом.

Однажды к ней обратились молодые супруги Поповы — Прокопий Анфимович и Пелагея Ивановна. Они прожили вместе уже несколько лет, но детей у них не было. Прокопий и Пелагея надеялись узнать у настоятельницы, суждено ли им иметь наследников, и попросить ее помолиться о даровании ребенка. Игуменья согласилась помочь с неохотой. Взглянув на молодых, она сказала: «Детей вы вымолите, но толку не ждите», — однако уступила просьбам и обратилась к святым.

Она ли поспособствовала или это совпадение, но в семье Поповых один за другим родились три сына и дочь. Дети росли умными, хотя и доставляли старшим беспокойство болезнями и травмами. О предсказании постепенно забыли. Но собы-

тия разворачивались, как в пословице «Маленькие детки — маленькие бедки...»

Петр Прокопьевич вырос ладным казаком и на действительную службу должен был отправиться в Петербург. Перед долгим расставанием родители решили сыграть свадьбу. Невесту выбрали работящую и приглядную, жених не возражал и поехал в столицу уже семейным человеком. Возвращение же обернулось скандалом. Со службы Петр привез новую жену. Позор на всю станицу. И дед прогнал сына со двора.

Несчастья пошли одно за другим. Гражданская война, болезни, голод. Еще один сын, Василий, умер молодым. Логин был тяжело ранен и на всю жизнь остался инвалидом. Младшей, любимой дочери Грунечке, мать с отцом желали лучшей доли и выдали замуж в зажиточную семью к Рыболовым — на хутор. Шестнадцатилетняя жена еще играла в куклы, когда ее вместе с новыми родственниками выкинули из дома и угнали в Пермский край, на шахты. Там от туберкулеза умер муж, а потом — все родившиеся дети.

Трудно сказать, жалели или нет старики Поповы о своей давней просьбе, однако от старой веры не отступили. Так и остались они в одной из семейных легенд Коелги людьми хоть по характеру и нелегкими, но не злыми, не ожесточившимися.

А сказки Коелги продолжали складываться и в советское время, мешая были и небылицы. Если пораспрашивать старожилов, расскажут и про Паисыну могилку, которую чтили как святое место, и про стычки с соседями-варламовцами, в местном фольклоре выставляемыми чудачками, и про лешего, подозрительно похожего на современного йети. Даже

сегодняшнюю Коелгу иногда называют «белой сказкой». Куб коелгинского мрамора украшает герб Еткульского района. Здешним камнем облицованы здания Российской академии наук и Министерства обороны, новостройки в Астане, мечеть Кул Шариф в Казани, станции метро в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбургe. Художники и художественные мастерские закупают уральский мрамор для изготовления скульптур.

Что же касается коелгинских историй и баек, то, верно, найдется когда-нибудь свой Бажов и напишет по их мотивам настоящие сказки. Найдется. Место к этому располагает. **VC**

СПОРТИВНАЯ СЕКЦИЯ БОЛЬШОЙ ТЕННИС

Для детей от 5 лет и взрослых

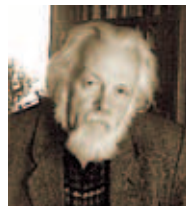

Дева-птица

Березовый старик

Продолжение.
Начало в №1, 2013

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Юний Горбунов

Жил в стародавнее время на реке шаман. Лялем звали. Не то чтобы какой воинственный был (ляль по-мансийски «противник», «враг»). А помнили, что крепко держал он в шаманской власти все юрты своего племени. Наверно, и саму реку его именем стали называть — Ляля.

А однажды обезножил старый шаман. Замолк бубен с колотушкой, убранные с глаз долой в чамью*, прекратились камлания в шаманском чуме, некому стало вручать дары властителю племени. Забрал у шамана ноги Хозяин нижнего мира**.

Но голова, руки, сила духа жили еще в старике и искали заделья. Что ни день, надевал он свой островерхий наголовник из цветных лоскутов, брал в руки нож, доставал бескорый березовый чурачок и что-то резал из него до тех пор, пока не гасли в чувале последние угли. Нож стал его третьей рукой — так ловко он им орудовал.

А когда однажды исполнил шаман свою предсмертную песню и навсегда ушел к Хозяину нижнего мира, нашли под его изголовьем словно бы сидящего на корточках березового человека. Старик-шаман остыл, а Березовый Старик оказался вдруг тешлым.

Мужчины — охотники и рыбаки — стали брать его с собой в тайгу для обогрева и скоро заметили, что никто из тех добытчиков пустым домой не возвращался — все с богатым уловом и добычей. Если соболя кто добыл, то за него новгородский купец давал втрое. Если хворь подступала к кому, то Березовый Старик облегчал страдания. Поняли люди юртов, что вложил шаман в Березового Старика всю свою не отданную им колдовскую силу.

И стали лялинские юрты от других наотличку. Лучший сохатый — в их путике. Если лиса угодила в капкан, то непременно чернобуря или сиводушка. А уж без доброго осетра и кедрового ореха с ноготъ величиной добытчик никогда не возвращался.

Шло время, и стал Березовый Старик нет-нет да в ленивые руки попадать. Ну, зачем, мол, далеко шагать, если белку или там лося чуть ли не у самого паула взять можно. А добычу лялинские люди наладились ме-

нять на огненную воду: что еще делать в чуме, если в нем и так всего полно?

Однажды шел такой праздный по тайге с Березовым Стариком за паухой и придумывал, чем бы еще Старика озадачить. И соболя доброго с ним добыл, и сам в тепле... Ну и надоумился... Если он такой теплый, то пусть-ка растопит снег на полянке да травкой зеленой глаз порадует.

Достал Березового Старика и сунул в сугроб. Поначалу и верно вытаяла целая воронка. Как вдруг зашумело то ли над головой, то ли рядом где... Рука ли мелькнула, крыло ли... И не стало на снегу Березового Старика... Только будто летом опажнуло нерадивого. Не иначе — Дева-птица...

Одумались лялинские люди, пустились искать Березового Старика. Сказывали, до московского царя слух о Старике дошел. Много чего находчику сулили. Да какое там! Пропал Березовый Старик в тайге югорской.

А лялинские юрты не то чтобы захирели, но стали их людям таежные блага трудно доставаться.

Дорога вот государева по юртам прошла. Издавна меченые охотничьи и рыбацкие угодыя потревожила. Ушел зверь. Плотники и стрельцы понаехали — из Чердыни, Пельяма, Лозьвы. На вогульских чумовищах*** свои землянки и сараюшки понаставили. На берегу камне реки Туры русская крепость желтым сосновым частоколом уже стала подниматься. В людях Лялинских юртов зародилась этакая бойцовская спесь. Беспokoили своими шалостями то зырян, то остяков, а то и самоедов****. Подзуживали сосвинских соплеменников грабить хлебные амбары, на пашнях и погостах русских людей побивать.

Но дорога-то трудилась-работала. И иные таежники подгородных теперь юртов наладились осваивать вовсе забытый ими промысел — лошадную гоньбу.

Поначалу да в охотку новоявленные ямщики лихо понужали государевых лошадок в сторону Соли Камской, Тюмени и Тобольска. Везли почту и казну. Сороками собранных соболей и кунит, десятками — лисиц, белок и прочего пушного зверья, рыбу и орех

▲ Бабиновская дорога, участок от бывшей деревни Кырья в сторону Растёса. Фото Николая Бабинова.

* Чамья — амбар для хранения предметов культа.
** Хозяин нижнего мира — антипод Нуми-Торуума; он принимает умерших.
*** Чумовище — место, где стоял кочевой переносный шалаш (чум).
**** Самоеды — старое название ненцев.
***** Ям — почтовая станция, где меняют лошадей.
***** «Пупки» — это ремки, вырезанные вдоль брюшка шкурки, иногда оставляемые ясным людям для прокормления.
***** Поминки — это «добровольная» повинность помимо ясного оклада, подношение, подарок.
***** Торжское слово «шайтан» не вполне выяснено учеными. В нашем контексте оно употребляется как «злой дух», нечто непредсказуемое, темное, пугающее вогула. Шайтанами называли незнакомые глухие реки, урочища, скалы. Шайтана боялись и всячески улещали, если нельзя было избежать с ним встречи.

кедровый — это все на Москву, а оттуда за Камень — хлебные и ружейные припасы и прочее, чего не росло, не водилось и не производилось здесь.

Вдоль дороги, Артемием меченой, ставились по надобе вогульских возниц-погонщиков, ямы^{****} придорожные, где можно и самим отдохнуть-подзаправиться, и лошадям дать отдых. Так появились на Бабиновке сначала малые станки-остановки, а потом и ямские деревушки.

Но поездив по урало-сибирскому белу свету, понабравшись слухов, лялиньские вогулы заподозрили нелад-

ное. Сделавшись слугами государевой гоньбы, они при этом остались людьми ясашными. Сборщики пушного оклада, что ни год, требовали с каждого тех же 5-6 соболей с пупками^{****} и лапками. Вон сосвинские и лозвинские вогуличи платят ту же самую ясашную повинность, но гоньбой-то они не натружены!

Найдя в остроге писаря-толмача и одарив его поминками^{*****}, лялиньские вогулы обратились за правдой к царю-батюшке. А уже и зима на носу. Добывать зимой корм лошадям для вогулича дело не привычное. Лошадь — не оле-

шек, копытом корма не добудет. Да ведь и самим зиму коротать надо — с гоньбой запасов не накопили. И, не дожидаясь царева изволения, пустили лялиньские ямщики государевых лошадок под нож и себе на прокорм. Занялись привычным зимним промыслом.

Встала на Верхотурье почтовая и ясашная гоньба. Некого запрячь в кибитку и сани, да и погонять тоже некому. Дорогу, мало еще наезженную, снегом метет-застилает. А главное дело — мягкую рухлядь, собранную и упакованную в тюки (зима — время ее отправки!), напрасно ждет Первопрестольная.

Словом, ямщики из лялиньских вогуличей вышли никудышные.

После этого «лошадиного бунта» бросил царь Борис Федорович Годунов ключ по Руси, собирая на Лялю, Верхотурье, Туринск и Тобольск охотников на ямщицкий промысел. Эти ямские охотники-выкликанцы и срубили себе избы близ бунташных лялиньских юртов, образовав одно из первых здесь русских поселений — Караульское (будущее село Караул). Караулило оно и новый град на подходе к нему, и первую таможенно государеву, чтобы никакой товар по его, Государя, дороге беспошлинно Камень не миновал. И обочь городской стены селились выкликанцы, образовав подгородную Ямскую слободу.

Так появился на Верхотурье первый русский промысел — ямщицкий.

А веком позднее русское таможенное селение Караульское, возникшее на чумовищах лялиньских юртов, положило здесь начало горнодобывающим и металлургическим профессиям. Всего-то в пяти верстах от таможни верхотурский житель Конон Заварин разведаль выход меди. Урал тогда щедро открывал людям свои железные и медные кладовые. Казалось, где ни колупни киркой — там и руда. Находка тотчас отозвалась в Петербурге. По указу Петра I в устье речки Каменки, впадающей в Лялю, летом 1723-го начали строить плотину и Лялиньский медеплавильный завод. Горнорудным и металлургическим профессиям спешно обучались крестьяне верхотурских сел, приписанных к заводу. А охотникам и рыболовам мятежного юрта приходилось несладко — покидали исконные земли или искали удачу в новых промыслах и новой вере.

Медь, однако, в здешней округе капризная была: то есть она, то нет её — то Шайтан^{*****} пошучивал, то Деваптица места казала...

Молодые вогулы уже и не слыхивали про Березового Старика. А которые постарше, память о нем держали. **✎**

ФОРУМ
ЖЕНЩИН
УрФО

КОСК «Россия»
26-28 марта

XV специализированная выставка
ОБРАЗОВАНИЕ
от А до Я. Карьера

Официальная поддержка:

Министерство общего и профессионального образования Свердловской области
Министерство по физической культуре, спорту и молодежной политике Свердловской области
Свердловский областной Союз промышленников и предпринимателей
Управление образования Администрации г.Екатеринбурга
Форум женщин УрФО

Образовательные учреждения

- Учреждения высшего, среднего и начального профессионального образования
- Учреждения общего и дополнительного образования
- Центры обучения за рубежом
- Центры бизнес-образования

Карьера

- Центры повышения квалификации и профподготовки на предприятиях
- Курсы переподготовки на базе учреждений СПО
- Ярмарка вакансий

Обеспечение учебного процесса

- Научно – методическое, правовое и кадровое обеспечение образования
- Информационные технологии в образовании
- Учебное оборудование и оргтехника
- Мебель для учебного процесса
- Одежда для учащихся
- Учебная, методическая, справочная, деловая литература, пособия; канцтовары

В программе выставки:

III УРАЛЬСКИЙ

РОБОТОТЕХНИЧЕСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ

Конференции, семинары,
консультации, мастер-классы, круглые столы, презентации

КОСК «Россия», Екатеринбург, ул.Высоцкого, 14
(343) 348-25-55 market@kosk.ru www.kosk-abk.ru

6+

УРАЛЬСКИЙ следопыт ISSN 0134-241X
www.uralstalker.com

март 2013

Аэлита

50

Законы Вселенной

ВЛАДИМИР ВЕНГЛОВСКИЙ
Смех летучей мыши

50

67

Законы Вселенной

ГРИГОРИЙ НЕДЕЛЬКО
Сверхурочник

67

80

Координаты чудес

МАРИЯ ЕМА
Пряха Тиль

80

Смех летучей мыши

*Все мы в руках ненадёжной фортуны,
Тень, моя тень на холодной стене,
Лютни уж нет, но звучат её струны,
Дождик осенний, поплачь обо мне.*

(Булат Окуджава «Дождик осенний»)

Владимир Венгловский

Родился 13 декабря 1973 года в городе Житомире (Украина), где и проживает по сей день. Женат. Воспитывает дочку. Работает ведущим инженером-программистом. Литературную деятельность начал в 2010 г. Пишет на русском и украинском языках в жанре фантастики, фэнтези, сказки и криптоистории. Рассказы публиковались в журналах «Полдень. XXI век», «Дніпро», «Искатель. Украина», «Мантикора», «Меридиан», сборниках издательства «Фантаверсум» и др. Неоднократный призер многих литературных конкурсов и фестивалей.

Орбитальный спутник Пришельцев упал на рассвете. Земля вздрогнула, по стене зала пробежала извилястая трещина, а звон люстры из горного хрусталя напомнил популярную мелодию: «Король послал нас на войну за дальние моря».

Я выскочил на балкон.

Над лесом кружили орущие птицы. В воздухе указующим перстом остался дымный след.

— Корн! — закричал я. — Бегом! Сюда!

— Да, ваш' милость. — Корни в боевом облачении возник в дверях, пригнув голову, чтобы не стукнуться макушкой.

— Ты что, под дверью ждал? — удивился я.

Корни пожал плечами.

— Ну-ну... Возьми Ольгерда, Борова и Одноглазого... Можешь прихватить еще пятерых на свое усмотрение. И бегом, бегом, пока люди графа не опередили. Да! Стой! Я с вами отправлюсь.

Правая бровь Корни поползла вверх. Мой начальник стражи и друг в одном лице хмыкнул, но ничего не сказал в ответ. Через секунду он уже спускался по каменной лестнице, и в глубинах замка послышался его рев, созывающий людей.

Я постучал пальцами по перилам и пропел:

— А мы послали короля в ответ, тра-ля-ля-ля.

Надо сказать, паршиво получилось. Хорошо, что никто, кроме Дайпожрать не слышал. Да и тот слишком хотел есть, чтобы обращать внимание на мои бардовские потуги. Дайпожрать тяжело вздыхал, шевелил лапами и хлопал зеленой водой во рву под балконом.

* * *

— Зря вы это, того, вместе с нами, ваш' милость. Здесь разбойники могут быть, — сказал Корн, когда мы ехали через лес.

Дорога, которую скорее можно назвать тропинкой, то пропадала, то вновь появлялась среди деревьев. Надоедливые комары назойливо звенели, а черника нескромно демонстрировала налитые соком ягоды. Эх, плюнуть на всё и набрать целое лукошко...

— Понимаешь, — обернулся я к Корни, — разбойники — это неизменная часть установления новых экономических отношений в мире. Когда старые устои рушатся, а новые только набирают силу... Эй, ты меня слушаешь?

— Да, ваш' милость! — восторженно воскликнул Корн.

— А впрочем, — махнул я рукой, — они всегда были. При любой экономике. Как грибы после дождя. Потом не забудь напомнить, чтобы я организовал облаву. Всё-таки это мой лес. Надо бы парочку деревьев к празднику украсить. Какой там ближайший?

— День Сенокоса! — радостно ответил Корн. — Когда крестьяне перед заготовкой зерна сжигают чучело Рогатого и взрывают хлопушки.

— Да ну, — ехидно заметил я. Как будто отец никогда меня малым не брал на этот бедлам, заканчивающийся дружной попойкой и... и... Я вспомнил сельских пышнотелых девиц и постарался не покраснеть. Меня-то отсылали обратно домой, но фантазия рисовала соответствующие картины.

«Смотри, — говорил тогда отец, — как люди бесцельно прожигают свои жизни. А на самом деле они все вот у меня где, — сжимал он сухие длинные пальцы в кулак. — Вон, видишь сына трактирщика? Жирный такой, что танцует с не менее жирной девкой. Стоит мне моргнуть, и барон узнает о контрабандном гашише, который продает папаша-трактирщик некоторым личностям, переправляющим зелье в столицу. Это если его милость захочет купить такую информацию. Ведь информация стоит денег».

«Информация стоит денег», — повторял я.

«А кто владеет информацией — тот владеет миром», — наставлял отец.

«Кто владеет информацией — тот владеет миром», — говорил я, задерживая взгляд на бойкой девчонке — дочке свинаря Олафа (лишилась невинности с заезжим музыкантом, а ее папаша думал, куда бы пристроить дитяtko за соответствующую плату), выплясывающей с кузнецом Вавитой (продавал оружие разбойникам). За что я, конечно, получал подзатыльник.

— Ай!

— Что там?! — восторженно воскликнул я.

— Гляньте, какая тварюка! — подъехал Боров, показывая зажатого в пальцах большого слепня.

— Ужалил? — ехидно поинтересовался Корни.

— Не-а, — расплылся широкой улыбкой на изъеденном оспой лице Боров. — Не успел. Я его — итить! — взмахнул он рукой, демонстрируя ловкий прием.

Наемники, Рогатый их побери! Моя личная гвардия. Стоящие ребята. Я видел, как Боров сражался против десяти людей графа Войца, держа всех на расстоянии двуручного меча. Причем к тому времени, как подоспел я с парнями, один из противников валялся на земле, пытаясь задохнуться обратно вывалившиеся кишки. Жуть, одним словом.

Некоторое время мы ехали молча.

— Здесь могут быть кобольды, — вновь сообщил Корн.

— А как же, — кивнул я. — В период, когда новая экологическая ситуация приходит на смену старым природным связям. Когда черная пыль разносится ветром из зон заражения... Да до хрена тут этих му-тантов! — Непривычное новомодное слово далось с трудом, но я старался идти в ногу со временем.

Пришлось хвататься умных выражений у Пришельца, который почти месяц гостил у меня в замке. Называл себя «этнографом», изучал, как он выразился, «сходные пути развития человеческих миров», и задавал глупые вопросы, вплетая в нашу речь незнакомые слова. Мой словарный запас тогда обогатился такими выражениями, как «орбитальный спутник» вместо «летающей крепости», «энергогенератор» вместо «гудящей бочки», и «мутант» взамен гм-м... «урода».

А сейчас у меня живет Старуха Нэн.

— Что ты заботишься обо мне, как о ребенке! Лучше держи наготове меч и избавь меня от своего занудства.

Я пришпорил коня и погнал сквозь лес. Корн и ребята невозмутимо последовали за мной.

А того трактирщика я судил сам, бесплатно. Уже потом, когда стал бароном. Ненавижу наркоторговцев. В назидание другим, трактирщик провисел неделю, и стаи ворон вились над раскачивающимся телом. Его сына я пощадил. Всё-таки, у него трое детей — пышненьких бутузов, всех в папу и маму. Счастливая семья.

Ворон после того тоже ненавижу.

Спутник — бывшая орбитальная боевая станция лежал на опушке. Ударной волной деревья разметало в стороны. Вокруг чернела обугленная трава. Воздух еще пылал жаром, но сплав, из которого сделана обшивка сооружения Пришельцев, быстро остывал.

Я достал счетчик и проверил фон. Что ж — черная пыль в пределах нормы. Конечно, надолго задерживаться не стоило, но покопаться с надеждой найти кое-чего ценное очень даже хотелось. Это «кое-чего» бывало нескольких типов.

«А» — оружие. Огнеметы, подключенные к переносным накопителям (ох уж эти слова Пришельцев — язык сломаешь), примененные бароном Торвином против наступающей армии графа Войца Либирского, остановили хваленую наемную конницу «Железный кулак», зажав всадников в собственных доспехах. В ответ боевой лазер с башни графского замка взорвал эти самые накопители, прошелся по складу пушечных боеприпасов и полностью деморализовал войско Торвина. Правда, захватить Кштальк у графа войск уже не осталось.

«Бэ» — энергогенераторы. Один такой, здоровенный, гудит в подвале моего замка. После установки эта махина буравит землю, опуская трубу в горячие слои, и черпает оттуда энергию. Один знаковый алхимик с окончательно поехавший крышей из-за невозможности воспринять новую эру, доказывал мне, что генераторы отлавливают огненных сала-

мандр, жрут их и потому дают энергию. «Нечистая сила!» — кричал он, трясая головой, отчего очки с потрескавшимися стеклами сползли на кончик длинного носа.

Может, и нечистая. Может, мой генератор и отлавливает под землей слуг Рогатого. Но зато славно поддерживает вокруг замка защитное поле — не пробьешь. А подключенные к генератору светильники разгоняют темноту лучше, чем вонючие факелы.

«Вэ» — это прочие артефакты.

Чаще всего они, после тщательного исследования, относились к одному из двух первых пунктов моего интереса.

Искореженный шлюз был открыт, и я, нагнув голову, нырнул в горячие внутренности боевой станции. Спутник оказался почти надвое разорванным оружием Врага и выпотрошенным, как дикая утка на вертеле повара. Только невезучую утку начиняют яблоками, черносливом и прочей кулинарией, а здесь, кроме обрывков проводов и остатков обшивки, ничего не было. Удивительно, как половинки станции не разлетелись при падении. Обшивка с рваными краями вогнулась внутрь. Всё, что могло вылететь и стореть во время атаки Врага и падения на землю, ухитрилось это сделать.

Поездка оказалась безрезультатной. Ладно. Я собрался выходить, как вдруг краем глаза уловил движение — словно зеленая тень мелькнула в темном углу.

Я обернулся. Пусто. Показалось?

Но что это?

«Прочий артефакт» был присыпан осколками обшивки и представлял собой небольшой куб. Я провел счетчиком по его гладким граням. Та-а-ак... Черной пыли нет. Замечательно! Потом исследую. Я положил куб в сумку и вышел наружу.

Забери меня Рогатый! Мои храбрые воины держали за руки женщину. При этом Корни, как всегда, был мрачен, а на конопатой физиономии Борова застыло дурацкое выражение — он явно пытался выразить целую гамму чувств. В принципе, я его понимаю.

Женщина, или, скорее, девушка была хороша собой. Даже очень. Особенно для нашей глуши. Особенно для человека, который не общался с женщинами уже раз, два, три месяца... Или четыре? Давно, в общем, было дело. И то просто поговорили.

Каштановые волосы, ранее собранные в прическу, теперь растрепались, придавая девушке вид пойманной дикой кошки. Яростным взглядом серых глаз она пыталась разорвать Борова на мелкие кусочки. Затем девушка посмотрела на меня.

Очень метко посмотрела. Прицельно. Четыре месяца — это все-таки не шутка.

— Прекрасная сударыня, — сказал я. — Чем мы обязаны столь чудесным вашим присутствием?

Что это я за ерунду несусь?

— За нами следила, ваш' милость! — буркнул Корн.

— Явно шпионка графа, — отвел глаза от незнакомки Боров и похабно усмехнулся: — Хе-хе.

— Я не шпионка! — воскликнула Дикая Кошка и пнула Корна острым носиком сапога.

И одета она не в платье, а, скорее, в охотничьи одежды. Бриджи облегали стройные ноги.

— Ке-хм, — прокашлялся я. — Да отпустите вы, наконец, сударыню...

— Кралину. Кралина Гарселота, ваша милость. — Дикая Кошка попыталась пригладить всколоченные волосы.

— И здесь вы оказались совершенно случайно? — улыбнулся я.

— Конечно, не случайно! — воскликнула Кралина. — Я к станции шла, ваша милость! Я Пришельцев изучаю. Мой отец — известный Аггдарский ученый.

— А приплыли вы на «Звезде Аггдари» позавчера утром? — мимоходом поинтересовался я.

— Да.

— Плыли вторым классом. Уже перед самым портом произошла досадная ситуация — вашу шляпу сдуло порывом ветра в море, и своим возгласом вы несколько смутили окружающих дам.

— Да, — неожиданно покраснела Кралина. — Но... Откуда вы знаете?

— И что она сказала? — поинтересовался Боров.

— После порта вы направились напрямиком к замку графа Войца Либирского, где и поселились.

— Да.

— Шпионка, — процедил Корн.

— Я не шпионка! Я жила у графа в гостях, воспользовавшись его любезным предложением, которое он дал папе.

Кралина говорила с легким восточным акцентом.

— Благородный козел пять лет назад посещал Аггдарию, — пояснил я Корну. — Извините, — поспешил я успокоить Кошку, — я имел в виду графа, а не уважаемого маэстро Гарселота. Как его лавочка научных вещей, процветает?

— Не особо. Отец долго болел и немного забросил свой бизнес. Откуда вы знаете?

Я усмехнулся.

— Земля слухами полнится. Хотя я и не догадывался, что у маэстро Гарселота есть дочь. А сюда вы пришли к спутнику?

— Да, — махнула кудрями Кралина.

— Вообще-то это земля его милости, а не графа, — пробурчал Корн.

— Корн, конечно же, прав, — сказал я. — Но ведь граф же не приперся сам или с армией, что привело бы к неизбежному кровопролитию. Пришла его чудесная гостя, а против ее присутствия я ничего не имею. Но откуда вы узнали, что станция должна была упасть здесь?

— Я вычислила! Вот! — Дикая Кошка полезла в сумку, переброшенную через плечо, и достала пачку листов. — Ну, вернее, не совсем я... Мы вместе с отцом это рассчитали. Но станция действительно упала! Посмотрите, ваша милость! — протянула она мне записи.

— Сударыня! — взмахнул я руками. — Я всё равно ничего не пойму в этих научных закорючках. Но я буду весьма признателен, если вы посетите мой замок и попытаетесь объяснить мне их за обедом. Старуха Нэн испечет для нас изумительную утку с яблоками.

Мне определенно хотелось есть.

— А там... — кивнула Кралина в сторону станции. — Что?

— Почти ничего не осталось. А то, что нашлось — в моей сумке. Но покажу только в замке. — Я заговорщицки подмигнул.

Всё — Дикая Кошка попалась на крючок. Хотя, скорее всего, попался я на ее серые глаза.

— Ваша милость! Берегись! — воскликнул Корн, отталкивая меня в сторону.

Рот Кралины в испуге открылся.

На то место, где я стоял, приземлилась серая тень — кобольды часто нападают неожиданно.

* * *

Силовое поле накрывало замок голубоватым куполом. Я приложил руку с перстнем-ключом, и мы проехали в образовавшийся проход. Корн вел под

узды своего коня, на котором неумело восседала Кралина.

Навстречу вышла Старуха Нэн.

— Кх-х, — сказала она, протягивая одну из правых рук к моему лицу, — Кх-х-х-а.

— А! Не моя кровь, — с раздражением вытер я щеку, спрыгнул на землю и помог спешиться даме. — Это Корн голову кобальду снес. Напали на нас в лесу. Всё в порядке, не волнуйся. Только Одноглазого слегка оцарапали. Нэн, познакомься — наша гостья, госпожа Кралина Гарселота, — указал я на Дикую Кошку. — Ты свою утку фирменную приготовишь?

— Кх-х-а, — сказала Нэн, повернувшись, продемонстрировав хитиновый панцирь на спине, и вразвалочку прошествовала на кухню.

Кралина закрыла рот через секунду.

— Моя экономка, механик и повариха, — ответил я на ее немой вопрос.

— Э-э-э?..

— Да-да, Пришельцы кого только с собой не притащили. После войны я подобрал ее на развалинах летающей крепости. Думаю, что Нэн была прислугой... Или рабыней.

— А почему «старуха»?

— Потому что кряхтит всё время, будто на судьбу жалуется, да и панцирь растрескавшийся, как у столетней черепахи. По-нашему Нэн понимает, только ответить нормально не может. Иду, Корн!

Корн, взобравшийся раньше нас на второй этаж, теперь стоял в дверях гостиной (по совместительству моего кабинета) и заговорщицки подмигивал.

— Прошу простить, — обратился я к Кралине, — меня ждет срочная работа. Если вы позволите, то я не против вашего присутствия. Нэн сейчас принесет вино.

— Я не буду мешать, — улыбнулась Дикая Кошка. — Если бы вы знали, как сердится мой отец, когда думает, что я его отвлекаю...

Я кашлянул и, не пропустив даму вперед, первым вбежал в гостиную. Есть! Вот она, долгожданная гостья с берегов Вешта. Летучая мышь с голубой ленточкой на лапе висела вниз головой, уцепившись коготками за деревянную балку. Рядом с ней висели еще с десяток, но именно эта принесла те новости, которые я ждал больше всего.

Я схватил прислоненную к стене длинную палку с раструбом на конце (подобным приспособлением крестьяне срывают с деревьев поспевшие яблоки, ласково называя его тычкой) и аккуратно подцепил летучую мышь. Опустив тычку ниже, я взял зверька и снял прикрепленную к его лапе записку.

Так.

«Карбские пираты высадились в устье Вешта на закате двенадцатого».

— Что это? — посмотрела через мое плечо Кралина.

Ее теплое дыхание защекотало ухо.

— Деньги, — сказал я.

— Как это? — удивилась Дикая Кошка.

Она держала бокал с красным вином. Распечатанная бутылка и второй наполненный бокал стояли на столе. Красное одборгское шестьсот второго года — у Старухи Нэн, как всегда, хороший выбор.

— Это продолжение цепочки событий, — сказал я. — Для непосвященного они являются случайностями, но для того, кто умеет сопоставлять факты и делать выводы, одна фраза может принести тысячи дохода.

— Например? — Кралина пригубила вино и вновь посмотрела на меня Своим Взглядом.

Вот, забери меня Рогатый!

— Две недели назад я получил информацию от одного из своих агентов о том, что флотилия северян-карбов вышла на промысел. Я честно проинформировал Первого среди Равных о возможном вооруженном конфликте на границе, на что он, естественно, не обратил внимания. Что ж, мой гражданский долг был выполнен. Остальное уже не в моей компетенции. Оставалось только ждать. Неделю назад на берегу Карбского моря западнее устья Вешта найден дохлый кракен. Твари совершают миграции, и этому не повезло попасть под лопасти гребного винта. Винтовыми двигателями оснащены корабли королевского флота и судна пиратов. Но фрегаты наших бравых военных сосредоточены у восточных границ, где обстановка, в связи с загадочной гибелью герцога Макиншофа, накалена до предела. Каков из этого логичный вывод? Карбы в этот раз не отравились грабить западные поселения, а приближаются к нашим берегам! Но цепочка событий имела процент погрешности, поэтому я дожидался точного сообщения.

— Но что вам это даст? Там же будет война! Погибнут люди!

— Я предупредил Первого, — холодно сказал я. — Что я, по-вашему, мог еще сделать? Выбежать на улицу с плакатом в руках «Пираты приближаются!» На меня бы смотрели, как на тех сумасшедших, которые орут: «Близится конец света!»

Я сунул в пасть мыши дольку яблока и поднял животное обратно на балку.

— Так какая вам польза? — вновь повторила вопрос Кралина.

Я улыбнулся.

— Мой покойный безродный отец любил говорить: «Кто владеет информацией, тот владеет миром». Деньги, дорогая Кралина. Они текут отовсюду. Надо

только уметь вовремя подставить ладони под золотоносный поток. Но для меня важны не только деньги.

Я поднял свой бокал вина и посмотрел на солнце сквозь тонкое стекло.

— Город, расположенный на правом берегу Вешта недалеко от моря, называется Фаброт. Вам это название ни о чем не говорит?

— Семьи ювелиров Фаброта! — воскликнула Кралина.

— Чьи запасы драгоценностей будут разграблены, прежде чем королевские фрегаты разгонят пиратов. Цены на драгоценные побрякушки в Столице возрастут. Тот, кто купит основную их часть, вскоре нарядок увеличит состояние — столичные красавицы любят опустошать кошельки своих кавалеров.

— Этот кто-то — вы? — несмело произнесла Дикая Кошка.

— Не-е-ет! — рассмеялся я. — Ваш покорный слуга лишь торгует информацией. Это моя стезя. Зато он знает кое-кого, кто выложит кругленькую сумму за эту новость, пока она не стала всеобщим достоянием.

— Но почему вы не предупредили самих ювелиров?!

Мне расхотелось улыбаться.

— В прошлый раз они не заплатили обещанное. А обманывать меня можно лишь единожды.

Я подошел к столу. Написал записку, поймал одну из летучих мышей и прицепил послание к ее лапке. Затем вышел на балкон и выпустил зверька. Мыши, родом из жаркой страны Самаркаша, летают и днем.

Мой посланник быстро уменьшался в размерах. Кралина вышла следом за мной и протянула бокал с вином.

— А тот, кому предназначено письмо... Он заплатит?

— Надеюсь, что так.

— Но почему вы сами, ваша милость, не пользуетесь благами добытой информации?

— Зачем? — я взял предложенный бокал. — Деньги для меня только средство. Как говорил мой отец, для того, чтобы играть на равных с сильными мира сего, надо иметь неприступное гнездо. Я купил себе баронский титул и замок — этого достаточно. Мог бы стать и графом. Но зачем? Быть ближе к Первому? Мне и здесь нравится дергать за ниточки, манипулируя цепочками случайностей. Все эти графы и бароны у меня вот где. — Я сжал пальцы в кулак. — Стоит потянуть за нитку, и марионетки, которые сами не знают, что они всего лишь куклы, породят новую лавину случайностей. Вы видели, сколько у меня летучих мышей на потолке?

— Следы на полу от их пребывания тоже заметны, — улыбнулась Кралина, сверкнув белыми зубками.

— Они приносят вести из Столицы и северной Карбии, они летят из южного Самаркаша и восточной Агдариин, проскальзывая сквозь оставленные для них лазейки в силовом поле. Но, кроме крылатых зверьков есть и другие шпионы, о которых вы не догадываетесь.

— И в центре этого вы. Как паук.

— Скорее, просто ловец, плывущий в море информации и вылавливающий нужные новости. Знаете, как летучие мыши ориентируются в пространстве? Они испускают почти неслышимые тонкие звуки, эхо от которых улавливают большими ушами. Звуковые волны, несущие информацию, строят для мышей картину реальности. В этом мире просто надо уметь слушать, сударыня.

— Именно по этому вы выбрали это животное гербовым зверем?

Я поднял голову и посмотрел на герб, висящий над балконом.

— Да. Я заменил пошлого единорога Кштальтов.

— Я чего у нее такой оскал? — поинтересовалась Кралина. — У мыши на гербе.

— У кого это оскал? — удивился я. — Разве не понятно — она улыбается. Это улыбка такая.

— Художник явно перестарался.

— Я сам рисовал, — обиделся я.

— А судьбу бывших баронов Кштальских вы тоже сами нарисовали? — спросила Дикая Кошка.

* * *

Когда прилетели Пришельцы, всё изменилось. Они высадились на своих летающих крепостях и сожгли тех, кто пытался воспротивиться нашествию. Рыцари в полных доспехах (из глушцов, которые не разбежались), размахивая мечами, погибали от ярких вспышек. Пушечный огонь не мог пробить броню захватчиков, даже если артиллеристы и успевали дать залп.

Мы были покорены.

Но мир, изменившись, остался прежним. Пришельцы не свергали королей, не захватывали власть, не меняли устоев. Им нужно было только одно — человеческие ресурсы. Наспех обученные солдаты — пушечное мясо, бросаемое в мясорубку войны с теми, кого Пришельцы называли Врагами. Пришельцы спускались с небес и забирали подготовленные людские толпы. Обратного не возвращался никто.

А потом прилетели Враги, и стало совсем плохо. Огромные крепости взрывались, падая вниз огненным дождем. По ночам было светло, как днем, от горевшего неба. И черная невидимая смерть ползла по земле, покрывая ее сморщенными трупами.

Но война закончилась. Пришельцы больше не спускались с неба. Мир, хотя остался прежним, изме-

нился для меня навсегда. Потому что есть те, кто знает, как приспособиться к изменениям действительности. Потому что, если хочешь выжить, надо войти в их число.

И стать лучшим.

* * *

Мы стояли на балконе, осматривая мои владения. Силовое поле слегка искажало пейзаж и добавляло легкую синеву в солнечный свет.

— Красиво, — сказала Кралина. — Ваша милость.

Она пригубила вино, которое выпила за время разговора едва ли на четверть.

— Для вас, сударыня, просто Матеуш. Матеуш Кштальский, — поклонился я, случайно выплескивая вино из своего бокала.

Красные брызги полетели вниз.

— Ой! — вскрикнула Дикая Кошка.

— Ничего страшного, — улыбнулся я. — У меня его еще много в подвалах. Кстати, видите кусты возле летней беседки? Это розы. Я сам их развожу. Вы обязательно должны на них посмотреть.

— А что вон там? — указала Кралина во двор замка.

— О, это бывшая рыцарская арена. Здесь благородные мужи в славные добрые времена скрещивали копья, выбивали друг друга из седел и вообще вели себя крайне безобразно.

— Вам не жаль того времени, Матеуш?

— Нет, — сказал я и по старой памяти прикоснулся к перебитой переносице.

* * *

— Его светлость граф Войц Либирский бросает вызов его милости барону Торвину Кштальскому! — Герольд надрывался торжественным криком — того и гляди, лопнет от важности.

В народе барона называли Свиньей за привычку хрюкать во время разговора.

Противники, сверкая доспехами и кивая плечами, разъехались по разные стороны арены. Кони рыли копытами землю. Турнирные копья высматривали жертву. Зрители ждали, затаив дыхание. Среди благородных на трибуне находился Пришелец, запечатлевая варварские традиции аборигенов.

То есть, нас.

А в центре зрительской трибуны сидела Она. Я смотрел на нее издали, из толпы простолудинов с боку арены. Я поглощал ее глазами, не имея сил отвести взгляд.

Протрубили трубы, дав сигнал к началу поединка. Всадники столкнулись. Копье графа разлетелось на щепки. Копье барона скользнуло по неудачно подставленному щиту и смяло забрало графского шлема. Его светлость вылетел из седла и приложился о землю. Из решетки забрала потекла кровь. Граф оттолкнул подоспевших оруженосцев и поднялся сам, тщетно пытаясь снять шлем.

Но я смотрел только на Нее.

Торвин Кштальский победителем объезжал ристалище. Он остановил коня перед Ней и...

— Победитель турнира выбрал Прекрасную Даму! — закричал герольд.

Она обвязала голубую ленточку вокруг руки барона.

После турнира, когда я возвращался домой узкими улочками... Их было трое. Двое зашли спереди, третий перекрыл дорогу к бегству.

— Чем обязан? Что потребовалось от меня людям барона?

Один из передних был оруженосцем. На его груди сверкал нашитый на куртку герб — ублюдочный белый единорог.

— Да так, — рассмеялся оруженосец, демонстрируя увесистую дубинку. — Его милости не понравилось, как ты смотрел на его невесту. Жадный, говорит, взгляд. Оскорбляющий достоинство дамы. Так что, ничего личного.

Ударил я первым. Сейчас с удовольствием вспоминаю хруст переносицы гаденьища. Правда, это единственное, что осталось в памяти. Дальше были боль и мрак. Но урок я запомнил. Очень хорошо запомнил.

И когда пришел мой черед, напомнил барону Торвину Кштальскому его место в новом мире.

* * *

— Вы ее любили? — спросила Кралина.

— Я даже не помню ее имени.

— Не хмурьтесь, пожалуйста, Матеуш. — Она приблизилась и положила ладонь на мою руку. — У вас прекрасный замок, верные люди. Вы нашли себя. Вы сами создали свой мир. Кажется, в нем не хватает только хозяйки?

Кралина пользовалась тонкими духами, чьего названия я никак не мог вспомнить.

— Вы верите в пророчества, Ди... Кралина?

— Нет, конечно, — удивилась она.

— А я верю.

— Как же так? Матеуш. — Она произносила мое имя шепеляво на конце. — Вы же сами говорили, что случайностей не бывает.

— И всё, что происходит, кем-то подстроено и кому-то нужно. Но пророчества — дело другое...

Мы некоторое время помолчали. Где-то внизу зарорал тонким звуком Дайпожрать. Он всегда кричит, когда хочет есть — зовет добычу. Моя гостя недовольно поморщилась, не понимая, откуда возникло неприятное ощущение.

— Идемте в зал, Кралина, — пропустил я даму вперед. Я наполнил свой бокал и долил вина Дикой Кошке.

— Моему деду нагадала бродячая рума, что, если он полюбит женщину, то она принесет ему несчастье, и он умрет молодым. Да что я говорю, она не нагадала — она его прокляла. Его и весь наш род.

Я наполнил бокал вновь и залпом опустошил до дна.

— Дед умер, не дожив одного года до сорока. Перед этим его молодая жена сбежала с каменщиком. Мой отец скончался сорокаоднолетним от эпидемии черного ветра, после того, как полюбил ту, что оказалась шлюхой в дешевом борделе. Отец забрал меня — ему нужен был наследник.

— А вы...

— Мне уже двадцать семь, — бросил я. — Барон Кштальский, сын простолюдина и шлюхи.

— И вы никого не любили?!

Я вспомнил развевающуюся на ветру голубую ленточку и вновь ощутил боль от ударов.

— Нет.

— Может быть, вы просто боитесь женщин? — улыбнулась Дикая Кошка, скользнув ладонью по моим пальцам. — Боитесь, что они сделают вас несчастным из-за предсказания?

Я не ответил.

— Зачем вы вылили вино из бокала? — спросила Кралина, ища моего взгляда. — Вы думаете, что я вас отравлю?

Надо же — догадалась!

— Вы принимаете меня за наемную убийцу, подосланную графом Войцем? Но если я вас отравлю, то не уйду живой из замка.

— Убийцы из Аггдара часто используют яды замедленной смерти. Отравленный человек может жить еще неделю, не подозревая, что он уже мертвец, — сказал я.

— Как я могу доказать, что я не убийца?

Я подошел к Дикой Кошке вплотную и провел ладонью по ее тонкой шее. Под пальцами неистово билась жилочка.

— Аггдарские убийцы часто носят татуировку в виде кобры на правом плече. Вот тут. — Я ослабил завязки на ее груди и обнажил плечо.

— Ну что, убедились? — рассмеялась Кошка.

— Женщины-убийцы имеют татуировки не только на плече.

— Где же еще? — хитро поинтересовалась она.

— Вот здесь на внешней стороне правого бедра.

— Вам будет спокойнее, если мы проверим?

Дверь тихо открылась, и на пороге появилась Старуха Нэн с запеченной уткой на подносе.

— Кх-х-ха. — Нэн прошла мимо нас, опустила поднос на стол и невозмутимо вернулась в коридор.

— Вот видите, здесь тоже ничего нет, — сказала Кралина.

— Вижу.

— Но, если вы забрались так высоко, может, не стоит останавливаться? Только не вздумайте краснеть!

Я подхватил Дикую Кошку на руки и отнес в спальню.

Я не обманул ее — просто не сказал всей информации. Гвенн Чернобородый, атаман карбских пиратов, изменил планы не случайно. О том, что королевский флот ушел к далеким берегам, он узнал из записки, которую принесла быстрая летучая мышь.

В отличие от ювелиров Фаброта, Чернобородый исправно платит обещанное.

* * *

— Берегись! — Меч Корна сверкнул в воздухе.

Я упал на землю, покрытую пеплом. Чужая кровь залила лоб. Рядом свалилась отрубленная голова ко-

больда и обвиняюще уставилась застывшими белыми глазами. Клыки хищно торчали из верхней челюсти.

Я вскочил на ноги и выхватил Рубаку. Знатные люди часто дают имена оружию, и я подумал, почему бы не назвать свой меч именно так. Кобольд проскочил под ударом Корна, уклонился от выпада Одноглазого и устремился к Ней. Я всадил Рубаку ему в спину, выдернул и встретил вторую тварь рубящим ударом, раскроившим уродливую голову.

Слева приближались еще трое мутантов. Дикая Кошка попятилась. Я достал излучатель и разрядил в кобольдов. Воздух наполнился визгом и вонью паленой шкуры.

«Зачем?» — спросил Ее взгляд.

«Я не хотел раньше. Не мог, — мысленно ответил я. — Это не наше оружие. Чужое. Оно погубило наш мир. Ты должен убивать врага сам, сталью, чувствуя смерть и свою победу».

«Ты же сам часть нового мира».

«Я выжил здесь. Просто выжил. А Пришельцы изуродовали его. Всего, что было раньше, уже не вернуть. Рыцарская честь, достоинство — всё это ушло безвозвратно. Пускай оно и существовало лишь в песнях бардов. А сейчас продается всё, даже титулы».

* * *

— Что с тобой? — спросила Дикая Кошка.

Ночь. За окном на фоне двух больших лун билась о стекло ночная бабочка. Рука Кралины лежала на моем лбу.

— Ты кричал во сне. Тебе приснился кошмар?

— Да так. Ерунда. — Сна больше не было. Я поднялся и прошел в кабинет.

«Надо было ее поцеловать, — пришла запоздалая мысль. — Она этого ждала».

Я сел за стол, достал из ящика найденный куб и принялся вертеть в руках. На одной грани была выемка, на которую я надавил пальцем. Часть куба отползла в сторону, открыв пульт управления. Конструкция мне не знакома. Хотя многие изделия Пришельцев похожи по технологии друг на друга, и у меня уже была обширная практика.

Я зажег свечу. Достал блюдце и поставил рядом на стол. Вынул нож и прокалил лезвие над дрожащим огоньком — не хватало еще занести какаюто заразу. Потом помахал ножом в воздухе, остужая, и полоснул по большому пальцу левой руки. Несколько капель крови упали на пол и потертые доски стола. Красная струйка потекла в подставленное блюдце.

Главное знать, как позвать их по имени и иметь плату. Они придут. Не ко всем, но придут.

Я не заметил момент его появления. Моргнул, и вот уже он сидит на стуле с противоположного конца стола.

— Звал, Матеуш? — забарабанил гоблин по столу тонкими пальцами с когтями.

Усмешка у него противная, с левой стороны на всю половину широкой чешуйчатой щеки. Глаза желтые, большие. Зеленая кожа на лысой башке сморщилась складками-волнами между двух маленьких рожек.

— Звал, Рогатый, — сказал я.

Гоблин скривился.

— Сколько раз тебе говорили, что к вашей варварской мифологии мы не имеем никакого отношения. Или тебе просто нравится нас доставать? — Гоблин подергал длинным носом и подслеповато прищурил глаза. — Плата?

— Да, плата, плата. Но сначала вопрос.

— Один! Но не про то, как мы проникаем сквозь защитное поле.

— Знаю. На тот ты не ответишь. Другой вопрос. Что это? — показал я на куб.

— Взрывное устройство, класса «Мега два». На таймере выставляется время до детонации. Жмешь кнопку активации, вводишь код. И всё — считай, что уже на ваших варварских небесах.

— Настолько мощное? — удивился я.

— Как тебе сказать. При планетарных военных действиях классом выше является только взрывчатка «Мега один». А она способна уничтожить целый континент.

Я недоверчиво посмотрел на куб.

— А эта?

— На месте твоего замка останется глубокая воронка с оплавленными краями. Но силовое поле снаружи не пробьет. Можно получить плату?

Я кивнул. Гоблин схватил блюдце и слизал кровь раздвоенным языком.

Они — гости извне, те, кто остались после того, как ушли Пришельцы. Но это не Враги, о которых нам прожужжали уши. Враги воевали, сжигая космические станции и корабли. А эти зеленые твари не делают ничего сами. Они исподтишка играют с нашими жизнями и судьбами, используя свои подлые методы.

Гоблин с недовольной миной на лице поставил блюдце и с надеждой посмотрел на пятна крови на полу.

— Нет, — сказал я. — Только, если ответишь еще на один вопрос.

— Нет полноценной платы — нет ответа, — ухмыльнулся гоблин. — Но для второго вопроса подряд нужна большая плата.

— Душу я тебе не отдам.

— Опять ваши дикие понятия! На кой мне твоя воображаемая душа, которая у вас будто бы есть?!

Гоблин обнаружил на указательном пальце красное пятнышко и с наслаждением засунул палец в рот.

— Нам нуфна вафа энефгия жифни.

— Жизни?

Гоблин вынул палец и рассмотрел со всех сторон прищуренными глазами.

— Да, энергия жизни, которая выделяется во время насильственной смерти. Ну, я пошел. Кстати, если ты хотел спросить, как взрывчатка попадала под силовые поля, то отвечу — с рабами-смертниками. Такими же тупыми и ни на что не пригодными, как ты.

Миг — и гоблина нет. И серой не воняет.

— Хрен собачий ты от меня получишь, а не душу, — пробормотал я и захлопнул куб класса «Мега два».

Замок графа Либирского, как и мой, окружает силовое поле. Граф тоже пытается угнаться за временем.

— Нэн! — позвал я в ящичек, который назывался «переговорным устройством». — Иди сюда! С инструментами!

Нэн появилась бесшумно, словно призрак, вывалила на стол груды приспособлений и вопросительно посмотрела на меня.

— Кх-х-ха?

— Да, разбирай! Стой! Осторожнее — это взрывчатка! Мы не будем сегодня разрушать мой замок. Я хочу, чтобы ты кое-что сделала.

Спрашивать у Нэн что-либо было бесполезно, а вот любую работу с устройствами Пришельцев она выполняла с той же легкостью, с которой Корн рубил головы врагам. Нэн невозмутимо покрутила куб в руках, а затем достала инструмент, который имел смешное название «пассатижи»...

Ушла она лишь под утро.

— Что это? — спросила заглянувшая в зал Кралина. — Это то, что ты нашел на станции? Ты всю ночь здесь просидел?

На Кралине была надета лишь моя рубашка.

— Да. Не беспокойся — это всего лишь взрывчатка класса «Мега два», способная испепелить нас вместе с замком. — Я спрятал куб в сейф. — И вообще, я вспомнил, что ночью забыл кое-что сделать.

— Знаю, поцеловать меня, — серьезно ответила Дикая Кошка.

Что я и поспешил выполнить.

* * *

Мы вместе подстригали розы.

Мы кормили мясом болотника, живущего во рву с зеленой водой, закрывая уши, чтобы не слышать его криков тонким звуком.

— Зачем ты держишь эту животину? — спрашивала она.

— Он такая же часть этого замка. Дайпожрать жил здесь всегда. Убери его — и замок лишится части своей истории.

Я не хотел задумываться, кого из своих врагов скармливал болотнику покойный Торвин Кштальский.

Кралина ловила моих летучих мышей и они, испуганно пища, носились по всему замку, теряя записки с секретными посланиями.

Кралина училась стряпать вместе со Старухой Нэн, и я даже один раз, заставив себя улыбнуться, проглотил пережаренную яичницу, которую Дикая Кошка упорно именовала омлетом по-агтдарски.

Иногда мы фехтовали. Кралина держала рапиру наигранно неправильно и пыталась отражать выпады, демонстрируя превосходство агтдарской техники

фехтования. Иногда у нее это получалось. Тогда она переходила в нападение и, чаще всего, оказывалась в моих объятиях.

По вечерам я принуждал себя работать. Я составлял графики товарооборота в соседних странах и придумывал новые планы купеческих перевозок. Я следил за передвижением войск. Я узнал, что вдова трактирщика родила двойню, и послал ей денежную помощь. До меня дошли вести, что граф Либирский в ярости обвиняет меня в похищении его гости и требует у короля вооруженного вмешательства. На что Первый среди Равных ответил отказом, аргументируя, что не собирается вмешиваться в кровную вражду.

— Оказывается, я тебе украл, — сообщил я тогда вечером Дикой Кошке.

— Конечно, — подтвердила она. — А ты что думал, ваша милость? Самым наглým образом украл и всё с рук сойдет? Ай, что ты делаешь?! Отпусти сейчас же! Я был счастлив.

Да, Рогатый меня забирай, я был счастлив, вопреки всем глупым пророчествам, предсказаниям и прочей ерунде.

* * *

Как давно это было.

Вновь и вновь я видел врага, бьющегося о силовое поле.

— Пропусти! Хр-р-р. Открой, безродный ублюдок, и я тебе покажу, что такое рыцарская честь!

Барон Торвин Кштальский, вернее, бывший барон, стоял перед замком с той стороны силового поля. Барон был пьян. На его подбородке торчала щетина. Некогда белая рубашка сейчас выпачкана винными пятнами, на правом боку прилипли сосновые иголки. Торвин размахивал фамильным клинком — той единственной собственностью, что у него осталась.

— Все... Хр-р-р. Весь мой род жил здесь! Десять поколений! Сволочь! Мерзавец! Ты всё у меня украл! Если у тебя есть остатки чести — дерись! Хр-р-р. Хотя ты же безродная мразь.

— Уходите, — сказал я. — Вы пьяны.

— Да, я пьян! Хр-р-р, — вновь хрюкнул он. — Вы всё у меня отобрали — титул, замок, жизнь! Ты и этот ублюдочный король, продающий титулы.

— Вы сами виноваты. Вы не дали тысячу мечников по зову Первого, когда у него потребовали войско Пришельцы. Вы теперь вне закона. Вы сами себя прокляли.

— Хр-р-р! Я не мог дать, ты же знаешь! Я тогда дрался с проклятым Войцем! Я почти победил! Я остановил «Железный кулак». Ты мне сам продал информацию, как воспользоваться огнеметами Пришельцев.

— Когда зовет король — кровная вражда прекращается. Таков закон.

— Закон. Хр-р-р. — Торвин воткнул клинок в землю. — Я не хотел той войны. Рогатый бы побрал этого Войца, нашедшего карту пяти вековой давности, указывающей, что маленький вонючий хутор Кронцы с его угольной шахтой должен принадлежать Либерцам. Я не мог отступить, понимаешь? Хр-р-р. Меня бы перестали уважать. — По щеке бывшего барона пробежала пьяная слеза.

— Войны начинаются и из-за меньшего повода. Например, из-за избитого простолюдина, из-за его сломанной руки и перебитой переносицы. — Я прикоснулся к горбинке на носу.

Торвин, казалось, вмиг протрезвел.

— Так это ты?! Ты подбросил карту Войцу?!

— А ты не интересовался, какими путями у графа появился боевой лазер?

— Безродный ублюдок!

— Ты забыл добавить «сын шлюхи». — Я медленно вынул из ножен Рубаку.

— Сын последней продажной шлюхи, — процедил бывший барон.

— Мне уже это не раз сообщали. Боров, крикни Нэн, пускай откроет проход в силовом поле, — спокойно сказал я.

— Но, ваша милость, Торвин отличный фехтовальщик. Был отличным фехтовальщиком.

— Разве к тем, кто владеет мечом, применимо слово «был»? Открывай!!

В силовом поле образовался проход, Торвин бросился в бой, сжимая меч обеими руками.

— Никому не мешать!

Бывший барон рухнул на землю от первого же моего выпада — Рубака проткнул его толстую шею. Кровь залила рубаху темными пятнами, словно одборгское шестьсот второго года. Торвин забился в агонии. Из страшной раны на шее толчками выплескивалась кровь, и лопались пузыри.

Я подобрал его фамильный меч и сломал о колено. Затем обернулся к своим притихшим людям.

— Похороните барона в фамильном склепе. Пусть последний из рода настоящих Кштальских покоится вместе с предками.

Я вытер Рубаку о заляпанную грязью траву и, не оглядываясь, вернулся в замок.

* * *

Опять этот сон. Сколько раз я еще буду убивать своего врага?

Сердце колотилось, не давая уснуть. Луны за окном выстроились в парад и светили одним большим ярким диском. Кровать рядом со мной была пуста. Я выглянул в окно. На залитом холодным светом дворе Старуха Нэн ворчливо молилась своим богам, подняв все четыре руки к небесам.

Вновь я проснулся поздним утром.

— Корни, — позвал я, выходя в главный зал, — ты не видел Кралину?

— Нет, ваша милость. — Корн, как обычно, возник непонятно откуда.

— Так ищите! Найди ее!

Я вышел на балкон. На небе сгустились свинцовые тучи. По защитному полю потекли первые дождевые капли. Я поежился и вернулся в зал. Взгляд упал на сейф, рука нащупала в кармане ключ. Стальные дверцы сейфа со скрипом отворились.

Как я и думал, сейф оказался пустым.

— Сударыни Кралины нигде нет, — сообщил вернувшийся Корн. — Ночью кто-то, воспользовавшись отсутствием Нэн возле генератора, открыл проход в силовом поле. Э-э-э... Тут новая летучая мышь прилетела. Не наша.

— И? — Я обернулся к Корну.

— Вот, — протянул он сообщение. — Я позволил себе прочитать. Это от графа Либирского.

Я пробежал глазами по строкам письма.

«Твоя Кралина у меня. Если хочешь увидеть ее живой — приходи сегодня один к моему замку. Решим дело поединком».

— Собрать людей? — вопросительно посмотрел на меня Корн.

Я скомкал послание и бросил на пол.

— Она ушла сама. Кое-что у меня забрала и ушла. Войц решил поиграть со мной, ускорить пророчество, — усмехнулся я. — Сломить морально, так сказать. Вместо поединка на месте дуэли будет ждать отряд убийц. Ты же лучше меня это должен знать, Корн. Что ж, я наигрался и в любовь, и в дружбу.

— Не понял. — Бровь Корна поползла вверх.

— Я знал с самого начала, что Кралина подслана графом, так как у маэстро Гарселота никогда не было дочери. Она человек Войца, как и ты, Корн. Дума-

ешь, мне не известно, что ты отправляешь графу летучих мышей с информацией, а его светлость попытается угнаться за мной и вести свои игры? Наивные. Я скармливал тебе ровно те новости, что считал нужным.

Корн схватился за меч.

— Ты дурак, Корн, — сказал я и нажал на кнопку пульта, спрятанного в кармане.

Выскочившие из рукояти меча иглы пронзили ладонь Корна. Он вскрикнул от неожиданности.

— Почему? — прохрипел он.

Меч со звоном упал на пол.

— Что со мной?

— Это мой меч, Корн. Здесь всё мое и у меня под контролем. Иглы смазаны ядом болотника. Знаешь, как он охотится? Тварь большая, но трусливая. Прислушайся, как он кричит.

Корн на шатающихся ногах сделал шаг ко мне. Он всячески пытался этому помешать, но тело ему не подчинялось.

— Дайпожрать подкрадывается к добыче, царапает ядовитыми колючками и убегает. А потом подзывает тонким звуком. И воспротивиться его зову нельзя.

Корн сделал еще несколько шагов, прошел мимо меня к балкону и навалился на поручни, тщетно пытаясь удержаться.

— Ты был мне другом, Корн, но ты пытался меня убить, — сказал я. — Это непростительная ошибка.

Корн перевалился через поручни и без крика полетел вниз. Писк Дайпожрать прекратился, сменившись другими звуками.

— Что случилось, ваша милость? — В зал вбежал Боров.

— У нас теперь новый начальник стражи, — сказал я. — Корн по неосторожности выпал с балкона. Принимай командование.

— Да, ваша милость. Будет сделано, ваша милость. — Боров поклонился и, пятясь, вышел из зала.

— Эй! — крикнул я ему вслед. — Прикажи Нэн, чтобы сняла защитное поле.

— Совсем, ваша милость?

— Совсем. Я хочу, чтобы замок умыло дождем.

Позади мелькнула зеленая тень.

— С каких это пор вы приходите незваными? — спросил я у гоблина.

Рогатый развалился за моим столом и довольно улыбался, причмокивая губами.

— Как говорят в одном из миров, — сказал он, — на безрыбье и рак рыба. Энергия жизни была плохонькой, но со специфическим вкусом.

— У меня есть вопрос, просто так, ради удовлетворения любопытства, — произнес я. — Кто выиграл в той войне — Пришельцы или Враги?

— А какая разница? — прищурился и улыбаясь, посмотрел на меня гоблин.

— Да, ты прав, для вас — никакой. Еда в любом случае получилась вкусной. Что Враги, что Пришельцы — нет разницы. Вы такие же чужаки, как и они. Это вы спровоцировали войну между ними? Давно играете с судьбами миров, а Рогатый?

— А ты? Ты же сам стравил между собой два древних рода. И не только их. Ты ценный для нас человек. И предсказуемый. Хочешь знать, кто выигрывает войны? Не те, кто рвут друг другу глотки с оружием в руках, а те, кто стоит в стороне и получает свою выгоду. В войне победили мы, Матеуш, а ваша планета — маленькое приятное к этому дополнение.

— Когда вы подбросили куб со взрывчаткой на упавшей станции, вы уже знали, что я его взведу, подозревая, что Дикая Кошка унесет смерть в замок графа?

Улыбка Рогатого стала совсем слащавой.

— Много жизней, — сказал он. — Славная еда.

И исчез в зеленой дымке.

Через мгновение пропала и она.

Я вышел на балкон. Вода стекала по гербу с улыбающейся летучей мышью, сбегала по старым стенам, разбавляла зеленую муть во рву. Я смотрел вдаль, туда, где за стеной дождя были владения графа Либирского, но видел лишь самого себя, того мальчишку, кто когда-то стоял у края рыцарской арены.

Ты относишься ко всем, как к фигурам на игровой доске. Ты не имеешь ни друзей, ни любимой женщины, потому что не можешь никому доверять. Потому что знаешь, как продажен этот мир. Ты лишь играешь в свою жизнь. Так чем же ты отличаешься от зеленокожих чужаков, появившихся вместе с Пришельцами?

— А не пошел бы ты, Рогатый, — прошептал я и побарабанил пальцами по перилам.

* * *

— Молодец, Кралина, — сказал граф Войц Либирский. — Ты уверена?

— Да, ваша светлость. — Дождь застал Кралину в пути, и по ее волосам сбегали струйки воды. — Он влюблен, как мальчишка. Он придет.

Взгляд Кралины был совсем не веселым.

— Он обязательно придет.

— Что ты принесла?

— Это взрывчатка, ваша светлость. То, что вы просили.

Кралина достала из сумки куб и положила на стол.

— Матеуш не хватится пропажи. Ему будет не до этого.

Войц повертел куб в руках и нажал на углубление. Открывшийся пульт управления показал бегущее время.

— Рогатый! — заверещал граф. — Он взведен! Дура! Идиотка! Он же взведен! Секунды! Как отключить?! Какой пароль?!

— Откуда я могу знать!

— Он обхитрил тебя! Бежать... Поздно! Рогатый заberi! Сейчас рванет. О, Создатель!

— Обхитрил, — произнесла стремительно бледнеющая Кралина и нашла в себе силы улыбнуться.

Граф подскочил к ней, схватил за воротник и принялся трясти, как тряпичную куклу.

— Ты! Из-за тебя! Дура! Мы все сдохнем!

Куб щелкнул и раскрылся еще, как распечатанный конверт. Затем что-то вновь щелкнуло, и вверх ударила струя праздничного салюта.

Бах! Бах! Бах! Хлопушки, используемые на празднике Сенокоса, взрывались одна за другой, наполняя зал едким дымом, разноцветными лентами и конфетти.

— Он заменил заряд, — прошептала Кралина.

Граф отпустил ее, и девушка упала на пол. Войц на шатающихся ногах подошел к затихшему кубу.

— Тут записка, — сказал он, поднял клочок бумаги и принялся читать: — «Ты стремишься быть первым, Войц, но ты всегда будешь только вторым. Передай Дикой Кошке, что я запомнил ее имя».

— Это он тебе? — поднял граф растерянный взгляд на Кралину.

Девушка лишь слабо улыбнулась в ответ.

* * *

А где-то далеко, совсем в другом замке, на балконе стоял человек с начинающими седеть черными волосами и смеялся. Ветер бросал ему в лицо холодные брызги дождя, они текли по щекам, попадали в рот и оставляли на губах вкус соли. **У**

Григорий Неделько

Родился 23 января 1987 года в Москве, где по-прежнему живёт. Пишет с 7 лет. Окончил факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова по специальности «газетная журналистика». Любит экспериментировать, импровизировать, фантастику, рок, черепах и ежей, макароны и футбол и ещё, конечно, литературу. Работает в разных направлениях и стилях. Финалист и победитель (в том числе в соавторстве) сетевых конкурсов. Публиковался в литературных изданиях («Мир фантастики», «Реальность фантастики», «Шалтай-Болтай», «Фантаскоп») и СМИ («Аргументы и факты», «Российская газета», «За Родину!», «Московский университет»). Выпустил роман в электронном издательстве «Аэлига» и сборник рассказов в издательстве «YAMPublishing».

Сверхурочник

— Я не хочу возвращаться! — едва ли не выкрикнула Лида. — В реальном мире нет ничего интересного! — Худая высокая женщина с белыми волосами до плеч и непропорционально большим носом сложила руки на груди, всем своим видом показывая, что больше обсуждать эту тему она не намерена. Слово сказано, и оно — истина.

Ринат Ибрагимбеков вздохнул. Этому мужчине, чем-то напомиавшему Кларка Гейбла, полицейскому с солидным стажем, приобретшему за годы службы в правоохранительных органах профессиональное терпение, невыносимо было думать, что он ничего не может поделать с постоянно повторяющимися истериками жены. Она серьёзно под-

села на г-модулятор, точнее, на реальность, которую создавало устройство. Как ни пытался Ибрагимбеков выяснить у жены, что же столь привлекательное рисовало для неё воображение, в ответ — лишь молчание. И сверкающие глаза. О да, когда хотела, она могла быть очень убедительной. Покачав головой, Ринат ещё раз подумал о том, что, возможно, дело не обошлось без любовника. Мысль была неприятной, но неотвратимой, как надвигающаяся старость. Если не это удерживает Лиду в галлом мире, тогда что?

«Наверняка любовник, — подумал Ринат. — Какой-нибудь демон или монстр». Ему всегда казалось, что за напускной правильностью жены

скрывается нечто нездоровое, какое-нибудь извращение: это бы всё объяснило. Если же он неправ... то ситуация ещё хуже, чем кажется.

— Ладно, давай попробуем снова, — медленно, сдерживая себя, проговорил Ринат. — Мир, в котором ты якобы обитаешь, искусственен — от начала и до конца...

— Вовсе нет, — раздражённо бросила Лида. — Он — проекция моих сознания и подсознания, а нет ничего более истинного, чем «я» отдельной личности.

— Я знаю, что говорил Ефимцев. — Ринат старался сохранять спокойствие, хотя делать это было уже не так легко. — Но он не имел в виду...

— Как раз таки имел! — не дав мужу договорить, категорично заявила Лида.

— Вспомни, чему тебя учили в школе: погружение в «я»-мир хорошо до поры до времени, до тех пор, пока это погружение не перерастает в зависимость, а твоя зависимость уже налицо. Ты не можешь выбраться...

— Это ты не можешь выбраться!

— Ты постоянно мне перечишь. Почему?

— Да потому что я не могу выносить твоих нрауочений! Если бы ты был Павлом Ефимцевым, я бы, может, и прислушалась к тебе, но ты Ринат Ибрагимбеков. Почему, если ты такой умный, ты всё ещё сидишь в своём пыльном кабинетике? Да будь ты хоть чуточку прозорливее, будь в тебе хоть капелька Ефимцева, ты бы уже давно стал начальником участка. Или кем повыше.

— Это ультиматум? — из последних сил, спокойно уточнил Ринат.

— Понимай, как хочешь, мне всё равно.

Она смотрела на него почти впритык, не отрывая взгляда, и Ринату вдруг сделалось крайне неудобно. Он отвернулся, взглянул на чашку со стылым слад-

ким кофе. Внезапно всё опротивело настолько, что захотелось бросить и работу, и жену, и саму жизнь. Всё чаще Ринат стал ловить себя на подобном состоянии. А как себя чувствует она?..

— Подумай о наших будущих детях... — последний аргумент, но и он разбился о стену отчуждения, непонятно как и когда выстроенную:

— У нас нет детей и, даст бог, никогда не будет.

И речь шла вовсе не о качественной контрацепции, а о неприятии Лидой самого факта любовных игр. Говоря по-простому, Ринат забыл, когда в последний раз удовлетворял жену.

«А этот демонический любовник из псевдомира, небось, слушает нас и усмехается», — вкралась неприятная мысль.

— Если же тебя что-то не устраивает, — не останавливалась Лида, — включи наконец свой модулятор и радуйся жизни. В мире фантазий гораздо лучше, чем в этой прогнившей, опостылевшей подлинной реальности.

— Ты не права.

— А мне плевать!

Ринат уже открыл рот, чтобы сказать гневное: «Да что же это, в самом деле, за мир такой, который отнимает жену у мужа!» — но вспомнил, как реагировала Лида на любое упоминание об их возможном разводе. Она удобно устроилась, и ей не хотелось терять насиженного места. Не исключено — точнее, Ринат практически в этом не сомневался, — что женщина ищет на стороне более подходящую кандидатуру в спутники жизни, но пока ей не везёт. А когда повезёт, Ринат узнает об этом первым.

Вылив в раковину недопитый кофе, Ибрагимбеков оставил жену в кухне медитировать над пустой чашкой. Похоже, Лида с головой погрузилась в игру

ментальности, потому что глаза её были закрыты, а губы шевелились, словно произносили мантру.

В который раз мысленно ругая себя за то, что согласился на установку галлюцинаторов, Ринат направился в комнату, чтобы посмотреть визор. Но его планам не суждено было осуществиться — зазвонил лежащий в кармане фон.

Без особого желания Ибрагимбеков нажал на экране «Принять».

— Да, Серёг, в чём дело? — поинтересовался Ринат, размышляя между делом, зачем друг-оперативник звонит: если хочет посидеть в пивнушке, то он выбрал неподходящий момент; если же по работе — будь всё проклято, никуда он не поедет!

На одутловатом, но не лишённом приятности лице Сергея светилась привычная улыбка.

— Риня, приезжай, есть работёнка за сверхурочные.

— Какой уровень?

— А.

«Высший — ничего себе... — подумал Ринат. — Давненько такого не было».

Опасно! Но, с другой стороны, и денег можно заработать немало. А деньги им сейчас необходимы. Ринат подозревал, что Лиду рядом с ним удерживают именно эти приятно шуршащие бумажки, хотя она сама, конечно, никогда в этом не признается.

Поразмышляв ещё некоторое время, он в конце концов принял решение.

— Хорошо, выезжаю.

Отключив и убрав переговорник в карман, Ринат громко оповестил жену:

— Серёга нашёл подработку. Когда вернусь, не знаю.

Ответа не последовало.

Полицейский нахмурился и молча вышел за дверь. Из кухни раздавалось довольное бормотание Лиды.

Дер засел крепко: дверь одноэтажного, построенного в старом стиле домика была закрыта и, видимо, подпёрта с обратной стороны стулом или чем-то ещё, из распахнутых окон прекрасно просматривалась площадь. Задней стороной дом упирался в кирпичную стену. Кроме того, все подступы деструктор реальности заминировал ментальными бомбами. Из-за этих маленьких, незаметных, чертовски эффективных и очень опасных кругляшков полиция потеряла двух человек. Третьим едва не стал Ринат — щит блокиратора защитил от выброса энтропийного заряда, случившегося настолько близко, что полицейский на мгновение ослеп. Ещё бы чуть-чуть, и конец: щит бы не справился с волной сфокусированного разрушения.

Отдуваясь, Ринат укрылся за толстым зелёным дубом. В летнюю пору округа утопала в зелени деревьев — всего в двух кварталах их насчитывалось около сотни. «Раз уж мы начинаем новую жизнь, хоть и в старом мире, пусть она будет красивой», — счёл один из прошлых президентов, принимая закон об озеленении.

— Тебе повезло, что этот ублюдок совсем не снайпер, — сказал Серёга, сидевший рядом, прислонившись к каменной стене. — Пока ты бежал сюда, он выстрелил в твою сторону, наверное, раз десять.

— Я почувствовал.

И действительно, что-то необычайное, какое-то отталкивающее чувство возникало у любого человека, когда рядом с ним стараниями очередного безумного дера рушилась с таким трудом созданная реальность.

— Чёртов Ефимцев, — пробормотал Ринат, с сомнением глядя на блокиратор.

— А он-то тут при чём?

— По вине этого спасителя мира, этого энгэ-пророка, я лишился секса и едва не распрощался с жизнью. Если бы он в своё время не восстановил мир, вернув его из галлюцинаторных грёз обратно на землю... Вот ведь дерьмо! — Ринат потряс рукой, к которой, словно браслет, крепился блокиратор. Красная чёрточка — показатель работоспособности прибора — не горела.

— Наверное, не выдержал после взрыва, — предположил Серёга.

— Да какая теперь разница, — хмуро отозвался Ринат. — Надо двигаться дальше — с защитой или без неё.

— Не думаю, что Иваныч это одобрит, — в голосе Сергея прозвучало сомнение.

— К счастью, он ничего не знает, а сообщать ему я не собираюсь.

— Ибрагимбеков, Доценко, приём! — раздался вдруг голос строгого и властного полковника, которого многие предпочитали называть Иванычем. Иваныч был личностью выдающейся и запоминающейся; внешне офицер соответствовал своему образу: высокий, мощный, с большими седьми усами.

«Он как чувствовал», — подумал Ринат и отдал устройству связи мысленный приказ включиться.

— Приём!

— Как ваши дела? — требовательно спросил полковник.

— Планируем финальный штурм, — твёрдо произнёс Ринат, старательно не обращая внимания на качающего головой Серёгу.

— Тогда вперед. Ребята не могут всю жизнь отвлекать этого ненормального. Ледковский и Слонов прикроют вас.

— Дмитрий Иванович... — начал было Серёга, но Ринат приложил палец губам — а в следующее мгновение выскользнул из-под защиты вековечного дерева и, выдвинув йэф, сжав его в правой руке, устремился напрямиком к цитадели дера.

Ругаясь вполголоса, Сергей бросился за другом, по пути обронив, что они выдвинулись. Краем глаза полицейский заметил подбегающих справа Слонова с Ледковским. Оперативники обстреливали нейтрализующими сгустками дом, стараясь попасть в окна. В ответ, с перерывами, летели волны энтропии. Там, куда они попадали, моментально появлялись кривые дыры: бытие стирали, будто ластиком.

«Почему я работаю в паре с неадекватом? — вспыхнула в сознании Серёги искорка-мысль. — Бросаться чуть ли не грудью на врага с энтропом, когда кругом мины, а у тебя сломан блокиратор!»

Сергей прислонился спиной к стене и отдышался; он стоял слева от открытого окна, Ринат — справа, а из прямоугольного отверстия вылетали, искажая восприятие, сверкающие волны.

Бросай гранату, жестом показал Ринат. Серёга, у которого не было другого выбора, согласно кивнул и полез за световухой. Энгэ-отступников никогда не убивали — только нейтрализовывали или брали живыми, для исследований. По данным учёных, в случае убийства энтропийная энергия выбрасывалась в пространство и «ожидала» нового посланника, чтобы его силами пошатнуть и без того неустойчивое мировое равновесие. Не оборачиваясь, Ринат поднял руку и начал разгибать пальцы. Всё продолжалось неимоверно долго. Когда Ибрагимбеков наконец дошёл до трёх, Серёга нажал кнопку и закинул гранату в тёмный провал; в ту же секунду Ринат опустил защитные

очки и, подпрыгнув, забрался в дом. Взрыв ударил по ушам, яркое пятно встало перед взором, но очки сделали своё дело: он видел фигуру орущего энгэ — рослого, мощного парня, — который в припадке страха и ярости слепо отстреливался из трубки, расширявшейся к концу, словно воронка. Упав на пол, Ибрагимбеков выпустил в преступника мощный нейтрализующий ступок... Однако псих продолжал садить во все стороны, истошно крича. Ничего не понимая, Ринат выстрелил ещё дважды и оба раза попал в цель — с тем же эффектом.

В чём дело? Йэф сломан? Или у энгэ есть неизвестная сверхзащита? Или... это вовсе не энгэ! Но как такое может быть?! Только у негаллюцинирующих мозг работает в том режиме, который позволяет им пользоваться энтропами. По сути, эти устройства безобидны, они не более чем проводники для мозговых волн, у обычных людей совершенно безопасных. Но энгэ «разрушают» реальность взглядом и поэтому, в частности, свободны от влияния г-модуляторов. Так как же обычному человеку удалось применить энтроп? Это ведь невозможно! Если только... некий неведомый злой гений не избрёл новую версию разрушителя!..

Всё это пронеслось в сознании за миллисекунды и было похоже на сжатый до состояния одного слова абзац. Информация в смертельно опасной ситуации менялась сама, и менялась практически до неузнаваемости форма её восприятия. Ринат втянул йэф и, резко вскочив, кинулся на здоровяка с энтропом. С грохотом повалившись на деревянный пол, они покатались вбок, пока не упёрлись в стену. Преступник размахивал руками, сжатыми в кулаки, бил наугад; у Рината было явное преимущество в этом «споре», и он быстро успокоил противника парой точных сильных ударов в голову.

Поднявшись на ноги, мужчина устало выдохнул и, не глядя на стоявшего позади с йэфом наизготовку Серёгу, сказал:

— Товар можно забирать.

Сергей как-то странно посмотрел сначала на свой йэф, потом на валяющегося без сознания лже-энгэ, покачал головой — его любимый жест — и передал по связи:

— Объект захвачен.

— Может, Ефимцев чего напутал с этими своими исследованиями? — предположил Серёга.

Доценко с Ибрагимбековым сидели в кафешке «За углом», которая и правда находилась недалёко от полицейского участка, где они работали.

— Да мне как-то всё равно, — мрачно ответил Ринат. — Я знаю одно: по вине этого... кхм... деятеля моё счастье находится на грани полного краха. И это не считая сегодняшней заварушки...

— Ну, к последнему он напрямую отношения не имеет. — Серёга потряс в воздухе початой банкой пива.

— Напрямую — нет. Но если бы не благое устремление этого героя, я бы, может, жил себе и бед не ведал. Лида, опять же...

— А что не так с Лидой? У вас же всё было чики-поки.

Ринат нахмурился и замолчал. Какое-то время он размышлял, отвечать ли на вопрос друга, а потом, собравшись с силами, всё-таки заговорил. Признаваться в таком очень неприятно, но надо излить душу, иначе станет ещё хуже.

— Лида целыми днями пропадает в галломирах. Если бы она работала, проблем бы поубавилось. Но она ж домохозяйка... убеждённая.

— М-да...

— И ещё я подозреваю, что у неё завёлся любовник — из тех, из выдуманных.

Серёга покачал головой.

— Да, неприятно... Но ты не падай духом, Ринь! Всё образуется.

— Мне бы твою уверенность.

— Знаешь, жизнь в галловремена, когда все поголовно ходили с этими штуками в башках, — Серёга пальцем показал на голову, — тоже была не сахар.

— Но теперь-то она даже на сахарозаменитель не тянет, — изрёк Ринат и приложился к своей банке «Седого пивовара». — Хоть пиво научились делать, и на том спасибо.

— Ты ещё про футбол забыл.

Ринат только отмахнулся.

— Хотел бы я встретиться с Ефимцевым, — после некоторого молчания заявил Ибрагимбеков.

— Зачем это?

— Для начала узнал бы, зачем на самом деле он придумал йэфы. Вот ведь, человек попал в историю, создав нейтрализаторы. Их даже называли по первым буквам его фамилии. Свезло парню, скажи? А что эти йэфы собой представляют? Один точный выстрел — и не такой, как все, исчезает. Энгэ, отключённый от мозговых волн, дематериализуется, между ним и природой как бы ставят нерушимую преграду. Торжество жестокости. Чем не мечта нацистов?

— Куда это тебя понесло? — удивился Серёга.

— Не верю я, что тут всё чисто, — продолжал между тем Ринат, ещё больше распаляясь. — Наверняка у этого Ефимцева был какой-то свой хитрый план...

— Типа?

— Типа передать власть таким же, как он. Или заработать много денег. Деньги... — медленно произнёс Ринат. — Всё упирается в них. Вот и мой брак упёрся.

— А мне кажется, ваша с Лидой проблема отнюдь не в деньгах, — не согласился Серёга.

— В чём же тогда?

— В несочетаемости личностей.

— Философ, блин. И ты туда же, поучать. Одна поучает, другой поучает...

— Пойдём лучше поветримся — уже давно сидим.

— Угу, — буркнул Ринат, — щас.

Он допил банку одним большим глотком, смял её и бросил на пол. Робот-уборщик тут же подхватился, поднял кусок металла, бросил в себя и переработал, выделив небольшое количество энергии для кафешки.

Ринат опустил в купюроприёмник банкноту и приложил палец к сенсору. Посчитав, сколько мужчина был должен, машина втянула деньги. Из соседнего отверстия показались купюры. Едва ли не выхватив их у бездушного механизма, Ринат почему-то ощутил отчётливую неприязнь.

«Чёртовы деньги», — скользнула в не слишком трезвое сознание змейка-мысль.

Но куда без них? А платят в полиции неплохо, особенно за сверхурочную работу, как её называют оперативники, за задания, связанные с нейтрализацией отступников энгэ.

«Приходится рисковать жизнью. Но ведь любой человек каждый день занимается этим: идя по городу, садясь в метро, летя в мобиле, да просто просыпаясь! “Жизнь — это долгая дорога к смерти”», — вспомнил он фразу одного писателя.

Серёга хотел поддержать друга, неустойчиво стоявшего на ногах, но тот лишь отмахнулся.

«Надо же, а я ещё не хотел напиваться! — саркастически подумал Ибрагимбеков, выходя наружу и вдыхая прохладный московский воздух. — Оши-

бочка вышла: день для этого дела очень даже подходящий».

Стоило Ринату переступить порог квартиры, как на него налетела Лида, устроив сцену. И из-за чего? Из-за работы! Раньше она никогда не ругалась с ним, на какие бы опасные задания он не отправлялся, — лишь бы бесперебойно таскал в дом заветные бумажки. А теперь...

— Ты совсем обо мне не думаешь! Ты жестокий! А ещё эгоист! — не давая мужу вставить ни слова, кричала Лида. — И знаешь что? Правильно я ушла от тебя в свой галломир — с тобой слишком предсказуемо. Эта предсказуемость выводит меня из себя! Ну, почему, почему ты такой?

— Какой? — плоховато соображая после выпитого, поинтересовался Ринат.

— Дурак!

Лида скрылась в спальне, громко хлопнув дверью. Это означало, что сегодняшнюю ночь — как минимум — Ринат проведёт один. Но если учесть, что они только номинально спали вместе, то какая разница?..

Икнув, не успевший раздеться Ибрагимбеков развернулся и вышел в коридор.

«Всё из-за этого галлюцинатора, будь он неладен! Мне эта штука не нужна! Я ей не пользуюсь, и она жутко меня бесит! Надо избавиться от него, и — немедленно!»

Уверенной, но немного неровной походкой он зашёл в гравелифт, который мгновенно домчал его вниз. Мобиль производства Воздушной Корпорации стоял возле подъезда, ожидая своего хозяина.

— Давненько я не садился за руль пьяным, — сказал самому себе Ринат и усмехнулся — шутка показалась ему смешной.

Он коснулся сенсоров — мотор заурчал, фары загорелись. Мужчина, продолжая икать, поднял транспортное средство в вечернее небо, по направлению к районной клинике трансплантологии.

Перед кабинетом хирурга никого не было. Врач — полноватый лысеющий мужчина в очках — принял Рината не очень радушно: рабочий день подходил к концу, и медик собирался домой, когда дверь открылась и вошёл человек. На лице Всеславского, доктора медицинских наук, отобразилось выражение плохо скрываемой скуки.

— Вообще-то моя смена заканчивается через пятнадцать минут, — пробурчал Всеславский. — Если хотите, могу записать вас на завтра, без очереди.

— Нет, док, давайте сделаем это сегодня, — улыбаясь, ответил мужчина.

Слегка наклонив голову, Всеславский озадачился было, шутит тот или нет, а потом вдруг понял: да этот тип пьян!

— Я с нетрезвыми дела не имею. Идите лучше проветритесь.

— Док, не кочевряжьтесь, я вам денежку принёс... Я полицейский, и хорошо получаю. Вот, смотрите... — Ринат залез в карман и вытащил солидную пачку купюр, сверхурочные и премию, полученные за поимку псевдоэнгэ живым. — К тому же у меня такая ситуация... жена бесится... На развод, конечно, не подаст, но я чувствую, у неё кто-то есть. Этот проклятый галлюцинатор!..

Всеславский молча слушал сбивчивую речь Рината, на лице медика не отобразалось ни единой эмоции.

— Извлеките его из моей башки! — продолжал Ибрагимбеков. — Сколько я вам за это буду дол-

жен? Я заплачу! А ещё у меня есть связи — если вам что-то надо...

— Прийдёте в соседний кабинет, — сдавшись, безучастно сказал Всеславский.

Комкая деньги, полицейский рассовал их по карманам и направился вслед за врачом.

В боковом помещении было темно; Всеславский включил приглушённый свет, и Ринат разглядел массивное кресло, стоявшее в самом центре комнаты, многочисленные приборы, неподвижно зависшие в воздухе, будто в ожидании, стены удручающей расцветки и пустоту.

— Мне садится?

— Садитесь.

Ринат плюхнулся в кресло.

— Ой, простите, док...

Врач не отреагировал — он занимался приготовлениями к операции.

Ибрагимбекову неожиданно пришла в голову мысль, что отнюдь не всё ладно в обществе, где вот так, запросто, за две-три минуты, можно вскрыть чужую черепашку, чтобы покопаться в ней, а после заштопать. Наука — вещь хорошая, но надо знать меру. Очень скоро Земной Союз может рухнуть под давлением невыносимых технических новшеств — и не только их...

— Сначала просветим вас — убедимся, что всё в порядке. — Всеславский сопровождал свои действия объяснениями. Он снял с крючка какое-то небольшое устройство с лампочкой на конце, включил его, и лампочка загорелась. — Не двигайтесь.

Ринат чувствовал холод от прикосновения устройства к голове. Сосредоточенно выполняя свою работу, Всеславский на некоторое время замолчал, а затем вдруг выключил аппарат, повесил на место и раздражённо бросил:

— И как это называется? Что за глупые шутки?

— Какие шутки? — не понял Ринат.

— Это я у вас спрашиваю, — недовольно продолжил врач. — Думаете, если вы из полиции, вам всё можно? Да вы нас за людей не считаете!..

— Док, вы о чём?

— О вашей пустой голове!

Сначала Ринату эта фраза показалась обидной и он хотел было ответить в таком же резком духе, но потом, кажется, понял, что Всеславский имеет в виду.

— Вы хотите сказать, что-то не так с моим модулятором?

— С каким, прости господи, модулятором?! Вы в своём уме? Или у вас совсем разум отказал?

Даже находясь под воздействием алкогольных паров, Ибрагимбеков почувствовал, что накричать на медика в ответ будет неправильным, и обычные слова вроде «Ты с кем разговариваешь, мразь?! Я офицер полиции!» тут неуместны. Происходило что-то странное, и это что-то Ринат никак не мог охватить своим ускользающим сознанием.

Ни слова не говоря, Всеславский повернул монитор в сторону пациента. Как ни вглядывался в изображение Ринат, разглядеть галлюцинографа он не смог...

«Напиться, что ли, до полного отрубца?» — думал мужчина, открывая электронным ключом квартиру.

Г-модулятор из его головы пропал, исчез. Куда и как — оказалось загадкой даже для Рината.

«Напоили и вытащили, чтобы толкнуть на «чёрном» рынке? Но кто? Или инопланетяне забрали?.. Чёрт возьми, а я, похоже, брежу. — Мысли, короткие и обрывистые, надолго не задержива-

лись в голове, и сама голова была какой-то странно полый. — Нет, надо лечь отоспаться».

Не раздеваясь, Ринат завалился на диван в зале и быстро уснул.

Шорох раздался посреди ночи. Вокруг стояла полная тишина, пластиковые автоматизированные окна последней модели защищали квартиру от проникновения шума извне. Но в этом беззвучии что-то двигалось — что-то или кто-то.

Ринат разлепил сонные глаза и взглянул на светящиеся часы: 3:04.

Шорох повторился, на сей раз гораздо ближе. Словно бы кто-то вытянул холодную до жутки руку, раздвинул кожу, мышцы, мясо и, проникнув к самому сердцу, обхватил его ледяными пальцами.

Ругаясь вполголоса — он ненавидел чувство страха, а к ужасу иррациональному относился как к следствию безумия, — Ринат перевернулся на диване — и с удивлением увидел склонившуюся над ним Лиду. Большие зелёные глаза на вытянутом лице внимательно смотрели на него. В окружении темноты она казалась красивее и загадочнее. Ибрагимбеков не сразу понял, что жена стоит перед ним абсолютно голой.

В полном молчании Лида скользнула к нему на диван, припала губами к давно знакомым губам. Её руки заскользили по его телу, пальцы принялись расстёгивать пуговицы рубашки, пробрались под неё. Не до конца протрезвевший и не окончательно проснувшийся, Ринат не мог взять инициативу на себя, да, похоже, этого и не требовалось. Жена ласкала его всё страстнее и страстнее. Она раздевала его резкими, почти яростными движениями и порвала футболку. Ибрагимбеков потянулся к молнии на джин-

сах, но Лида оттолкнула его руки. Она уже коснулась застёжки, когда всё изменилось. Вначале Ринат не понял, что происходит, затем принял свои видения за игру распалённого воображения — но только пугающие образы никуда не исчезли. Это началось с лица Лиды: оно треснуло. Ибрагимбеков оторопело и с ужасом воззрился на то, что предстало его взору. Из багрово-красных разрывов текла кровь вперемешку с гноем. Она капала на Рината — сначала только из ран на лице жены, а потом лопнули, точно взорвались, руки, грудь, ноги — всё тело. Глаза ввалились, язык высунулся. Женщина захрипела. Отвратительный сладковатый запах ударил по ноздрям. А потом тело Лиды начало разлагаться со стремительной скоростью. Омерзительная субстанция пачкала в себе Рината, а женщина — если то была всё ещё она — прижималась к нему сильнее, не желая отпустить, и заверещала на ухо страшным голосом:

— Я хочу тебя!..

Поборов оторопь, мужчина напрягся и отбросил существо, которое когда-то было его женой. Не со стуком даже, а с каким-то чавкающим звуком оно упало на пол. Ринат вскочил с дивана и усталился на «Лиду», расплзавшуюся пятном по ковру. Борясь с тошнотой, он бросился прочь из комнаты — и из квартиры...

...Ринат не мог бы сказать, сколько времени простоял в коридоре, пытаясь свыкнуться с кошмаром, из которого только что выбрался. Выбрался ли? Что-то пульсировало внутри черепной коробки: кровь? Мысль? Пульсация не прекращалась, и мужчина присел на корточки, обхватив голову руками.

Ибрагимбеков отыскивал объяснение случившемуся, снова и снова рылся в закромах памяти, вы-

талкивал на берег затаившийся ужас, однако это не приносило результата. В чём причина? Он напился? Переработал? Сошёл с ума? Все эти объяснения имели право на существование, но, как он подозревал, были равно далеки от истины. И омерзительно липшая к телу субстанция только подчёркивала его правоту.

Он встал, прошёлся взад-вперёд. Невероятное по силе чувство чуть ослабло — и всё же не отпустило до конца. Преодолев чудовищный страх в связке с чем-то нерациональным, незнакомым, призвав на помощь всю свою храбрость, полицейский подошёл к двери. Луч детектора отреагировал на приближение хозяина квартиры. Дверь распахнулась, и Ибрагимбеков ступил в бесшумное, напоённое темнотой помещение. Звук шагов, гулко рикошетируя от стен, врвался в уши; сердце прыгало в груди, словно шарик для пинбола.

Сцена недавнего кошмара вновь встала перед глазами: разлагающееся тело Лиды, безумный крик, бегство и страх... Устав искать причину своего столь необычного состояния, — всё-таки он работник полиции, тренированный и смелый мужчина! — Ринат сделал шаг к двери в комнату. На этот раз автоматика считывала его данные, казалось, бесконечно долго. Но наконец лёгкое шуршание, стилизованная под дерево дверь вошла в пазы, и перед ним предстала комната.

Абсолютно пустая.

В любую секунду ожидая, что кто-то набросится на него со спины, Ибрагимбеков пересёк помещение. Вернувшись, присел, внимательно осмотрел ковёр; затем поднялся, подошёл к дивану и ощупал его. Ни следа от разложившегося тела: либо оно растворилось без следа... либо его не было вообще.

Ринат вытащил фон и набрал номер Лиды. Затем опять. И опять. Но один и тот же женский голос, не принадлежавший его жене, говорил одну и ту же фразу:

— Набираемый номер не существует.

Голова закружилась. Захотелось выпить, чем-то заглушить тупое пульсирование в голове. Когда Ринат направлялся в кухню, ноги не слушались его — подгибались, будто пенопластовые. Водка закончилась, поэтому он достал из холодильника банку пива и в один присест осушил её до дна.

Ощущать на теле высохшие трупные массы было уже невыносимо и, прежде чем лечь спать, он принял душ. Ринат тёр и тёр себя мочалкой, счищая следы этой безумной ночи. Выйдя из ванной, Ибрагимбеков зашёл в спальню — такую же пустую, как и вся квартира, и упал на кровать. Заснуть он больше не смог.

Утром надо было идти на работу.

Чувствовал себя Ринат преотвратно, и на это обращали внимание, наверное, все его коллеги. Даже не полицейский заметил бы мешки под глазами, налитые кровью белки, нервный взгляд и усталый вид. На любые вопросы Ибрагимбеков отвечал уклончиво: «С женой поссорился» — и почему-то многие, когда он произносил эти слова, глядели на него с нескрываемым недоумением.

— Привет, Риня! — сказал Серёга, отвлекаясь от бумажных дел, которыми был занят. — Хреново выглядишь.

— Знаю, — проворчал Ринат.

— Какие-то проблемы?

— С Лидой кое-чего не поделил.

— С какой Лидой? — проявил неподдельный интерес Сергей. — Почему я о ней ничего не слышал?

— Для шуток, уж извини, сейчас не самое подходящее время. — Ринат сел за стол и подпёр голову руками.

— Да какие шутки... — совершенно серьёзно произнёс его коллега. — Так кто эта Лида? Новая пассия?

«Вот ведь привязался!» — с неудовольствием подумал Ибрагимбеков и почти выкрикнул:

— Жена это моя!

— Так ты успел жениться? Поздравляю! А когда?

— Серёг, шутка подзатянулась — заканчивай.

— А кто шутит?

Ринат поднял взгляд на друга и не увидел в глазах того озорных искорок. Подзабытое ощущение тревоги опять проникло в душу.

— Давай работать, — пробурчал Ринат, изо всех стараясь абстрагироваться от чего-то чёрного и давящего, словно бы растекавшегося по миру. Он старался закрыться от этого в бытовых делах, в работе — безуспешно...

Серёга пожал плечами и вернулся к своим делам.

Иваныч вызвал Рината к себе в середине дня. Находясь на ковре у начальства, Ибрагимбеков обычно не испытывал волнения — всё-таки не зря он дослужился до старшего лейтенанта: полицейский мог и умел контролировать себя. Но сегодняшний день словно подгнил, и это непередаваемое, но чёткое ощущение гнилости сопровождало повсюду.

— Добрый день, Ринат. — Иваныч махнул рукой на пустующие стулья.

— Здравствуйте, Дмитрий Иванович.

Когда Ринат сел, полковник взял слово. Он начал с того, что чрезвычайно снизилась раскрываемость.

— Надо что-то делать, и я надеюсь на вас, ребята! — веско произнёс начальник.

Порассуждав об этом, он перешёл к более отстранённым темам: коснулся проблемы валютных преступников, заполонивших Москву после реформы экономики, тотальной ошибочности общественного мнения в вопросах юриспруденции, нечестности и продажности политиков... Начальник говорил не останавливаясь.

— ...Всё не так, как кажется, — сыпались фразы. — Банды грабят склады на юге. Автомобильные аварии случаются каждый день в огромном количестве. Смертность при родах превысила...

Слушая разглагольствования шефа, Ринат пытался отыскать в них рациональное зерно, однако с каждым новым предложением удавалось это всё сложнее. Внятность дорогой жемчужиной терялась в буйной заросли сорняков-слов.

— ...Налётчики на банк, имеющийся с деньгами, что распространяются людьми без работы, представляя угрозу обществу. Необходимо предотвратить касание запретного в том количестве, которое показано Минздравом, при условии проституции, выходя на круг округляясь закругляясь чтобы было и так как не надо потому что автомобиль не средство сообщения сосудов с полным сумасшествием московских региональных регионов внутривнутривнутризапределамигражданесодружествонезависимыхчеловекавнепониманиясвязь-слово...

Слушая исторгаемую Иванычем бессмыслицу, Ринат всё дальше, всё глубже погружался в какой-то ментальный омут. Поплыло перед глазами: мир размывался, как акварельные краски водой, вещи теряли линии и очертания, звуки исказили самое себя, переходя в нечто отвратительное.

— ...Бу-у-у а-а-а, — доносилось из разверстого рта блёклой фигуры, сидевшей перед Ибрагимбековым. — А-а эу-у-у а-а-а бо-дэ-до-о-о! УУУУУУУУ-УВАААААААУУУААААА, ДУУУУУУУУААААААААААА... — То, что когда-то было человеческой речью, тонуло в глубоком колодце — и там же, рядом, тонул Ринат, слушая это, пропуская через себя. Через какое-то время границы окончательно размылись, и звуки превратились в тлетворное ничто — не сразу, постепенно: удлинившись, вытянувшись, истончившись и пропав.

Закрутившийся в спираль мир уплывал куда-то. Ринат спешил за ним, но догнать не мог — не было возможности: мужчина стоял на месте. Да, он уже не сидел — стоял, а мир... пропал. На миг. Возможно. Мужчина потерялся в собственном восприятии, и будто бы отказало сознание...

А через миг всё вернулось.

Голова была ясной как никогда. Он находился посреди улицы и глядел на указатель. Парково-лесная, 24 — адрес полицейского участка, где он работал. Вот только никакого участка не существовало: ни здесь, ни рядом.

Ринат оглядывался, отыскивал глазами знакомое строение, но оно каким-то неведомым образом испарилось, истёрлось. За исключением этого, ничего не изменилось.

Разве что...

Он снова осмотрелся: безлюдное пространство окружало его. Пустующие тротуары, пустующие мобили, пустующие воздушные трассы, пустующие окна домов... И ветер, в покинутом городе гуляющий там, где ему вздумается.

«Надо позвонить: Серёге, Иванычу — кому-нибудь. Пусть развеют мои страхи, пусть скажут, что всё это просто дурной сон!»

Он сунул руку в карман, но тот был пуст. Ринат дважды обыскал одежду в поисках переговорника, прежде чем смирился с мыслью, — фона нет.

Как поступить дальше? Наверное, следовало осмотреть окрестности, вдруг изменения коснулись и их.

Ближе всего находился банк, и Ринат направился туда. Не успел он сделать и пары шагов, как асфальт под ним проломился. Вытаскивая ногу из дыры, мужчина приглушённо матерился. Но к чему эти экивоки? Ведь вокруг ничего, и даже ветер, казалось, стих. Не силясь вникнуть в суть этого парадокса, Ибрагимбеков дошёл до входа в банк. Автоматическая система не работала. Ринат поднатужился и раздвинул двери — сделать это удалось удивительно легко. А когда проход был открыт, правая дверь отвалилась и с грохотом упала туда, где только что стоял мужчина: в последний момент он отпрыгнул и, продолжая сыпать отборными ругательствами, вошёл в здание банка.

За терминалами никто не сидел, очереди тоже не наблюдалось. Не горели компьютеры и автоматы, не поворачивались бесшумно камеры под потолком. Первым делом Ринат обратил внимание именно на это, а присмотревшись, заметил трещины в стенах, на потолке и в полу — такое впечатление, что здание не ремонтировали в течение десятков лет.

Сверху раздался треск — с громким шумом осыпалась штукатурка. Мужчина поднял взгляд, и — пригрезилось или нет? — трещины на потолке увеличились в размере и длине.

Покинув здание банка, Ринат зашёл ближайший магазин. Строение пребывало в таком же плачевном состоянии: беспорядок, разруха, хаос. Какие-

то товары раскиданы, каких-то вовсе нет, осыпаящаяся штукатурка, трещины в стенах, пыль, запустение, грязный полумрак. Ибрагимбеков решил поскорее обратиться отсюда.

«Домой! Там-то, надеюсь, всё в порядке».

Он вышел из магазина и принялся искать свой мобиль — сначала на стоянке, где его оставил, а после по всей округе, потому что машина исчезла.

Жуткий грохот донёсся до него, когда он уже потерял всякую надежду найти оставленный «ВК». Ринат резко обернулся, его глаза расширились от изумления и ужаса: банк, в котором он только что бродил, рушился. Трещины безумными змеями бежали по стенам, и стены рассыпались в прах, а с ними — перекрытия, а с ними — крыша, а с ней — фундамент. Строение точно бы попало в водоворот разрушения: разламывалось, падало, крошилось всё и одновременно. А затем в едином «порыве», с громким «Ух!» и последовавшим за ним дребезжащим «Шшшшшрррррр!», банк разлетелся кусками-камнями по округе.

Но это было ещё не самое страшное: повинуюсь чутью, Ринат оглянулся и увидел, как превращаются в ничто остальные дома. Магазин, супермаркет, церковная лавка, жилые здания — невидимая волна уничтожения захлестнула город.

Дорога под ногами треснула, и то были глубокие широкие трещины — Ибрагимбеков едва не провалился в одну из них.

Что было дальше, он не помнил — осталась в памяти только распадающаяся на бесполезные частички пятидесятиэтажка, возле которой стоял мужчина. Железобетонный колосс ухнул вниз. Ринат бежал, но ускользнуть от уготованной судьбы не смог: многокилограммовый кусок обрушился

на него. Голодным монстром низринулась вечная тьма. И лишь мелькнула последней искоркой костра мысль: «Конец»...

...Дер засел крепко: дверь одноэтажного, построенного в старом стиле домика была закрыта и, видимо, подпёрта с обратной стороны стулом или чем-то ещё, из распахнутых окон прекрасно просматривалась площадь. Задней стороной дом упирался в кирпичную стену. Кроме того, все подступы деструктор реальности заминировал ментальными бомбами. Из-за этих маленьких, незаметных, чертовски эффективных и очень опасных кругляшков полиция потеряла двух человек. Третьим стал Ринат — щит блокиратора не защитил от выброса энтропийного заряда, случившегося настолько близко и имевшего такую мощность, что полицейский на мгновение ослеп. Волна сфокусированного разрушения захватила его и сдавила со всех сторон — опять.

«Вот он, миг смерти, — промелькнуло в распадающемся сознании. — Что надо думать в такие моменты? И что произойдёт дальше? Куда всё денется?»

Не желающая блекнуть вспышка — мертвенно-бесцветная и игриво-яркая одновременно — заставила его утонуть в непроглядно-тёмном омуте. В смертельном взрыве ментальной бомбы, установленной энгэ. А ведь это был действительно он — негаллюцинирующий, отступник, разрушитель реальности, той самой, что была построена и оберегалась с огромным трудом.

Но реальности больше не существовало.

А потом...

— Я не хочу возвращаться! — едва ли не выкрикнула Лида. — В реальном мире нет ничего интересного!.. **✶**

Мария Ема (псевдоним)

Родилась в 1972 году. Окончила Историко-архивный институт (ныне РГГУ), замужем, живёт в Москве. Публиковалась с 1998 г. в газете «Тайная власть» и в приложении «Супер-триллер» под псевдонимом Мария Игнатова (рассказы «Голубое сияние», «Шарлатан», «Демон ночи», «Подвал»).

Пряха Тиль

У Тиль волосы щедро сдобрены перцем с солью, хотя кожа на лице гладкая, как вода Русалочьего озера в тихую погоду. Тиль прощается с днём, стоя у окна. Прощается каждый вечер, провожает глазами стайки деревенских детей, пастуха Икуба, возвращающегося со стадом перед последним закатным лучом, овчара Свиные уши, который всегда отстаёт от хозяина, шляется по лесу и возвращается в свою конуру с наступлением темноты. Иногда Тиль заправляет выбившуюся прядь за ухо и прислушивается. Ночь полнится звуками, но если она слушает — значит, по дороге скачут всадники на борзых конях, звякает упряжь и копыта бубном бьют в землю-мать. И точно. Всадник или всадники выезжают из леса, чтобы в вихре пыли пронестись мимо. Добрая Кровля — не большая деревня, хотя и стоит почти на королевском тракте. Здесь редко останавливаются посланники и путешественники, предпочитая ускорить ход, чтобы к утру оказаться в столице.

Когда тишина полозовыми кольцами укладывается на улицах Доброй Кровли, Тиль отходит от окна в комнату, полную теней, и разжигает лампадку.

Берёт веретено Матушки Фра и садится за прялку, старую прялку, которая скрипит, словно жалуется, но упорно тянет из кудели ровную, без комочков, нить. Пальцы у Тиль тонкие и сильные, их не коснулись время и болезни, а ногти — красивые и розовые, как у девушки, никогда не возившейся в земле. Тиль — знатная пряха, и за её куделью приезжают и из соседних, и из дальних селений королевства.

Сегодня Тиль забывает прясть. Её лицо обращено в прошлое — угли в камине тускнеют и взрываются искромётными речами, когда она обращает взгляд в его жерло. А в прошлом светлый летний день полон птичьим щебетом и журчанием речушки, в которой молодая девушка болтает ногами, сидя на берегу и подобрав подол платья, чтобы не намочить. И память вновь швыряет испугом топот копыт, лай собак и крики загонщиков. Режет глаза великолепием королевской охоты. Пугает грубым хохотом и тычком копыя. А затем догоняет «дичь», валит её и лишает прежней жизни...

Никто не спасётся от цепких пальцев памяти, выковыривающей красные образы.

Вот кого-то выгоняют из деревни, обзвав шлюхой, едва понимают, что этот кто-то носит дитя. Эти люди знают, что дитя зачато в насилии? Нет. Ведь ты никому не сказала об этом, Тиль. Да и кто бы поверил тебе?..

Вот голод и холод скитаний, превративших тебя в дикого, загнанного зверька, выживающего в лесной чащобе. Вот кровь на твоих бедрах... осклизлая земля... торфяная яма, землю которой ты напитала соком несостоявшейся жизни, навсегда породившись с болотами. Вот закутанная в чёрное фигура Матушки Фра, с коротким хэканьем взвалившая тебя на плечо и унёсшая в свой Дом на Трясилах. И вот — тридцать лет прошло — а прошлое возвра-

щается, чтобы тасовать красные образы, как гадальные карты, и, повинувшись ему, твои красивые пальцы, Тиль, путают и рвут кудель... Ах... Кому-то не повезло...

Неспокойствие клубится дымком из-под одеяла золы...

Наступит полночь, и язычки пламени проснутся, разбуженные движением. Тиль резко встанет, вытянется струной, словно слепая повернётся в сторону двери и будет смотреть на неё широко раскрытыми глазами, пока не услышит стук незваных гостей. И рука её дрогнет, толкая створку.

Двое переступят порог, остановятся, попытаются разглядеть отступившую в глубокую тень хозяйку дома. Он — статен и высок, его пропылённый плащ тонок и отделан драгоценным горностаем, носить которого имеют право лишь короли. Она молода, увенчана тонким обручем белого металла с алмазной каплей на челе. И красива живой красотой души.

Оба выглядят усталыми и держатся друг за друга так, словно отпусти — быть беде.

Бережно коснувшись пальцев спутницы губами, гость скажет звучным голосом, привыкшим отдавать приказы:

— Нам нужна Пряха. Пряха Тиль.

— Это я, мой господин, — ответит бесцветный голос с теневой стороны ночи. — Чего ты хочешь?

Он не ответит. Порывисто, как мальчишка, стасчит с безымянного пальца перстень, на который можно купить десять деревень, подобных Доброй Кровле и бросит на стол.

— Возьми, Пряха. И скажи, если этого мало!

— Достаточно, мой господин. Но мне нужно говорить с каждым из вас. По одиночке. Кто будет первым?

Девушка бросает испуганный взгляд на своего спутника. Тот целует её в лоб — и нежно, и страстно, и не желая отрываться. Разворачивает за плечи и подталкивает к выходу.

— Иди, Талина, я скоро буду.

Когда он возвращается, Тиль указывает на скамью у камина. Гость повинуется, и теперь его лицо освещено неверным светом огня. И верным светом памяти. Могла ли Тиль представить, что увидит его через столько лет? Эти глаза, сейчас сияющие счастьем, тогда были бешено-белыми, как кипящее молоко. А эти руки — красивые руки благородного человека, тогда рвали на ней суровую ткань платья и оставляли на коже грубые болезненные следы. Время свивается в кольцо, гадючьим хвостом бьет Тиль по векам. Они тут же набухают не выплаканными слезами. Но — каламбур — к лицу ли Пряхе открывать истинное лицо?

И Тиль просит голосом, в котором воют стальные ветры, и трещит мороз, лёд сковывает реки, а зимний воздух пахнет смертью:

— Протяни мне руку, мой господин.

Тонкие пальцы касаются его ладони. Тиль не гадалка. Ей нужно тепло и ток крови, из которых можно красной нитью вытянуть жизнь. И она ухватывает её, и тянет на себя, а гость испуганно смотрит, как из середины ладони лунной куделью появляется и исчезает в горячих пальцах Пряхи нечто, чему он не найдет слов.

— Ты хочешь знать правду или то, что хочешь слышать, мой господин? — голос Тиль ломок первым льдом на лужах, шуршит подмёрзшими пальми листьями.

— Правду.

Ответ короток, как удар мечом. Он честен перед собой и миром, этот человек. Сейчас честен. Но знает ли он, чего просит?

— Хорошо. Но скажи мне, чего ты на самом деле хочешь?

Он отдёргивает руку и сжимает в кулак. Не привык просить, привык брать — сейчас умом, раньше — силой, как было с Тиль. И если бы в его жизни не появился свет, осиявший её, источаемый хрупкой принцессой из враждебной страны, король никогда не стал бы таким, как сейчас.

— Я хочу, чтобы Талина всегда была со мной! Наши королевства воюют, и наш брак невозможен. Но я хочу её. Только её хочу. Всю.

Тиль молчит. Огонь в камине давно сопит, засыпая, но движение хозяйской руки поднимает его из-под одеяла золы и заставляет ярко осветить комнату. В темноте остается лишь лицо Тиль.

— Если я скажу, что счастье твое недолго, мой господин, и другой супруг назначен ей судьбой. Тебе придётся вернуть принцессу, похищенную по доброй воле, отцу, иначе твоя страна окажется между двух фронтов! А этого ты, настоящий Король и справедливый Правитель, допустить не захочешь. Любовницы не согреют твоей постели, и бастарды не будут достойны трона. Ты умрёшь, вспоминая её, с именем её на устах и болью о ней в сердце...

Тиль умолкает. Если спросит вослед — она не посмеет отказать. Когда Вопрос задан — Пряха обязана на него ответить!

— А она... Талина. Какова её судьба?

Ответ, как удар мечом наискось, через сердце.

— Твоя возлюбленная умрет через год, после того, как её выдадут замуж. Роды будут тяжёлыми.

Король молчит. Суровые черты лица сведены судорогой — он делает выбор. И он сделает его. Ведь он хочет её. Всю.

— Чем я могу заплатить тебе, Пряха, чтобы ты спряла новую нить для неё?

— Жизнями, мой господин!

— Чьими?

— Своей... и её убийцы.

Он не делает ни движения. Но будто отпатывается от Тиль. Молчит долго, глядя в огонь. Полотно жизни пламени неподвластно. А кудель, из которого оно соткано, неподвластно ничему... кроме пальцев Пряхи.

— Сколько времени быть с ней ты дашь мне? — хриплый голос, как треск сухого дерева в пламени.

— Не я. Судьба. За неё не отвечу. Но обещаю, что и в печали, и в радости, и в болезни, и в здравии, и в жизни, и в смерти Талина будет с тобой. Всегда. Как ты того и желаешь.

— Душу за неопределенное количество времени? — смех подобен карканью ворона на погосте. — Что ж... Пусть с проклятой душой, но с ней, потому что без неё для меня значит — без души.

Тиль смотрит на него, подняв брови. Жизнь жестока. Жизнь учит и лечит, иногда нанося смертельные раны, после которых человек воскресает, как феникс из пепла. Но прошлое неумолимо... Оно нагонит и святого!

Король припечатывает столешницу крепкой ладонью, подтверждая сделку.

— Согласен! Надо ли мне дать тебе каплю своей крови или прядь волос, Пряха? Или что там у вас принято?

— Ничего не надо, мой господин. Достаточно твоего слова. Позови её.

Лишь на миг король бледнеет. Он бы снял с плеч Талины всю тяжесть мира... и её собственную судьбу — если бы мог. Но она должна войти в эту комнату, к этому огню, чтобы услышать голос, подобный сквозняку из преисподней.

Принцесса входит мелкими шажками, прижимая руки к груди.

«Трепетная лань, да и только!» — усмехается Тиль. Это боль в сердце и животе заставляют её думать так зло. Сердце потеряло веру в людей... а чрево не может наполниться новой жизнью. И всё благодаря тому человеку, которого любит принцесса.

— Садись, госпожа. Чего хочешь ты?

Неожиданно уверенный взгляд и чёткий голос гостя. Так смотрят и говорят те, кто однажды переступил порог и не намерен возвращаться домой. Никогда...

...Перед глазами Тиль возникает низкий закопчённый потолок Дома на Трясилах. Тонкие, красивые, неподвластные времени пальцы Матушки Фра, Пряхи Фра, тянут кудель, и прялка постукивает ритмом её, Тиль, сердца. Матушка смотрит взглядом той, что однажды переступила судьбу, чтобы никогда не вернуться домой.

— Только та, что потеряет всё, сможет стать Пряхой. Только та, коей осталась лишь смерть, сможет стать Пряхой. Я взяла твою нить из ямы на болоте, где ты должна была умереть, скинув плод ненависти, и впряду её в свою, чтобы оживить Полотно, узор в котором бледнеет. Время старой Фра отправляться дальше. Ты покинешь этот дом после моей смерти, через десять лет, захватив лишь моё веретено, и поселишься среди людей. Потому что людям, бывает, нужна помощь Пряхи. Ты не будешь нуждаться ни в чём, кроме мести и покоя, и когда-нибудь прошлое достанет тебя...

...Тиль бредит. Слышит ли она эти слова или они только грезятся ей? Неужели прошлое вернулось, чтобы раздать долги? И отчего оно говорит голосом принцессы из враждебной страны, горячим, как пламя, и твёрдым, как скала:

— Его хочу. Навсегда.

Пальцы Тиль невольно сжимаются в кулак. Она скажет правду этой девочке, бросившей спокойную жизнь в топку страстей.

— Тебе не суждено быть с ним, принцесса. Смерть давно ожидает его, но удача была с ним и отводила удар... до тех пор, пока он не посмел похитить тебя. Наемные убийцы уже идут по его следу.

Талина бледнеет. Ещё миг — и потеряет сознание. Тиль не делает шаг вперёд, чтобы поддержать её, когда она сползает со стула. Наоборот, вжимается в стену затылком, плечами, спиной. Она Пряха. И людям, бывает, нужна помощь Тиль. Но помощь Пряхи не означает протянуть руку тому, кто упал.

— Нет, — шепчет Талина и губы её дрожат, сводимые судорогой. — Нет! Что я могу сделать для него?

— Заплатить жизнью за жизнь.

— Согласна. Он — самый лучший, добрый и замечательный человек из всех!

Короткий смешок из темноты безнадежен, как огонёк свечи, накрытый холодной ладонью ветра.

— Конечно, госпожа. Лучший, добрый и замечательный... Вставай и иди. Я приму вашу плату и выполню ваши желания.

Тиль делает шаг вперёд, берёт гостью за запястье и с неженской силой вздёргивает на ноги. Талина отшатывается — глаза Пряхи бешено-белые, как кипящее молоко. А её пальцы оставляют на нежной коже принцессы болезненные красные следы. Нить сплетена...

Тиль с усмешкой смотрит, как Талина бегом покидает комнату. Там, за дверями, король поймает её, словно раненую птицу, укутает в руки, сотрёт тёплыми губами слёзы с век. Они сядут на коней

и отправятся в столицу. Принцесса станет королевой. Будет свадьба, а война закончится. Первый год: и в печали, и в радости, и в болезни, и в здравии...

Через год она понесёт от него. Король отбудет в ежегодный рейд по пограничным крепостям, чтобы вернуться к назначенному сроку. Роды у королевы начнутся раньше и будут тяжёлыми... Известный о происходящем, Король спешно отправится в столицу, прихватив лишь небольшую охрану. Но попадёт в засаду. Ведь убийцы умеют ждать...

Они умрут в одну ночь, в один час и в одну минуту, с именем друг друга на устах, а крик нового человека ликующе взлетит к небесам, чтобы позвать Тиль в дорогу. Неслышной тенью она проникнет во дворец, в суматохе беды которого никому не будет дела до маленького, пищущего комочка. И тёмный плащ накроет и успокоит его, а не по-женски сильные руки выхватят из кровати, чтобы забрать в другую жизнь.

Тиль будет уходить всё дальше и дальше, а длинные тени спляшут колдовские танцы на её следах, пока не шарахнутся в стороны от двух силуэтов, мазнувших по кислому лику луны.

Их лица прозрачны, их глаза пусты, их кони бесшумными бубнами копыт сыграют об землю. Морозный блеск инея на челе заменит им венцы, а звёздная ночь — плащи. И они не разомкнут рук, словно отпусти — быть беде. Призрачные странники — Король и его Королева. Навсегда. Ибо желание заплатившего — закон, а прошлое всегда возвращает долги.

По залитой лунным светом дороге всадники обгонят Пряху Тиль с ребёнком на руках и веретеном Матушки Фра в дорожной суме, чтобы отправиться в Вечность. **У**